

ПРАВО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ЛИЧНОСТЬ

Научный журнал

LAW LEGISLATION PERSON

Research Journal

Выходит 2 раза в год

№ 2(19) 2014

Распространяется по подписке

Подписной индекс **37221**

ISSN 2077-6187

Учредитель

ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»
410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1

Главный редактор

Белоусов Сергей Александрович,
кандидат юридических наук

Заместитель главного редактора

Николаев Владимир Евгеньевич,
кандидат юридических наук

Редакционная коллегия:

С.Б. Аникин (Саратов) — доктор юридических наук, доцент
С.Ф. Афанасьев (Саратов) — доктор юридических наук, профессор
Т.В. Заметина (Саратов) — доктор юридических наук, профессор
Н.С. Манова (Саратов) — доктор юридических наук, профессор
Е.Ю. Чмыхало (Саратов) — кандидат юридических наук, доцент

Редакционный совет:

В.В. Гриб (Москва) — кандидат юридических наук
С.И. Герасимов (Москва) — доктор юридических наук, профессор
А.В. Ильин (Санкт-Петербург) — кандидат юридических наук, доцент
И.Ю. Козлихин (Санкт-Петербург) — доктор юридических наук, профессор
Г.Н. Комкова (Саратов) — доктор юридических наук, профессор
И.М. Мацкевич (Москва) — доктор юридических наук, профессор
С.Б. Суоров (Саратов) — доктор социологических наук, профессор
В.М. Сырых (Москва) — доктор юридических наук, профессор

Адрес редакции: 410025, г. Саратов, ул. Чернышевского, 135 А, ком. 203.

Телефон: (8452) 29-90-90

E-mail: pzl@sgar.ru

Редактор, корректор *Т.Ф. Батищева*

Компьютерная верстка *И.Л. Малкиной*

Журнал зарегистрирован Управлением разрешительной работы в сфере массовых коммуникаций
Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
13 февраля 2012 г. ПИ №ФС77-48566.

Цена для подписчиков 264 руб., в розничной продаже — свободная.

Подписано в печать 22.11.2014 г. Формат 70×100 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура «Literaturnaya». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,16. Уч.-изд. л. 12,9. Тираж 350 экз. Заказ 104.

Отпечатано в типографии издательства ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия».
410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1.

© ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Чилькина К.В. История развития принципов трудового законодательства Германии в XIX веке	7
Дорожднова Н.В. Некоторые вопросы правового регулирования семейных правоотношений	11
Полуда О.Н. Проблемы функционирования института судебных следователей в России во второй половине XIX века: историко-правовой аспект	15
Николаев В.Е. Премии Общества русских драматических писателей и оперных композиторов.....	21

ГРАЖДАНСКОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Шмелева М.В. Международно-правовая политика как гарантия неуклонного соблюдения всеми субъектами международных отношений положений международного права	31
Волос А.А. Принципы защиты прав кредитора и защиты должника в российском обязательственном праве: приглашение к дискуссии	36
Новиков М.В. Структура конкурентных отношений	43

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Королев С.Ю., Швецова И.В. Земельный налог как источник формирования бюджетов муниципальных образований	47
Гугнюк И.Г. Роль кредитной организации в развитии расчетных правоотношений в Российской Федерации.....	54

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Манова Н.С., Шестерикова А.И. О соотношении оснований и целей применения мер пресечения в российском уголовном судопроизводстве	59
Зароченцева Н.В. Функциональная характеристика деятельности прокурора по применению согласительных процедур: социальное назначение и основные направления.....	64
Спесивов Н.В. Реализация в российском уголовном судопроизводстве международного стандарта о праве несовершеннолетних на получение юридической и психологической помощи	72
Гордеев Н.С. Особенности идеологии неоязыческих экстремистских организаций.....	79

**ПО МАТЕРИАЛАМ
ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,
ПОСВЯЩЕННОЙ 150-ЛЕТИЮ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ В РОССИИ**

Ворошилова С.В. Судебные уставы 1864 года	88
Лядашева-Ильичева М.Н. Устав гражданского судопроизводства в России: к 150-летию Судебной реформы 1864 года.	95
Воронин А.В. Реализация ограничительной функции права в российском законодательстве об отборе присяжных заседателей (сравнительно-исторический аспект).....	101
Стребкова Е.Г. Транспарентность судебной власти как одно из направлений ее развития	108
Селезнева Н.М. Судебная власть в зеркале реформ	111
Разгильдиев Б.Т. Социальная результативность уголовного законодательства России и ее виды	116
Абалдуев В.А. Судебная практика как ненормативный регулятор отношений в сфере труда: состояние и проблемы.....	122
Афанасьев С.Ф. О специализации судов и судей: от судебной реформы середины XIX века до современности	129
Белоусов С.А. Постановления Пленума Верховного Суда РФ как средство преодоления различных форм законодательного дисбаланса	136
Соловьева Т.В. Постановления высших судебных органов в новом гражданском процессуальном законодательстве	140
Ефимова И.В. Особенности рассмотрения гражданских дел в апелляционном порядке: историко-правовой аспект.....	144
Царенко П.П. Становление судебной системы Саратовской губернии в условиях Судебной реформы 1864 года	149
Царев Ю.Н. Теоретические и практические аспекты реализации некоторых принципов уголовного судопроизводства при рассмотрении уголовных дел.....	155
Лакаев О.А. Актуальные проблемы производства по делам об административных правонарушениях.....	159
Сухова Е.А. Проблемы применения и перспективы развития земельного законодательства в Российской Федерации	164
Кожокарь И.П. Проблемы реализации принципа единства судебной практики в современных условиях	168
Аннотации	172

CONTENTS

HISTORY OF STATE AND LAW

Chilkina K.V. History of Development of Labour Legislation Principles in Germany in the XIX th century.....	7
Dorodonova N.V. Some Questions of Legal Regulation of Family Relations.....	11
Poluda O.N. Problems of Functioning of Court Investigator Institution in Russia in the Second Half of 19 century: Historical and Legal Aspects.....	15
Nikolaev V.E. The Awards of the Russian Drama Writer Society.....	21

CIVIL AND INTERNATIONAL PRIVATE LAW

Shmeleva M.V. International Law Policy as a Guarantee of Continued Adherence to All Subjects of International Relations International Law.....	31
Volos A.A. Principles of the Creditor's Rights Protection and the Debtor's Protection in the Russian Liability Law: the Invitation to Discussion.....	36
Novikov M.V. Structure of Competition Relations.....	43

FINANCIAL LAW

Korolev S.Yu., Shvetsova I.V. Land Tax as a Source of Municipal Budgets Formation.....	47
Gugnyuk I.G. The Role of Credit Organization in the Development of Calculated Legal Relations in the Russian Federation.....	54

CRIMINAL LAW AND CRIMINAL PROCEDURE

Manova N.S., Shesterikova A.I. On the Relation Between Reason and the Purpose of the Application of Preventive Measures in the Russian Criminal Trial.....	59
Zarochentseva N.V. Functional Characteristic for Activity of a Public Prosecutor in Conciliation Procedures Application: Social Purpose and Guidelines.....	64
Spesivov N.V. Implementation of the International Standards on the Minor's Rights to Legal and Psychological Assistance in the Russian Criminal Procedure.....	72
Gordeev N.S. Features of the Neopagan Ideology of the Extremist Organizations.....	79

**RUSSIAN ACADEMIC AND RESEARCH CONFERENCE REVIEW
ON THE 150TH ANNIVERSARY OF THE JUDICIAL REFORM IN RUSSIA**

Voroshilova S.V. Judicial Statutes of 1864.....	88
Lyadascheva-Ilicheva M.N. Civil Procedure Statute in Russia to the 150th Anniversary of the Judicial Reform of 1864.....	95
Voronin A.V. Implementation of Restrictive Functions of Law in the Russian legislation Relating to Selection of Jurors (Comparative-historical Aspect).....	101
Strebkova E.G. Transparency of the Judiciary as One of its Development Trend.....	108
Selezneva N.M. The Judiciary as a Reflection of the Reform.....	111
Razgildiev B.T. Social Effectiveness of the Criminal Legislation of Russian Federation and its Types.....	116
Abalduev V.A. Judicial Practice as Non-Normative Regulator Relations at Work: Status and Problems.....	122
Afanasiev S.F. On the Specialization of Courts and Judges: from the Judicial Reform in the middle of the XIX century to the Present Day.....	129
Belousov S.A. Acts of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation as a Means of Overcoming the Various Forms of Legislative Disbalance.....	136
Solovieva T.V. The Judgments of the Supreme Judicial Authorities in the New Civil Procedure Law.....	140
Elimova I.V. Peculiarities of Civil Cases Appeal: Historical and Legal Aspects.....	144
Tsarenko P.P. Formation of the court system in the Saratov province, according the Judicial Reform of 1864.....	149
Tsarev Ju.N. Theoretical and Practical Aspects Implementation some Principles of Criminal Procedure at Consideration Criminal Case.....	155
Lakaev O.A. Actual Problems of Manufacture on Affairs about Administrative Offences.....	159
Suhova E.A. Problems of Application and Prospect of Development of the Land Legislation in the Russian Federation.....	164
Kozhokar I.P. The Problems of Realization of the Principle of Uniformity of Court Practice in the Modern Conditions	168
Summary	172

К.В. Чилькина*

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ПРИНЦИПОВ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ГЕРМАНИИ В XIX ВЕКЕ

Сегодня в ФРГ трудовые отношения регламентированы множеством законодательных актов. Специалисты систематизируют данное законодательство по следующим отраслям: Основной закон и право Европейского союза; законодательство, регулирующее трудовые отношения между работодателем и отдельным работником; законодательство о защите трудовых прав работников (закон о рабочем времени, закон о защите трудовых прав матерей и т.д.); коллективное трудовое право; социальное право; процессуальное право¹. Большой блок нормативно-правовых актов посвящен регулированию отношений между работодателем и работником. Этот блок законодательства выступает правовой базой производственной демократии в ФРГ. Отдельные принципы и институты этого законодательства были сформулированы в Германии еще в XIX в., когда решение т.н. рабочего вопроса заставило законодателя вмешиваться в отношения работодателей и работников. Под рабочим вопросом понимали духовные, политические и организационные усилия рабочего сообщества, предпринимаемые в целях осуществления социального равенства, свободы и безопасности².

Прусское правительство уже в 20-х гг. XIX в. обратило внимание на необходимость разработки специального законодательства, определяющего различные условия и отношения фабричной промышленности. В 1837 г. по просьбе земского собрания Рейнской провинции было принято Положение о фабриках, которое в 1839 г. распространилось на все государства из-за ухудшения народного здоровья по той причине, что общины не в состоянии были поставлять необходимое количество рекрутов вследствие недостатка здоровых молодых людей.

На развитии трудового законодательства Германии сказывалось состояние этой отрасли права в Англии, которая была «прародительницей» социального законодательства³. Великобритания смогла материально, финансово поддержать реформы в сфере обеспечения рабочих, во-первых,

* Чилькина Ксения Владимировна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры истории государства и права ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия».

опираясь на индустриализацию; во-вторых, благодаря распространению либерализма в экономической теории; в третьих, из-за эффективной модели парламентаризма. Эти три аспекта создали основу политической и социальной конкуренции. Концепция формальной социальной политики обеспечивала материальную помощь посредством утверждения государственного контроля, создания системы здравоохранения, поддержки личной способности к самообеспечению и самоответственности. В Англии уже в 1802 г. был издан закон о защите детского труда, в 1819 г. — закон о запрете занятости детей младше 9 лет и с установлением максимального предела рабочего времени для детей 9–16 лет, а в 1847 г. составлен кодекс, включавший законодательные акты о защите труда⁴.

В 1839 г. в Берлине (Пруссия) по примеру Англии были опубликованы Правила о занятости подростков на фабриках (от 9 марта 1839 г.). В данном нормативно-правовом акте говорилось, что подросток младше 9 лет не может быть занят на горных, металлургических, рудных промыслах (§1). Здесь же было обозначено, что тот, кто не имеет аттестата о трехлетнем школьном образовании, кто не умеет читать на родном языке и не владеет навыками письма, тот не допускается к работе на промыслах. Исключением могут стать только случаи, когда хозяин заведения организует при промысле школу. Решение о том, достаточно ли такой школы для занятых на промысле работников, принимало Правление, которое также определяло соотношение времени трудовой занятости и времени обучения (§ 2). Специально оговаривалось, что лица, не достигшие 16 лет, не могут быть заняты на таких промыслах более 10 ч в день.

Работникам устанавливался ежедневный трехразовый перерыв: 15 мин до обеда, 15 мин после обеда и часовой перерыв в обед для пребывания на свежем воздухе (§ 4). Запрещалась занятость подростков после 9 ч вечера и до 5 ч утра, а также в воскресенье и в выходные дни (§ 5). Верующим рабочим-христианам предоставлялось право в рабочее время освободиться от работы для совершения тех религиозных обрядов и в то время, которое определялось их духовными наставниками (например, уроки катехизиса). Собственники обозначенных промышленных заведений обязывались вести точный и полный список с указанием имен, возраста, места жительства, родителей работников и времени, когда он принят на работу, и при необходимости должны были предоставлять эти списки представителям полиции и школы (§ 7). Собственники промышленных заведений, нарушавшие данные предписания, штрафовались в размере от 1 до 5 таллеров за каждого ребенка (§ 8)⁵.

В 1845 г. был принят Промышленный Устав, который, по мнению специалистов, создал промышленное право, соответствующее новым условиям развития государства: отмена крепостного права, трансформация деления общества на основе профессиональной принадлежности, существование экономического единства отдельных немецких государств и княжеств (Таможенный союз) и др. Огромное значение в процессе регулирования трудовых отношений в конце XIX в. играл Промышленный Устав

Германской империи (сначала Северо-Германского Союза) от 21 июня 1869 г. с многочисленными изменениями: особенно законами от 17 июля 1878 г. (определения о защите работников и об отношениях с подмастерами), от 18 июля 1881 г. (о союзах на предприятиях), от 1 июля 1883 г. (о промышленных предприятиях в движении), от 1 июня 1891 г. (закон о защите рабочих), от 26 июля 1897 г. (законодательство о ремесленном труде), от 30 июня 1900 г. (о лицах, занятых в местах публичных продаж).

В Пруссии, где посредством Эдикта от 2 ноября 1810 г. и закона от 7 ноября 1811 г. упразднились цеха, в 1845 г. был введен принцип свободы промысла, что способствовало развитию нового единого для многих немецких земель промышленного права (Промышленный Устав 1845 г.).

Имперский Промышленный Устав опирался на принцип свободы промыслов, однако этот принцип ограничивался в публичных интересах и в целях защиты правомочных претензий. Существовали ограничения свободной предпринимательской деятельности. К их числу относились требования получения в полиции разрешения постройки определенных сооружений, что делалось в интересах третьих лиц, административные акты в защиту интересов рабочих и ремесленников, а также интересов неопределенного круга лиц, которым может быть причинен вред здоровью, обсчет, обвес и пр.

Промышленное законодательство Германии интенсивно развивалось на протяжении второй половины XIX в., в него добавлялись все новые и новые новеллы, которые, однако, демонстрировали определенный дуализм. С одной стороны, расширялся принцип свободы промысла, с другой стороны, вводились разумные ограничения данной свободы.

Промышленный Устав распространялся не на все промыслы. В соответствии с §6 данные нормы не регулировали рыболовство, учреждение аптек, воспитание детей без вознаграждения, ведение учебных занятий, адвокатскую и нотариальную практику, промышленные предприятия странствующих производителей, предприятия по страхованию, предприятия железной дороги, правомочия по содержанию публичных дорог, правовые отношения корабельных хозяйств и мореходств. На такие сферы, как горные промыслы, ведение медицинской терапии, продажа лекарственных средств, проведение лотерей, Промышленный Устав распространялся только в той степени, насколько это прямо указывалось в нем. Также Промышленный Устав не распространялся на сельское и лесное хозяйство, виноградники, охотничьи угодья, предприятия культуры и искусств (за исключением театров). По существу данный акт регулировал отношения в сфере ремесленного, промышленного труда, торговли, транспортных и хозяйственных предприятий.

Промышленный Устав включал 10 разделов и заключительных положений: Тит. I (§ 1–13) содержал общие положения; Тит. II (§ 14–54) описывал правовой статус существующих промышленных предприятий; Тит. III (§ 55–63) регулировал деятельность промышленных предприятий; Тит. V (§ 72–80) перечислял налоги; Тит. VI (§ 81–104) обозначал

правовой статус различных союзов на предприятии — союза работодателей и работников (но не профсоюз), отделы ремесленников, союзы союзов (Innungsverbände); Тит. VII описывал правовой статус промышленных рабочих (подмастерьев, помощников, учеников, служащих предприятия, мастеров цеха, техников, фабричных рабочих) (§ 105 — 139 m); Тит. VIII был посвящен положению и деятельности промышленных касс взаимопомощи (§ 140); Тит. IX — статусным положениям (§ 142); Тит. X — положениям о штрафах (§ 143—153); отдельные параграфы были посвящены заключительным положениям (§ 154, 155).

Особое внимание в свете дальнейшего своего развития в сторону производственной демократии обращал на себя построенный на новелле от 26 июля 1897 г. разд. VI, который составлял основной источник законодательства о ремесле (§ 81—104), регулировал отношения рабочих и работодателей в союзах, деятельность таких союзов. Лица, самостоятельно образующие предприятия в соответствии с Промышленным Уставом, могли в целях укрепления общих промышленных интересов создать союз. Обязательная задача такого союза, который был корпорацией публичного права, состояла в заботе об общем духе (Gemeingeist), а также поддержке и укреплении чести корпорации посредством участия в таком союзе, требовании благотворных (полезных) отношений между мастерами и подмастерьями, а также обеспечении посреднических агентств, бирж труда⁶.

С 90-х гг. постоянно расширялась сфера правового регулирования в сфере труда. Изменения касались и Промышленного устава. Законы 1897 и 1900 гг. вводили нормы, на основании которых упорядочивался процесс профессионального обучения, профессионального школьного обучения, устанавливалось время отдыха для торгового персонала в открытых торговых учреждениях и пр. В 1903 г. были приняты законы о детском труде и введено запрещение в промышленности белого и желтого фосфора, которые стали результатом деятельности Общества социальных реформ⁷.

Расширение трудового законодательства повлекло за собой и необходимость наблюдения за его применением. Как отмечал Г. Зидов, страхование и расширение прав рабочих в сфере труда образовали «сложное строение в здании германского законодательства»⁸.

Конец XIX в. в развитии трудового права был ознаменован еще и тем, что в 1890 г. был принят Закон «О промышленных судах», в соответствии с которым создавалась сеть промышленных судов наряду с действующими третейскими судами по трудовым спорам и в законодательстве подробно регламентировалась и расширялась деятельность фабричных инспекций.

Таким образом, развиваясь отчасти под влиянием зарубежного (английского и французского) опыта, немецкое трудовое законодательство на протяжении всего XIX в. совершенствовалось в направлении подробной регламентации отношения работника и работодателя. Сравнительно рано (первая половина XIX в.) в законодательстве была установлена ответственность работодателей за ненадлежащее соблюдение прав работника.

Огромную роль в регламентации отношений сторон трудовых правоотношений сыграл имперский Промышленный Устав. На рубеже XIX—XX вв. трудовое законодательство Германии развивалось уже во всех направлениях (ставились также вопросы на повестке заседаний законодательных органов) об обеспечении работающих на случай безработицы, характерных для государств нового типа (производящая экономика и достижение социальных компромиссов на базе закона). Новый этап в развитии трудового права Германии начался в 1918 г., когда на уровне Конституции закреплялись личные, социально-экономические, политические права и свободы всех граждан. В 20-х гг. XX в. были решены задачи унификации трудового законодательства, системы судебных учреждений, рассматривающих трудовые споры, создано законодательство, решающее проблему безработицы и пр.

¹ URL: http://www.hensche.de/Rechtsanwalt_Arbeitsrecht_Gesetze.html#tocitem2 (дата обращения: 25.10.2014).

² Eisenhardt U. Deutsche Rechtsgeschichte. 2. Auflage. Verlag C.H.Beck. S. 387.

³ Metz K.H. Geschichte der sozialen Sicherheit. Stuttgart: Kohlhammer. 2008. S. 51.

⁴ Erdmann G. Die Entwicklung der deutschen Sozialgesetzgebung. 2., erw. Aufl., 1957. XI. S. 4.

⁵ Regulativ über die Beschäftigung jugendlicher Arbeiter in Fabriken vom 9. März 1839, PrGS, 1839, 156 // Stolleis, Michael Quellen zur Geschichte des Sozialrecht. Musterschmidt Göttingen; Frankfurt; Zurich. S. 67–68.

⁶ Lueger Otto. Lexikon der gesamten Technik und ihrer Hilfswissenschaften, Bd.4. Stuttgart; Leipzig, 1906. S. 479–485.

⁷ См.: Зидов Г. Рабочее законодательство и рабочие реформы в Германии. Одесса, 1905. С. 7.

⁸ Там же. С. 17.

Н.В. Дородонова*

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СЕМЕЙНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Во всех странах семьи континентального права основным методом правового регулирования правоотношений в сфере семейного права выступает гражданско-правовой метод. Бельгийское семейное право не является исключением.

Под источниками семейного права понимаются те правовые нормы и правовые акты, которыми регламентируются семейные правоотношения. Для зарубежного, в частности бельгийского семейного права, характерны такие основные источники, как международные договоры, внутригосударственное законодательство, а также судебная практика.

Что касается внутригосударственного законодательства, то оно действует в пределах каждого отдельного государства, и является результатом реализации нормотворческой функции государственных органов. Гражданский кодекс остается первой и основной ссылкой семейного права и, кроме того, служит наиболее важным источником регулирования семейных правоотношений.

*Дородонова Наталья Васильевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия».

Книга I «Лица» Гражданского кодекса Бельгии, в частности, ст. 7–515 посвящены заключению и расторжению брака, родству и родительской власти, Книга III регулирует вопросы имущественного аспекта, т.е. определения режимов имущественных отношений между супругами, дарения и наследования.

В связи с тем, что Гражданский кодекс Бельгии был полностью заимствован из Французского гражданского кодекса 1804 г., соответственно, некоторые части кодекса в области регламентирования семейных правоотношений, подверглись коренным изменениям: большинство положений были изменены или отменены полностью.

Семейно-правовые положения закреплены также и в конституционном законодательстве большинства развитых европейских стран, однако в Конституции Бельгии, принятой в 1994 г.¹, всего лишь несколько статей регламентируют сферу семейных правоотношений: ст. 21 закрепляет приоритет заключения гражданского брака перед церковным браком, за исключением случаев, установленных при необходимости законом; ст. 22 устанавливает право на уважение частной и семейной жизни.

Определенная часть норм в сфере семейного права может быть закреплена в иных кодексах или международных законах. Так, одной из целей принятия в 1967 г. Гражданского процессуального кодекса Бельгии явилось урегулирование вопросов судопроизводства по имущественным делам в области семейного права, а именно в ст. 931 и 1232–1322, 1278, ч. 1 ст. 1280, ст. 1283, 1287–1288, 1304, 1305, ч. 1 ст. 1309, ч. 1 ст. 1310.

Кроме того, кн. I Гражданского кодекса и Гражданско-процессуального кодекса дополняются многочисленными специальными законами, регулирующими определенные аспекты семейного права. К ним относятся:

Закон от 30 апреля 1958 г., регулирующий аспекты дееспособности несовершеннолетних при совершении действий со сберегательными банковскими счетами²;

Закон от 8 апреля 1965 г. в сфере защиты несовершеннолетних³;

Закон от 8 августа 1983 г., регламентирующий государственный регистр населения физических лиц⁴;

Кодекс бельгийского гражданства от 28 июня 1984 г. (*Wetboek van de Belgische nationaliteit (W.B.N.)*)⁵;

Закон от 15 мая 1987 г. об имени и фамилии⁶;

Закон от 8 декабря 1992 г. о защите частной жизни⁷.

В данную серию законодательных актов также органично вписывается и Закон от 8 июля 1976 г., касающийся регулирования работы общественных центров социального здоровья⁸ в семейно-правовых аспектах.

Изначально вся сфера семейного права регулировалась федеральным законодательством, что в принципе и сохраняется в Бельгии на данный момент. Однако в настоящее время активно развивается местное законодательство. Например, во фламандском сообществе относительно Фламандского региона Бельгии были изданы следующие декреты в семейно-правовой области:

Декрет от 4 апреля 1990 г. об особом статусе ребенка⁹;

Декрет от 7 мая 2004 г., регламентирующий правовое положение несовершеннолетнего при оказании правовой помощи¹⁰;

Декрет от 15 июля 2005 г. по вопросам международного усыновления¹¹.

Со значением конституционных законов сравнима роль международных конвенций. Мировое сообщество признает ценность семьи, ее важную роль как в общественном развитии, так и в формировании личности каждого индивида. После окончания Второй мировой войны право на заключение брака стало международной гарантией, обеспечиваемой сформулированными и закрепленными в международных правовых актах правами человека. В международно-правовых документах в области соблюдения прав человека констатируется, что семья является естественной и основной ячейкой общества, имеет право на защиту со стороны общества и государства.

В юридической практике достаточно часто возникает необходимость реализации норм международного права в национальном праве. Так, в Бельгии национальное законодательство признает некоторые международные договоры частью права государства. Согласно Конституции Бельгии международные договоры могут действовать внутри государства, в сфере действия национального права. В числе международных договоров, подписанных и ратифицированных Бельгией в области семейно-правовых положений, можно отметить следующие:

Европейская конвенция по правам человека, подписанная Бельгией 4 ноября 1950 г. и ратифицированная 14 июня 1955 г.¹²: ст. 12 закрепляет основное право на заключение брака и образование семьи, ст. 8 гарантирует, что каждый человек имеет право на уважение частной и семейной жизни;

Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.¹³: ст. 16 гарантирует право на социальное обеспечение;

Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, подписанный 10 декабря 1968 г. и ратифицированный 21 апреля 1983 г.: ст. 10 признает право на вступление в брак и право основывать семью¹⁴;

Международный пакт о гражданских и политических правах, подписанный Бельгией 10 декабря 1968 г. и ратифицированный 21 апреля 1983 г.¹⁵: ст. 23 определяет, что семья является естественной и основной ячейкой общества, имеет право на защиту со стороны общества и государства, а также обеспечивает равенство прав и обязанностей супругов в отношении вступления в брак, в браке и при его расторжении.

Кроме таких определенно гарантированных прав в сфере семейного права, имеет значение и Постановление Европейского суда по правам человека от 13 июня 1979 г. Маркс против Бельгии¹⁶, в котором Европейский суд постановил, что Конвенция должна толковаться с учетом сегодняшнего дня, основываясь на эволюции семейного законодательства. В этом решении указано, что уважение к семейной жизни накладывает на государство обязательство способствовать нормальному развитию таких связей. Однако развитие семейных отношений между не состоящей в браке матерью и признанным ею ребенком может осложниться, если ребенок не становится

членом всей семьи его матери и если установление факта материнства касается только отношений между матерью и ребенком.

Международная конвенция о правах ребенка от 20 ноября 1989 г., одобренная Декретом Фламандского парламента 15 мая 1991 г.¹⁷, Федеральным законом от 25 ноября 1991 г.¹⁸ и ратифицированная Бельгией 16 декабря 1991 г., гарантирует всевозможные основные права ребенка. Необходимо отметить, что Конвенция уже предоставила повод к принятию внутреннего законодательства главным образом в сфере защиты и соблюдения прав несовершеннолетних.

Хартия Европейского Союза об основных правах, подписанная Бельгией 7 декабря 2000 г., объединяет в себе все гражданские, политические, экономические и социальные права европейского гражданина и лиц, находящихся на территории Европейского Союза, в шести главах¹⁹. Хартия опирается на фундаментальные права и свободы, закрепленные в Европейской конвенции по защите прав человека и в основных законах государств-членов. Во всех декларациях по защите прав человека гарантировано право на заключение брака между мужчиной и женщиной.

В Декларации о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 18 декабря 1979 г., также ратифицированной Бельгией,²⁰ в ст. 16 искореняются все формы дискриминации в отношении женщин и устанавливается полное равенство мужчины и женщины посредством введения положений, касающихся как заключения брака, так и взаимных правоотношений между супругами и детьми.

Международный арбитраж играет важную роль в эволюции семейного права. Согласно ст. 27 Венской конвенции о праве международных договоров участник соглашения не может ссылаться на положение своего внутреннего национального права в качестве оправдания для невыполнения им соглашения. Так называемые коллизии норм международного и внутригосударственного права часто возникают из-за несогласованности предписаний национальных законов и норм международного права. Встречающиеся на практике случаи коллизий норм международного и национального права создают трудности для реализации этих норм субъектами права. Обычно в национальном праве при коллизии норм действует принцип «позднее изданный закон отменяет ранее изданный». Так, Закон от 6 января 1989 г.²¹, признавший правомочие законов о проверке статей Конституции Бельгии от 1994 г. (ст. 10 — принцип равенства, ст. 11 — запрещение дискриминации), положил начало пересмотру норм в области семейного права и их приведение в соответствие с принципами равенства. Закон от 9 марта 2003 г.²² признал за международным арбитражем полномочия по проверке всех статей Титула II «О бельгийцах и их правах» Конституции Бельгии 1994 г., что положило начало верховенства Конституционного суда в эволюции семейного права.

Таким образом, очевидно стремление повысить ценность конституционных норм, усилив их практическое значение как норм, стоящих над обыкновенными законами.

Необходимо отметить, что в прошлом бельгийская судебная практика играла достаточно консервативную роль в сфере семейного права, однако с конца 80-х гг. ситуация изменилась вследствие того, что судебная практика позволила заполнить пробелы в законодательстве и интерпретировать намеренно замалчиваемые моменты, например, в отношении незарегистрированного сожительства, фактического расставания супругов и т.д.

¹ См.: Конституции государств Европейского Союза [редкол.: Л.А. Окуньков (рук.) и др.]. М., 1997. С. 106.

² Belgische Staatsblad. 1958. 10 mei. № 130.

³ Belgische Staatsblad. 1965. 15 april. № 74.

⁴ Belgische Staatsblad. 1984. 21 april. № 80.

⁵ Belgische Staatsblad. 1984. 12 juli. № 134.

⁶ Belgische Staatsblad. 1987. 10 juli. № 131.

⁷ Belgische Staatsblad. 1993. 18 maar. № 54.

⁸ Belgische Staatsblad. 1976. 5 augustus. № 151.

⁹ Belgische Staatsblad. 1990. 8 mei. № 88.

¹⁰ Belgische Staatsblad. 2004. 4 juni. № 199.

¹¹ Belgische Staatsblad. 2005. 16 september. № 268.

¹² URL: <http://www.echr.ru> (дата обращения: 12.11.2014).

¹³ См. ст. 16 Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г. // Действующее международное право: в 3 т. / сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. М., 1997. Т. 2. С. 8.

¹⁴ См. ст. 10 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г. // Действующее международное право: в 3 т. / сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. С. 14.

¹⁵ См. ст. 23 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. // Действующее международное право: в 3 т. / сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. С. 29.

¹⁶ EHRM 13 juni 1979 (Marckx t. Belgie). Serie A. Nr. 31. § 40.

¹⁷ Belgische Staatsblad. 1991. 19 juli. № 53.

¹⁸ Belgische Staatsblad. 1992. 17 januari. № 12.

¹⁹ URL: <http://www.eihr.ee/Rus/HartaRus.html> (дата обращения: 11.11.2014).

²⁰ См.: Международные акты о правах человека: сборник документов / сост. В.А. Карташкин, Е.А. Лукашева. М., 1998. С.241–244.

²¹ Belgisch Staatsblad. 1989. 31 januari. № 21.

²² Belgisch Staatsblad. 2003. 11 april. № 130.

О.Н. Полуда*

ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА СУДЕБНЫХ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В настоящее время необходимым условием стабильного развития общества, в котором признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина являются приоритетной обязанностью государства, выступает эффективная работа органов правосудия. Обеспечение доступа граждан к правосудию, его максимальной открытости и прозрачности, реализация принципа независимости и объективности при вынесении судебных реше-

* Полуда Оксана Николаевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия».

ний являются основными направлениями дальнейшего развития судебной системы¹. Определяющим способом укрепления системы правосудия представляется соответствующая законодательная база, тесно взаимосвязанная с процессами социально-экономического, политического и культурного развития общества. Формирование доверия к российской судебной системе, прозрачность, публичность и гласность правосудия обеспечивают устойчивое развитие государства и общества на современном этапе.

Судебная власть в современной России обладает всеми атрибутами государственной власти и, как отмечают современные юристы-практики, выступает стабилизирующим фактором в государстве, способным гарантировать защиту прав и свободы граждан, а общество от социальных конфликтов². Однако утверждению независимой и самостоятельной судебной власти — фундаментального принципа в государственном механизме страны предшествовал долгий исторический путь становления. Положительный опыт, накопленный демократическими институтами, таким как институт судебных следователей, введенный в России во второй половине XIX в. отчетливо проявился в сфере реализации судебной деятельности в национальном законодательстве³.

Указом императора Александра II от 8 июня 1860 г. учреждались должности судебных следователей⁴, Основными положениями преобразований судебной части в России⁵ от 29 сентября 1862 г. судебные следователи в правовом положении приравнивались к членам окружного суда. Для занятия должности судебного следователя требовалось наличие юридического образования или опыта работы в судебном ведомстве. Они не могли быть уволены иначе как по решению суда, перевод судебного следователя из одного участка в другой строго регламентировался и мог производиться исключительно с согласия самого следователя⁶. Итак, фиксировалось дальнейшее изменение правового статуса судебных следователей: законодательно закреплялась их несменяемость. Судебные следователи освобождались от исполнения обязанностей и предавались суду на том же основании, что и другие члены судебных мест⁷.

В пореформенной России реализации принципов независимости и несменяемости судебных деятелей отводилось одно из центральных мест в трудах отечественных исследователей. Основной вопрос, занимавший внимание авторов, — самостоятельность суда. Подробному анализу подвергались условия (гарантии) обеспечения судебной власти: отделение ее от административной, несменяемость судей и следователей, их материальное обеспечение и пр. Например, С. Н. Трегубов особо останавливался на порядке замещения должности следователя как гарантии его самостоятельности. Им отмечалось, что на практике, в обществе укоренилось убеждение: служить успешно по судебному ведомству возможно лишь при наличии солидной протекции или умении угождать начальству. Факты свидетельствовали, что в то время, когда одни чрезвычайно быстро двигались по судебной-иерархической лестнице, другие судебные деятели, часто не

уступавшие первым ни по своим способностям, званиям и трудолюбию, ни по нравственным качествам, оставались десятки лет в одном и том же положении без всякой надежды на дальнейшие перспективы⁸. Не случайно в своей вступительной речи при назначении на пост министра юстиции Н.В. Муравьев предостерегал подчиненное ему ведомство от «искательства и фаворитизма»⁹. Несовершенство пореформенной судебной системы наиболее ярко выражалось в неравномерном прохождении судебной службы, при наличии (чего так опасались составители судебных уставов) «чрезмерной угодливости членам окружных судов к тем, от которых зависело их дальнейшее положение»¹⁰.

Другим серьезным недостатком функционирования института судебных следователей, который, несомненно, сковывал и ограничивал принцип самостоятельности судебной власти, наряду с недостаточным количеством юридических кадров, было отсутствие должного финансового обеспечения деятельности судов. Экономия денежных средств отрицательно сказывалась на состоянии правосудия на местах. Примером подобной ситуации может служить прошение уездного присутствия, направленное в конце 1862 г. губернскому начальству о создании городских участков судебных следователей по причине накопления дел, значительно превышающих возможности одного следователя. Губернское начальство прошение уездного собрания отклонило «по финансовым соображениям»¹¹. Итак, недостаточное материальное и кадровое обеспечение являлось серьезным тормозом на пути практической реализации правосудия в России во второй половине XIX в.

Полиция по закону 1860 г. производила дознание по преступлениям или проступкам¹², не находясь в непосредственном подчинении судебного следователя. Формально следователь не мог обязать полицейского исполнять какие-либо свои требования. В случае выявления неправомерных, незаконных действий чинов полиции следователю предписывалось доложить о них начальству. К этому стоит добавить, что выполнение таких предписаний отвлекало следователей от производства процессуальных действий, многие из которых требовали экстренных вызовов. В результате терялось не только время, но и возможность доказать действия, противоречащие закону. Полиция «в понятии общества стояла выше суда» и накануне реформы, от чего нарушений и злоупотреблений правами было не меньше. В обращении Харьковского, Тульского и Воронежского дворянства к Александру II от 26 сентября 1859 г. говорилось: «В делах уголовных становой или частный пристав производит следствие, отбирает показания свидетелей по своему выбору и по безграмотности их, при таинственности судопроизводства, не допускающего контроля на месте, составляет часто показания вовсе несправедливые: но следствие, произведенное становым, составляет краеугольный камень делу»¹³.

Тем не менее, деятельность царских органов уголовной юстиции, в частности полиции и суда, нуждалась в согласованности и координирован-

ности. От взаимодействия судебного следователя и полицейского сыщика зависел конечный результат уголовного производства. На практике консолидировать интересы его участников удавалось далеко не всегда. Примером не только не оказания содействия судебным властям в отправлении правосудия, но и совершения преступления членом земской полиции являлся случай, связанный с пропажей вещей и денег. В этой связи к станному приставу — представителю земской полиции — обратился крестьянин. Подозрение в краже пало на троих крестьян. Полицейский чиновник, произвел обыск у одного из подозреваемых (самого бедного); двоих других (более зажиточных) эта процедура не коснулась вовсе. В акте свое бездействие в отношении последних представитель земской полиции объяснил тем, что по просьбе самого пострадавшего, который стремился отвести от крестьян подозрение, необходимое следственное действие не производилось. В действительности пострадавший обвинял именно этих лиц в краже¹⁴. Такие действия чиновника земской полиции свидетельствовали либо о некомпетентности, либо о его сговоре с подозреваемыми. Достаточно и других примеров злоупотреблений по должности, равнодушия или бездействия земской полиции, нарушения законодательства судебными следователями. Интерес представляет и факт из Сенатской практики. На протест губернского прокурора на постановление уголовной палаты о неправомερных действиях судебного следователя Правительствующий сенат ответил отказом, мотивируя его тем, что заключение о предании суду судебного следователя подлежало исключительной компетенции министра юстиции, а в губернии непосредственно уголовной палате, «без предварительного его рассмотрения в губернском правлении»¹⁵. Из циркуляра Минюста следовало, что дела о предании суду лиц, занимающих должности судебных следователей, подлежали рассмотрению судебного ведомства, но не местной администрации. Известны случаи установления и применения к чинам судебного ведомства административной ответственности¹⁶. Произвол, нарушение законности порождали в населении недоверие, отрицательное отношение к чинам царской уголовной юстиции. По свидетельству современника, люди, принадлежавшие к низшим сословиям, прежде чем пойти к следователю, шли посоветоваться сначала к более опытным старшим, получая наставление: «Смотри, брат, не проболтайся, а то затаскают тебя: говори, знать, мол не знаю, видеть не видел и слышать не слыхал... И вот приходят они к следователю с готовым ответом, с твердым намерением сказать ложь...»¹⁷. В таких обстоятельствах следователь вынужден был изыскивать необходимую информацию, прибегая к различным, не всегда законным, способам.

В Судебных уставах 1864 г. требованиям к кандидатам на должности по судебному ведомству посвящалась отдельная глава¹⁸. В частности, кандидатами на судебную должность могли стать лица, окончившие курс юридических наук в высших учебных заведениях и имевшие аттестаты о сдаче экзамена по соответствующим дисциплинам (ст. 407). Решение вопроса

об утверждении кандидат на должность зависело от усмотрения министра юстиции (ст. 408). Состоящие на государственной службе кандидаты штатного жалования не получали (ст. 412). В случае недостатка судебных следователей по судебному ведомству кандидаты могли командироваться с разрешения суда для производства следствий по преступлениям и проступкам (ст. 415)¹⁹. Последнее означало, что кандидат действовал в статусе судебного следователя. Наличие рассматриваемых положений имело еще более отрицательные последствия. Следователей часто долгие годы не утверждали, а числили кандидатами, «исполняющими должность».

К концу 70-х гг. юристы-практики констатировали упадок этого института, обусловленного, главным образом, недостаточной проработанностью законодателем соответствующих положений в части регламентации порядка подготовки молодых юристов к судебной деятельности. Пробелы в законодательстве восполнялись судебной практикой. Н.В. Муравьев, будучи прокурором Московской судебной палаты, а с 1889 по 1891 г. — председателем юридической испытательной комиссии при Императорском Московском университете имел возможность лично знакомиться с молодыми людьми, большинство из которых потом оставались в судебной системе. В целях развития института кандидатов на должности по судебному ведомству, а также увеличения авторитета судебной власти им были составлены правила (программа). В основных положениях их суть сводилась к следующему:

1) кандидатов на судебные должности необходимо выделить в отдельную группу (корпорацию);

2) непосредственное руководство группой сосредоточить на соответствующих чинах прокуратуры;

3) равномерное распределение предусмотренного вознаграждения, которое должно зависеть от служебных заслуг кандидата, а также его материального положения. Иначе говоря, вознаграждение рассматривалось не как особого рода льгота или привилегия, а, как средство стимулирования кандидата;

4) обеспечение системности в проведении служебных занятий, особое внимание уделялось их последовательности (от более легких к более сложным);

5) организация занятий в форме подготовки и защиты рефератов по актуальным вопросам законодательства (Устава уголовного судопроизводства)²⁰.

Изменения, происходящие в политико-правовой системе России во второй половине XIX в., обусловили необходимость проведения судебной реформы, в результате которой решалась проблема доступности правосудия, создания концептуально новых институтов. Это предполагало, что суд в пореформенной России будет защищать не только государственный интерес, но и являться средством обеспечения прав и законных интересов субъектов уголовного процесса. Институт судебных следователей выступал гарантом их юридического обеспечения. На практике эффективность функционирования данного института зависела от совокупности взаимообусловленных факторов. В качестве основных определялись недостаток юридических кадров (отсюда чрезмерная рабочая нагрузка), нехватка должного финансового

обеспечения деятельности судов. В конечном итоге проблема замыкалась на подчиненном характере судебной власти самодержавию, административном давлении со стороны бюрократических структур. Отсутствие необходимого авторитета и доверия к юстиции, правовой нигилизм, не способствовали разрешению конфликтных ситуаций в соответствии с правом. Комплексный подход к вопросам совершенствования правосудия, укрепления судебной власти, создание необходимых условий (гарантий) полноценного и независимого осуществления правосудия позволит достичь устойчивого развития государства и общества на современном этапе.

¹ См.: Концепция федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы». URL: <http://www.rg.ru/2012/10/02/konceptsiya-dok.html> (дата обращения: 02.11.2014).

² См.: Лебедев В.М. Совершенствование правосудия – существенный фактор устойчивого развития России // Российская юстиция. 2003. № 3. С. 3.

³ См.: Концепция федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы». URL: <http://www.rg.ru/2012/10/02/konceptsiya-dok.html> (дата обращения: 02.11.2014).

⁴ См.: ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии. СПб., 1862. Т. XXXV. № 35890.

⁵ См.: ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии. СПб., 1865. Т. XXXVII. № 38761.

⁶ См.: ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии. СПб., 1865. Т. XXXVII. № 38761. Ст. 66–67.

⁷ См.: Учреждение судебных следователей от 8 июня 1860 г. // ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии. СПб., 1862. Т. XXXV. № 35890.

⁸ См.: Трегубов С.Н. Самостоятельность суда // Журнал Министерства юстиции. СПб., 1905. Май. С. 24–25.

⁹ Там же. С. 25.

¹⁰ Там же.

¹¹ Практические заметки судебного следователя А. Квачевского // Журнал Министерства юстиции. СПб., 1864. Т. XX. Апрель. С. 12.

¹² См.: Наказ полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступление или проступок от 8 июня 1860 г. // ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии. СПб., 1862. Т. XXXV. № 35892.

¹³ См.: Глушаченко С.Б., Пиджаков А.Ю., Виноградов Н.А. Недостатки в судоустройстве и судопроизводстве России накануне судебной реформы 1864 года // История государства и права. 2004. № 4. С. 17.

¹⁴ См.: Практические заметки судебного следователя А. Квачевского // Журнал Министерства юстиции. СПб., 1864. Т. XX. Апрель. С. 23.

¹⁵ См.: Из циркуляра Министра юстиции губернским и областным прокурорам, о порядке предания суду лиц, занимающих должности судебных следователей от 17 марта 1864 г. № 4349 // Журнал Министерства юстиции. СПб., 1965. Т. XXVI. Октябрь. С. 32–33.

¹⁶ См., например: Опыт по уголовному праву и судопроизводству // Журнал Министерства юстиции. СПб., 1968. Т. XXXV. С. 502.

¹⁷ Глушаченко С.Б., Пиджаков А.Ю., Виноградов Н.А. Указ. раб. С. 17.

¹⁸ См.: Учреждение судебных установлений от 20 ноября 1864 г. // История отечественного государства и права: сборник документов. Екатеринбург, 1999. Ч. I. Ст. 407–419.

¹⁹ См.: Там же.

²⁰ Результаты не замедлили сказаться. Прежде всего, это способствовало количественному росту кандидатов при Московской прокуратуре: в 1885 г. – 44 чел., в 1886 – 52, в 1887 – 60, в 1889 – 62 чел. Подробнее об этом см.: Совещание старших председателей и прокуроров судебных палат по вопросу о кандидатах на должности по судебному ведомству // Журнал Министерства юстиции. СПб., 1895. № 10. С. 39–40.

В.Е. Николаев*

ПРЕМИИ ОБЩЕСТВА РУССКИХ ДРАМАТИЧЕСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И ОПЕРНЫХ КОМПОЗИТОРОВ**

История российских премий за драматургию, по справедливому замечанию А.И. Рейтблата, исследовавшего их социокультурный аспект, остается до настоящего времени, неизученной¹. Среди премий за драматические сочинения в дореволюционной России одними из самых известных были премии, присуждавшиеся Обществом русских драматических писателей и оперных композиторов, в т.ч. премия имени А.С. Грибоедова (Грибоедовская), вручавшаяся с 1884 по 1917 г.

В настоящей статье рассмотрим их с организационно-правовой точки зрения, проследив эволюцию изменения подходов к присуждению премии, организации экспертной оценки пьес и использования авторских прав на премированные сочинения.

Идея устроить образцовый спектакль «чрез постановку лучшей и нигде не игрanej оригинальной пьесы»² возникла еще в Собрании драматических писателей (1870–1874), однако получила свое развитие лишь после официальной регистрации Общества в июле 1874 г. В сентябре того же года для этой цели была образована соответствующая подготовительная комиссия из числа петербургских членов, в Москве же аналогичные обязанности взял на себя комитет.

В общем собрании, состоявшемся 21 октября 1874 г., комитету Общества было поручено изготoвить положение о премии за лучшую пьесу, однако спустя год — 21 октября 1875 г., был утвержден лишь ее размер — 1 тыс. руб., комитету же вновь было поручено разработать положение «во всех подробностях»³. Его текст, подготовленный А.Н. Островским, был после доработки утвержден собранием 21 февраля 1876 г.

Согласно «Положению о премии за пьесу для спектакля Общества русских драматических писателей» (1876)⁴ соискателям предлагалось доставить секретарю В.И. Родиславскому пьесы неигранные и оригинальные в срок до 1 октября 1876 г. Размер премии определялся исходя из числа частей произведения (по 200 руб. за акт, но не более 1 тыс. руб.). Автор-победитель зачислялся в члены Общества.

Процедура присуждения носила ступенчатый характер: первоначально пьесы проходили предварительный отбор в московской и петербургской комиссиях, состав которых определялся в общих собраниях из числа членов по пять человек в каждой; следующим этапом была оценка произведений, одобренных хотя бы одной из комиссий, тремя экспертами, также избирае-

* Николаев Владимир Евгеньевич — кандидат юридических наук, научный сотрудник научно-исследовательского отдела ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия».

** Статья выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 13-33-01270 «Организации по защите авторских прав в России (вторая половина XIX — начало XX в.)».

мыми в общих собраниях из числа посторонних, не состоявших в Обществе известных писателей (дополнительно к ним выбирались три кандидата).

По завершении своей работы судьбы в кратком отзыве указывали, какая из пьес является лучшей и заслуживает ли она премии (рецензии на остальные пьесы не готовились и не представлялись). О результатах сообщалось в печати: «Правительственном вестнике», «Указателе по делам печати», «Петербургских...» и «Московских ведомостях». Указанная судьей пьеса поступала в распоряжение Общества, которое обязывалось назначить в течение года дату первого представления и имело право взимать в свою пользу гонорар с первых постановок в обеих столицах. После первого спектакля премия вручалась автору, а сам он получал возможность распоряжаться своими правами на пьесу по собственному усмотрению.

В Комиссию для рассмотрения пьес, представляемых для спектакля общества Общим собранием 13 марта 1876 г., были избраны: в Москве — А.Н. Островский, Н.А. Чаев, В.И. Родиславский, С.А. Юрьев и А.Ф. Писемский, кандидатами — К.А. Тарновский, А.А. Майков, В.Н. Кашперов, И.А. Мещерский, М.П. Цветков; в Петербурге — А.А. Потехин, П.Д. Боборыкин, А.Н. Плещеев, Ф.А. Бурдин, В.А. Крылов, кандидатом — П.И. Вейнберг⁵. Для присуждения же самой премии «за лучшую пьесу из числа представленных для спектакля Общества» были избраны судьей: А.Н. Майков, А.Н. Пыпин, И.А. Гончаров, кандидатами — А.С. Суворин, О.Ф. Миллер, А.Н. Веселовский⁶.

Представленные на конкурс 28 пьес были рассмотрены комиссиями в Москве, а затем в Петербурге. Петербургская комиссия, признав лучшей пьесу «Конец всему делу венец», ввиду отсутствия у нее «безотносительных достоинств», посчитала, невозможной присудить премию, каковое решение и было принято общим собранием 18 марта 1877 г.⁷ Образцовый спектакль не состоялся и был заменен литературным вечером и концертом с участием А.Н. Островского, А.Ф. Писемского, Н.А. Чаева, В.Н. Кашперова, П.И. Чайковского и оркестра в концертной части⁸.

Новое положение «О премии за пьесу для спектаклей Общества русских драматических писателей» (1877 г.), разработанное комитетом по поручению общего собрания, закрепляло, что признание судьей должна была получить пьеса, присланная на конкурс до 1 марта 1879 г., не безусловно лучшая, но которая «будет признана судьями лучшею и притом заслуживающею награды Общества по своим безотносительным достоинствам». Если же последние не позволяли этого сделать, победитель получал премию лишь в поощрительном размере — по 50 руб. за акт, конкурс же объявлялся снова. Лауреат письменно обязывался до первой постановки, организуемой Обществом в столицах, не печатать и не ставить пьесу ни при каких условиях под угрозой аннулирования результатов премии и взыскания убытков (те же ограничения накладывались и на авторов пьес, получивших поощрительную премию)⁹.

В экстренном собрании 21 октября 1877 г. были избраны члены московской (А.Н. Островский, Н.А. Чаев, В.И. Родиславский, С.А. Юрьев, А.Ф. Писемский) и Петербургской (А.А. Потехин, П.Д. Боборыкин, А.Н. Плещеев, Ф.А. Бурдин, В.А. Крылов) комиссий, а также судьи — А.Н. Майков, А.Н. Пыпин и И.А. Гончаров. Судьям было постановлено выдать медальоны по рисунку И.Н. Баженова¹⁰.

Медальон Общества русских драматических писателей и оперных композиторов (см.: РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. 1891 г. Д. 49. Л. 11)

Описание этого золотого медальона было принято в том же собрании: «Зубчатый овал щита; на лицевой стороне изображена лира с эмблемами трагедии, комедии и музыки и надписью по окружности щита: «Общество русских драматических писателей и оперных композиторов». На оборотной стороне лавровый венок, в середине которого «фамилия» лица, удостоившегося жетона и «1874» (год основания общества)»¹¹. 1 апреля 1892 г. описание жетона было утверждено министерством внутренних дел под условием его ношения «в виде брелока», «а отнюдь не в виде знака отличия»¹².

Кроме упоминавшихся выше лиц, медальоны были поднесены следующим судьям: в 1892 г. — Н.С. Тихонравову (исполнял обязанности четыре раза), в 1895 г. — А.И. Незеленову, в 1896 г. — Л.И. Поливанову, в 1897 г. — С.Н. Шубинскому, в 1899 г. — Н.И. Стороженко (по три раза)¹³ и др. Одним из последних он был вручен Н.Д. Телешову в январе 1916 г.¹⁴

5 декабря 1878 г. комитет Общества в своем заседании принимает постановление по случаю предстоящего 50-летия со дня смерти А.С. Грибоедова об учреждении в память о нем премии за лучшее драматическое произведение, в связи с чем обращается через генерал-губернатора к властям о разрешении общероссийской подписки для составления капитала премии. В декабре того же года на просьбу последовало высочайшее соизволение, и в начале 1879 г.

комитет обратился ко всем губернаторам с просьбой о содействии в сборе средств. Антрепренерам было предложено устроить спектакли в пользу премии, а членам Общества — отчислять по 1% от получаемого гонорара. Жертвуемые средства можно было внести также лично казначею.

Так, например, в феврале 1879 г. от председателя Общества А.Н. Островского в адрес Санкт-Петербургского губернатора И.В. Лутковского поступило обращение, в котором содержалась просьба об открытии при губернской канцелярии сбора пожертвований для составления капитала Грибоедовской премии. Указанная подписка была открыта губернским правлением, о чем сделана публикация в Санкт-Петербургских ведомостях¹⁵. Подобные обращения были направлены и другим главноначальствующим над губерниями и областями.

Власти относились к подобным поручениям, как правило, как к очередной обузе. Деятельность Общества, протекавшая в Москве, была малоизвестна в провинции, и суммы оттуда поступали незначительные¹⁶. Тем не менее, к апрелю 1880 г. капитал премии составлял уже 4 тыс. руб.¹⁷

Общее собрание в заседании 9 марта 1879 г. утвердило разработанные временные «Правила Грибоедовской премии», которые были утверждены товарищем министра внутренних дел 13 июля 1879 г.¹⁸

Для составления капитала премии при комитете Общества назначалась подписка, для чего последнее получало право выпускать подписные листы. Поступавшие средства учитывались казначеем отдельно от прочих средств, фиксировались в особой книге и хранились в процентных бумагах в кредитном учреждении. Проценты с указанного капитала должны были покрывать как саму премию, так и расходы по ее присуждению.

Премия присуждалась за лучшее оригинальное драматическое сочинение, представленное на сцене с 1 сентября одного года по 1 сентября следующего. Процесс рецензирования был упрощен: предварительные комиссии упразднились, проводилась лишь экспертная оценка тремя судьями из числа не входящих в Общество литераторов, избираемых вместе с таким же числом кандидатов к ним в экстренном общем собрании 21 октября.

Комитет, известив судей о выпавшей на их долю почетной обязанности и по получении от них на то согласия, высылал им экземпляры пьес согласно составленному им списку (средства на их приобретение брались из процентов с капитала премии, а сами книги за минованием надобности передавались в библиотеку Общества).

Итогом работы судей по-прежнему оставался краткий отзыв о пьесопобедительнице (допускалось присуждение премии двум или даже трем пьесам в равных долях), представляемый комитету, который должен был составляться до 15 января следующего за избранием года. Последним и осуществлялось вручение премии, датой для которого было выбрано 30 января — день смерти А.С. Грибоедова.

Одновременно с этим в общем собрании 26 апреля 1880 г. обсуждались новые предложения об устройстве спектакля для Общества ввиду неодоления на двух предыдущих конкурсах ни одной пьесы. Хотя еще до этого

состоялось новое постановление о выдаче премии в размере 500 руб., авторы нашли и эти условия невыгодными, в связи с чем в 1881 г. общим собранием было постановлено, что авторы пьес, поставленных в спектакли Общества, будут получать с них поспектакльное вознаграждение, а также сверх того 2% с валового сбора. В первый спектакль предполагалось поставить пьесу оригинальную, нигде не игранную и имеющую «несомненные литературные достоинства»¹⁹. Снова в Петербурге была избрана соответствующая комиссия (А.Н. Плещеев, Д.В. Аверкиев, С.Н. Худеков, В.А. Базаров, Н.А. Лейкин), однако спектакль так и не состоялся²⁰.

К весне 1883 г. капитал для выдачи Грибоедовской премии достиг 8 тыс. руб., тогда же было принято решение о начале процедуры ее присуждения. Первый список пьес был представлен общему собранию весной 1883 г., при этом комитет при его формировании постановил оперетты, одноактные пьесы, переводы и переделки с заимствованным сюжетом на премию не представлять (впоследствии это положение было включено в устав)²¹. В экстренном собрании 21 октября 1883 г. в судьи были выбраны А.Н. Пыпин, Д.В. Григорович и А.Н. Майков²², а первая премия за пьесу сезона 1882/1883 г. была присуждена, надо полагать, уже в 1884 г. комедии А.Н. Островского «Красавец-мужчина»²³.

Сжатые сроки работы судей и необходимость замены одного из них вынудили Общество к изменениям процедурного характера. В общем собрании 21 октября 1884 г. было поддержано предложение комитета о новой редакции устава премии, в частности § 11 — об избрании судей не в экстренном общем собрании 21 октября каждого года, а в очередных, т.е. весной. Кроме того, имевшиеся на ее счет установления, касавшиеся более сбора средств, нежели самой процедуры, нуждались в дальнейшей детализации. Через год был принят новый устав премии, утвержденный министром внутренних дел 6 июня 1885 г. Вычет в размере 1% с авторского гонорара на образование капитала премии был отменен²⁴.

Устав премии от 6 июня 1885 г.²⁵ окончательно закрепил конкурсные требования к пьесам: лучшее оригинальное драматическое произведение на русском языке, не менее как в 3-х актах, появившееся на сценах императорских московских и петербургских театров или на сценах частных столичных театров в период между 1 сентября одного года до 1 сентября другого.

В состав судей могли входить не только литераторы, но и ученые (не члены организации).

Работа экспертов завершалась 15 января, когда в комитет представлялся краткий отзыв о пьесе-победительнице. Решение о присуждении премии принималось судьями единогласно либо по большинству голосов. При этом они могли признать заслуживающими премии две или три пьесы: в этом случае она делилась между победителями, однако и тогда решение должно было быть принято большинством. Если же ни одна пьеса не получала более одного голоса, то премия не присуждалась и причислялась к капиталу.

К пересмотру устава премии вернулись в очередной раз в собрании 10 апреля 1889 г., когда был поставлен вопрос о ее упразднении и упо-

треблении ее капитала на воспитание детей недостаточных членов Общества, что было связано с обострением конфликта между петербургскими и московскими членами Общества. Впоследствии соответствующее заявление П.И. Кичеева было отозвано и вместо упразднения по заявлению В.А. Александрова была избрана комиссия лишь для пересмотра устава, персональный состав которой был определен в экстренном собрании 20 января 1890 г. (А.И. Сумбатов, М.П. Садовский, И.В. Шпажинский, В.А. Крылов и А.П. Чехов, кандидаты В.И. Немирович-Данченко, И.Н. Ладыженский и отказавшийся впоследствии В.А. Александров)²⁶.

Принимавший участие в пересмотре устава А.П. Чехов высказал свое отношение к премии в фельетоне «Осколков» в номере от 18 мая 1885 г.: «Судьбы Грибоедовской премии, как и все, выходящее из-под станка нашего Общества драматических писателей, поразительны своею странностью. Известно, что эта злополучная премия была учреждена с целью поощрения молодых, начинающих драматургов, а между тем до сих пор она была выдана только двум лицам: председателю общества г-ну Островскому и г-ну Чаеву, лицам не молодым, не начинающим и столько же нуждающимся в поощрении, сколько мед в подсахаривании. Поощрять нужно прапорщиков и поручиков, но не таких генералов от драмы, как А. Н. Островский. К чему поощрять генерала, если он и без того уж генерал? Кстати сказать, генерал получил 400 р. премии за «Без вины виноватых», которые успеха не имели. Г. Чаев получил такие же деньги за своего «Шуйского», который провалился с парадом и колокольным трезвоном. И выходит, значит, что до сих пор Грибоедовская премия приносит один только вред: поощряла немолодых драматургов писать плохие пьесы — совершенно обратное тому, что имели в виду учредители премии. Общество, благодушно заседающее в училище живописи, по-видимому, совсем не замечает этого хабур-чабура. Оно по-прежнему изображает из себя благотворительный комитет: на счет пишущей братии откармливает своих секретарей и писарей. Из каждого несчастного авторского рубля по-прежнему 80% идет на канцелярию, 15% на прорытие канала от земли до луны, 3% на герцеговинцев и только 2% в пользу автора... Оно по-прежнему поражает мир своими решениями. Так, недавно решили, чтобы премия выдавалась пьесам, содержащим в себе никак не менее трех актов. Удивительно... Ну, а если 2-х актная пьеса поручика окажется в тысячу раз лучше и талантливее 18-актной трагедии какого-нибудь действительного статского? Чтобы еще более затормозить молодым путь к получению премий, порешили также, чтобы премированная пьеса игралась в столицах, но отнюдь не в провинции... Удивительно!»²⁷.

Новый устав Грибоедовской премии был принят постановлением общего собрания 16 апреля 1891 г.²⁸ и утвержден товарищем министра внутренних дел 17 октября 1894 г.²⁹ Критерии допуска пьес к конкурсу изменений не претерпели (было лишь дополнительно оговорено, что в расчет не принимались частные клубные сцены в столицах, что, однако, подразумевалось и ранее). Авторы, чьи пьесы попадали под условия конкурса, но

не желавшие в нем участвовать, должны были до 1 октября заявить о том комитету.

В состав корпуса судей, согласно новым правилам, могли теперь входить не только известные литераторы, но и артисты императорских театров (не более одного), не состоявшие членами Общества. Для удобства сношений каждый очередной состав судей должен был проживать в одной из столиц.

Краткий отзыв был заменен представляемым в комитет протоколом за общей подписью экспертов. Оговаривалось, что судьи могут не признать ни одного из представленных драматических произведений заслуживающим премии. В этом случае, так же как и при несогласии судей между собой, премия не присуждалась и причислялась к капиталу.

Сразу трем авторам, еще по прежнему уставу, премия была присуждена за 1894–1895 гг. Тогда же судьями был поставлен вопрос: понимать ли назначение премии как увенчивающей, т.е. присуждать ее за безусловно хорошую пьесу, или же как поощрительной, т.е. за сравнительно лучшую? Комитет, на основании § 1 устава премии, разъяснил судьям, что премию следует считать поощрительной³⁰. Эта мотивировка использовалась и впоследствии. Судьи Грибоедовской премии, принимавшие решение в декабре 1896 г., отмечали: «Согласно разъяснению комитета Общества ..., что Грибоедовская премия есть премия поощрительная, а не увенчивающая, мы исключим из конкурса две пьесы, из числа двенадцати, присланных нам на рассмотрение» («Власть тьмы» Л.Н. Толстого, т.к. «было бы странно поощрять одного из величайших наших писателей за лучшую пьесу всего современного репертуара» и «Боярина Нечай-Ногаева» А.В. Арсеньева за смертью автора)³¹.

Вышеприведенная точка зрения А.П. Чехова о фактическом удобстве правил для театральных «генералов», нежели для молодых авторов, разделяемая рядом членов, вызвала к жизни ряд инициатив об изменении некоторых положений премии. Так, в собрании 28 апреля 1898 г. было рассмотрено предложение Л.Л. Иванова о предоставлении авторам возможности подавать пьесы на конкурс в закрытых конвертах без необходимости их предварительной постановки на сцене, но было отклонено ввиду предполагаемой значительной перегрузки судей произведениями посредственного достоинства³².

Так, в конце XIX в. еще надеялись, что пьеса, попавшая на театральные подмостки, в большинстве случаев должна обладать хоть какими-то достоинствами. Много позже, осенью 1914 г., группа членов Общества снова предложила изменить условия премии описанным выше образом ...приведя формулировку, использованную для отказа их предшественникам: появление на сцене множества «плохих» пьес, в то время как действительно интересные могли так и не увидеть света рампы³³.

Отметим, что в целом число пьес, которые, согласно условиям, приходилось оценивать судьям, было невелико. Так, из письма А.Н. Островского Н.С. Тихонравову от 17 октября 1885 г., например, известно, что

в указанный период судьи должны были рассмотреть предположительно девятнадцать пьес³⁴. Другой председатель Общества — И.В. Шпажинский в письме все тому же судье от 11 сентября 1892 г. сообщал, что на конкурс будет представлено всего около 20 заглавий³⁵. Год спустя, в сентябре 1893 г., цифра сократилась и вовсе до одиннадцати³⁶.

Новая редакция устава, подготовленная комитетом и одобренная собранием 17 апреля 1908 г., была утверждена 10 июля того же года товарищем министра внутренних дел³⁷. Согласно новым правилам, премия присуждалась с целью поощрения членов Общества (указанная поправка, видимо, была введена в виду появления в 1903 г. Союза драматических и музыкальных писателей, с которым у Общества сложились весьма сложные отношения). Премию можно было присудить одному или двум произведениям, однако судьи не могли теперь уклониться от ее присуждения в виду ее поощрительного характера³⁸.

В редакции 1908 г. Устав о премии просуществовал до революционных событий³⁹. Последнее ее присуждение состоялось в 1917 г. Новый состав судей был избран в общем собрании 16 апреля 1917 г. (Н.Д. Телешов, Н.В. Давыдов, М.Н. Розанов, а также кандидаты к ним: Г.Н. Федотова, И.А. Бунин, В.И. Качалов⁴⁰), однако реализовать стоящие перед ними задачи эксперты уже не смогли.

Общество планировало учредить также и другую премию — имени А.С. Пушкина за лучшее драматическое сочинение по русской истории, приурочив ее к 25-летию юбилею организации. Соответствующее поручение было дано комитету в собрании 9 апреля 1899 г.⁴¹ 22 апреля 1901 г. оно обратилось через московского генерал-губернатора в министерство внутренних дел с ходатайством о разрешении учредить в память исполнившегося в 1899 г. столетнего юбилея со дня рождения А.С. Пушкина премию его имени «за лучшее драматическое произведение из русской истории», на что согласно было ассигновать 1000 рублей в дополнение к сумме в 368 рублей, внесенной ранее Н.А. Чаевым. Ходатайство, однако, было отклонено министром внутренних дел, поскольку общероссийский характер подписки допускался в исключительных случаях и исключительно с высочайшего разрешения, испрашивать которое, ввиду отсутствия указанных обстоятельств, министр не стал. Вместе с тем было сообщено, что министерство не возражает против сбора средств как такового «среди членов Общества и лиц, интересующихся деятельностью его, при условии отсутствия в этом сборе характера публичности»⁴². Начавшееся, таким образом, формирование капитала, не было завершено к 1917 г., и фактически премия не присуждалась.

Оба капитала были национализированы государством. Из докладной записки Общества наркому просвещения А.В. Луначарскому известно, что к моменту национализации, по состоянию на 1 января 1918 г., капитал Грибодовской составлял 12 832 руб. 31 коп., Пушкинской — 2 663 руб. 77 коп.⁴³

Анализируя списки премированных пьес, можно констатировать, что мнение, высказанное А.П. Чеховым, вполне оправдалось и в будущем.

Премией им. А.С. Грибоедова поощрялись более драматурги с известной литературной репутацией. Вместе с тем опыт проведения конкурсов для образцовых спектаклей показал неудобство для авторов и их нежелание передавать даже ограниченные права на постановку своих пьес исключительно в пользу Общества. Еще одной особенностью премии стал ее закрытый характер: с 1908 г. она присуждалась только членам Общества (фактически это правило действовало и ранее). В целом приведенные сведения о числе рассматриваемых ежегодно пьес и постоянно возникающие затруднения с выбором произведений для премирования, вызвавшие соответствующие изменения в уставах премии, подтверждают тезис о значительном присутствии произведений иностранных авторов (прежде всего, французских — в виде переводов и переделок) в отечественном театральном репертуаре.

¹ См.: *Рейтблат А.И.* Премии за драматургию в дореволюционной России // *Театр в книжной и электронной среде: доклады Шестых научных чтений «Театральная книга между прошлым и будущим».* М., 2005. С. 12; *Его же.* От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М., 2009. С. 338–339, 347–348.

² См.: *Обзор деятельности Общества русских драматических писателей за XXV-летие его существования. 1874–1899 гг.* М., 1899. С. 17.

³ Там же. С. 17.

⁴ См.: Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ). Ф. 621. Д. 627. Л. 11–12 об.; Положение о премии за пьесу для спектакля Общества русских драматических писателей // *Указатель по делам печати. 1876.* № 7. С. 152; см. также: Письмо А.Н. Островского А.Н. Пылину от 24 марта 1876 г. // ОР РНБ. Ф. 621. Д. 627. Л. 1–2 об.

⁵ См.: *Протокол второго годовичного очередного общего собрания членов Общества русских драматических писателей в Москве 13 марта 1876 года.* М., 1876. С. 3–4. В *Обзоре деятельности Общества состав московской комиссии* представлен несколько короче: А.Н. Островский, Н.А. Чаев, В.И. Родиславский, К.А. Тарновский и А.А. Майков. См.: *Обзор деятельности Общества русских драматических писателей...* С. 17.

⁶ См.: *Протокол второго годовичного очередного общего собрания членов Общества русских драматических писателей в Москве 13 марта 1876 года.* М., 1876. С. 3–4.

⁷ См.: *Обзор деятельности Общества русских драматических писателей...* С. 17–18; *Протокол второго годовичного очередного общего собрания Общества русских драматических писателей в Москве, 18 марта 1877 г.* М., 1877. С. 2.

⁸ См.: Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. А2307. Оп. 4. Д. 47. Л. 3 об. Вечер был устроен 24 ноября 1876 г. в пользу фонда Общества. См.: *Обзор деятельности Общества русских драматических писателей...* С. 16.

⁹ См.: ОР РНБ. Ф. 621. Д. 627. Л. 13–14; См.: *Обзор деятельности Общества русских драматических писателей...* С. 18.

¹⁰ См.: ОР РНБ. Ф. 621. Д. 627. Л. 15–16, 18.

¹¹ См.: Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1284. Оп. 223. 1891 г. Д. 49. Л. 10.

¹² Там же. Л. 13, 19.

¹³ См.: *Обзор деятельности Общества русских драматических писателей...* С. 64, 68–69, 73, 75, 79, 100. Всего же за период с момента учреждения премии и по 1899 г. включительно выданы медальоны девяти судьям.

¹⁴ См.: Российский государственный архив литературы и искусства (далее — РГАЛИ). Ф. 499. Оп. 3. Д. 15. Л. 1.

¹⁵ См.: Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. (далее — ЦГИА СПб.). Ф. 253. Оп. 1. Д. 1161. Л. 1–2.

¹⁶ Так, осенью 1880 — зимой 1881 г. в капитал премии было перечислено (без вычета расходов на пересылку) от Главного управления Восточной Сибири 3 руб. 41 коп., военного губернатора Ферганской обл. — 30 руб. 72 коп., начальника Люблинской губ. — 19 руб. 30 коп., Архангельской губ. — 84 руб. 21 коп. См.: Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее — НИОР РГБ). Ф. 218. К. 1280. Д. 12. Л. 1–4 об.

¹⁷ См.: *Обзор деятельности Общества русских драматических писателей...* С. 16, 22.

¹⁸ См.: РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. 1883 г. Д. 68. Л. 41–43 об.; *Обзор деятельности Общества русских драматических писателей...* С. 20.

¹⁹ Обзор деятельности Общества русских драматических писателей... С. 24.

²⁰ Там же. С. 24; см. также: ГАРФ. Ф. А2307. Оп. 4. Д. 47. Л. 3 об.

²¹ См.: Обзор деятельности Общества русских драматических писателей... С. 31, 37.

²² За отказом последнего на его место был приглашен И.А. Гончаров. А.Н. Майков в письме двоюродному брату и казначею Общества А.А. Майкову от 22 ноября 1883 г., отзываясь о Грибоедовской премии, отмечал, что для того чтобы составить мнение о представленных на конкурс пьесах, ему необходимо было увидеть их на сцене, а в случае, если это было невозможно, прочесть. В период членства А.Н. Майкова членом Театрально-литературного комитета посещение театров не представляло для него неудобств, т.к. ему отводилось бесплатное кресло, теперь же приходилось отсматривать конкурсные пьесы на свои средства. «Я думаю благодарить кружок и отказаться», – резюмировал автор (ОР РНБ. Ф. 452. Д. 284. Л. 15–16 об.).

²³ См.: Обзор деятельности Общества русских драматических писателей... С. 97; см. также переписку А.Н. Островского и А.Н. Пыпина об этом 1883–1884 гг. (ОР РНБ. Ф. 621. Д. 627. Л. 5–5 об., 18).

²⁴ См.: Обзор деятельности Общества русских драматических писателей... С. 38; РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. 1883 г. Д. 68. Л. 1–1 об., 23–23 об., 38–46; см. также: Письмо И.М. Кондратьева А.Н. Островскому от 16 июля 1885 г. // Рукописный отдел Государственного центрального театрального музея им. А.А. Бахрушина (далее – РО ГЦТМ им. А.А. Бахрушина). Ф. 200. Д. 980. Л. 4.

²⁵ См.: РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. 1883 г. Д. 68. Л. 39–40; НИОР РГБ. Ф. 298/2. К. 10. Д. 30. Л. 24–25; 32–33.

²⁶ См.: РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. 1890 г. Д. 27. Л. 3 об.; Обзор деятельности Общества русских драматических писателей... С. 43, 44, 47; Извлечение из доклада комитета Общества русских драматических писателей и оперных композиторов за 1888 год. М., 1889. С. 17 // РО ГЦТМ им. А.А. Бахрушина. Ф. 110. Д. 1462; см. также: Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 18. М., 1982. С. 88–90, 200, 287–288, 298.

²⁷ Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 16. М., 1979. С. 167–168, 478.

²⁸ См.: РГИА. Ф. 1287. Оп. 223. 1891 г. Д. 49. Л. 1.

²⁹ См.: Там же. Л. 26–27 об.; РГАЛИ. Ф. 878. Оп. 1. Д. 26. Л. 5–5 об.; Обзор деятельности Общества русских драматических писателей... С. 67–68.

³⁰ См.: Обзор деятельности Общества русских драматических писателей... С. 69.

³¹ См.: ОР РНБ. Ф. 874. Оп. 2. Д. 34. Л. 2 (черновик протокола без указания числа).

³² См.: Обзор деятельности Общества русских драматических писателей... С. 76–77.

³³ См.: Маленькая хроника // Театр и искусство. 1914. № 46. С. 892.

³⁴ См.: НИОР РГБ. Ф. 298/2. К. 10. Д. 30. Л. 30.

³⁵ См.: Там же. Л. 20.

³⁶ См.: Там же. Л. 22.

³⁷ См.: Центр хранения документов до 1917 г. Центрального государственного архива Москвы (далее – ЦХД до 1917 г. ЦГА Москвы). Ф. 16. Оп. 142. Д. 132. Л. 1, 4, 7–8; РГАЛИ. Ф. 878. Оп. 1. Д. 26. Л. 53а–53б. об.

³⁸ См.: РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1908 г. Д. 104. Л. 5, 6.

³⁹ См.: ГАРФ. Ф. А2307. Оп. 4. Д. 47. Л. 3 об.

⁴⁰ См.: РГАЛИ. Ф. 2097. Оп. 1. Д. 263. Л. 184 об., Л. 165. Приведем отрывок из воспоминаний Н.Д. Телешова: «Общество русских драматических писателей и оперных композиторов, существовавшее с семидесятих годов, выдавало «Грибоедовскую премию» за лучшую пьесу сезона. Оно избирало ежегодно трех судей: один год из москвичей, на следующий год – из петербуржцев. В числе этих московских судей я работал в течение нескольких сроков и за многолетнюю работу был награжден, согласно уставу общества, именным золотым жетоном. Среди этой «тройки» я помню то Н.В. Давыдова, то знаменитую артистку Г.Н. Федотову, то академика М.Н. Розанова. Присуждение премий происходило в том же кабинете Н.В. Давыдова, увешанном по стенам интереснейшими группами и снимками литературно-театральной эпохи шестидесятих – девяностых годов, точно просившимися со стены прямо в хороший музей» (Телешов Н. Записки писателя. М., 1950. С. 35).

⁴¹ См.: Обзор деятельности Общества русских драматических писателей... С. 79.

⁴² ЦХД до 1917 г. ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 135. Д. 120. Л. 7; см. также: Доклад комитета Общества русских драматических писателей и оперных композиторов за 1901 г. М., 1902. С. 22 // РО ГЦТМ им. А.А. Бахрушина. Ф. 110. Д. 1460.

⁴³ См.: ГАРФ. Ф. А2307. Оп. 4. Д. 47. Л. 4.

ГРАЖДАНСКОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

М.В. Шмелева*

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА КАК ГАРАНТИЯ НЕУКЛОННОГО СОБЛЮДЕНИЯ ВСЕМИ СУБЪЕКТАМИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПОЛОЖЕНИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА**

Произошедшие в мире перемены привели к тому, что угрозы и вызовы безопасности для России и других субъектов международных отношений, с которыми мы сталкиваемся или будем сталкиваться в обозримом будущем, стали разнообразнее и сложнее. Это является следствием многомерности и сложности международных отношений, противоречивого взаимодействия временных явлений и процессов в жизни международного сообщества. Несмотря на то, что возникла определенная положительная тенденция к созданию международного сообщества, основывающего свою деятельность на нормах международного права, в мировой политике появились определенные признаки нестабильности, порожденные ненадлежащим исполнением, а в некоторых случаях игнорированием отдельными государствами норм международного права или использованием международно-правовых норм для отставания интересов только одной страны.

Учитывая указанные обстоятельства, считаем, что международно-правовая политика в условиях глобализации и появления новых угроз мировой безопасности должна предусматривать положения, позволяющие мировому сообществу бороться с нарушениями международного права со стороны некоторых государств, международных организаций и частных лиц, а также положения, противодействующие попыткам отдельных госу-

* Шмелева Марина Владимировна — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского и международного частного права, научный сотрудник научно-образовательного центра фундаментальных исследований ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия».

** Работа выполнена при финансовой поддержке Саратовской государственной юридической академии, проект «Проблемы международно-правовой политики и их влияние на национальное законодательство» в рамках задания № 2014/205 на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки России.

дарств или группы государств нивелировать общепризнанные принципы и нормы международного права.

Таким образом, поскольку только верховенство международного права может выступить гарантом мирного и плодотворного межнационального сотрудничества при соблюдении баланса разнонаправленных интересов государств, одним из важнейших приоритетов международно-правовой политики должно быть добросовестное исполнение международно-правовых обязательств всеми субъектами международных отношений.

Нормативным обоснованием выделения указанного приоритета выступает резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 2013 г. № 68/116 «О верховенстве права на национальном и международном уровнях»¹, в которой подчеркивается важность обеспечения на национальном уровне верховенства права и необходимость усиления поддержки, оказываемой государствам-членам по их просьбе в вопросе осуществления на национальном уровне их соответствующих международных обязательств.

Также представляется важным отметить, что соблюдение общепризнанных принципов и норм международного права, положений международных договоров важно не только для обеспечения государственных интересов, но и интересов физических и юридических лиц. Поскольку, по правильному замечанию И.Г. Сердюковой, государство, являясь основным субъектом международно-правовой политики, выступает проводником не только собственных интересов, но и интересов своих граждан, которые должны максимально учитываться².

При этом каждое государство должно иметь право добиваться соблюдения международных обязательств участниками международных отношений не только перед своей страной, но и перед международным сообществом.

В Концепции внешней политики Российской Федерации предусмотрено, что Россия последовательно выступает за укрепление правовых основ в международных отношениях, добросовестно соблюдает международно-правовые обязательства. Кроме того, данная Концепция содержит положение, имеющее принципиально важное значение для международно-правовой политики в целом. Так, п. 3 разд. III предусмотрено, что для международного мира и правопорядка особенно опасны осуществляемое в угоду политической конъюнктуры и интересам отдельных государств произвольное толкование таких важнейших международно-правовых норм и принципов, как неприменение силы и угрозы силой, мирное разрешение международных споров, уважение суверенитета государств и их территориальной целостности, право народов на самоопределение, а также попытки выдать нарушения международного права за его «творческое» применение. Такие действия размывают содержание международного права и наносят его авторитету непоправимый урон.

В современном мире все более активно развиваются экономические отношения между государствами. Этот процесс, с одной стороны, характеризуется усилением конкурентной борьбы между государствами, основанной на

стремлении удовлетворения собственных национальных интересов, а с другой стороны приводит к усилению взаимозависимости государств, которая заключается в том, что каждому субъекту международных правоотношений, чтобы наладить стабильные международные экономические отношения, требуется не только учитывать собственные интересы, но и интересы партнеров и мирового сообщества. Следовательно, можно сказать, что национальные интересы все больше приобретают интернациональный характер. Основным условием существования такой зависимости, выступает наличие в международных отношениях взаимной выгоды от сотрудничества. Выгода может быть выражена как в материальной форме (получение кредитов, инвестиций), так в иной форме (научный или культурный обмен).

В отношении основанности политики на принципе экономической взаимозависимости государств очень точно выразился Д.В. Иванов: «В середине XX в. обозначился контраст между старым и новым типами политики, характеризуемыми, соответственно, «закрытостью», основанной на принципе национально-государственного суверенитета, и «открытостью», основанной на принципе супра- и субнациональной взаимозависимости»³.

Таким образом, поскольку взаимозависимые государства заинтересованы в сохранении мирных и дружественных отношений, то можно сделать вывод о том, что экономическая взаимозависимость государств может выступить гарантией поддержания стабильности в мире.

Кроме того, в связи с тем, что взаимозависимость отчасти обусловлена наличием выгоды от экономических отношений, то рассматриваемый принцип тесно связан с выделяемым в литературе принципом взаимной выгоды, под которым понимается взаимное право государств на справедливое распределение выгод и обязательств сравнимого объема и их обязанность своими действиями (бездействием) не препятствовать реализации этого права, учитывая государственные интересы друг друга⁴.

Реализовать положения концепции международно-правовой политики, на наш взгляд, можно путем заключения обоюдовыгодных межгосударственных соглашений на равной, недискриминационной основе в социальных, культурных и экономических областях.

Международное сотрудничество должно строиться на равноправии и взаимном уважении. В связи с этим международно-правовая политика должна предусматривать запрет на применение принудительных мер с использованием вооруженной силы в обход Совета безопасности ООН и в нарушение положений Устава ООН, а в будущем вообще отказ от применения вооруженных мер.

Нормативным основанием указанного вывода может служить, в частности, ст. 2 Устава ООН, согласно которой все члены ООН должны разрешать свои международные споры мирными средствами таким образом, чтобы не подвергать угрозе международный мир, безопасность и справедливость, а также воздерживаться в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или поли-

тической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями объединенных наций.

Декларация о принципах международного права также предусматривает положение о том, что каждое государство обязано воздерживаться в своих международных отношениях от угрозы силой или ее применения, поскольку такая угроза силой или ее применение являются нарушением международного права и Устава ООН, особо отмечая при этом, что такие действия никогда не должны применяться в качестве средства урегулирования международных проблем.

Кроме того, Декларацией предусмотрено, что государствам не только запрещается использовать принудительные меры в отношении других субъектов международных правоотношений, но и совершать какие-либо действия, связанные с организацией, подстрекательством, оказанием помощи или участием в актах гражданской войны или террористических актах в другом государстве или потворствованием организационной деятельности в пределах своей территории, направленной на совершение таких актов, в том случае, когда такие акты связаны с угрозой силой или ее применением.

Международно-правовая политика должна не только предусматривать порядок осуществления непосредственных действий участников международных отношений по мирному разрешению возникающих конфликтов, но и включать условия о недопущении развязывания новой гонки вооружений между странами и распространения оружия массового поражения.

Основными международными документами, запрещающими в той или иной мере распространение и использование оружия массового поражения, являются следующие международные соглашения:

Договор о нераспространении ядерного оружия⁵;

Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении⁶;

Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении⁷;

Договор о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения 1971 г.⁸;

Конвенция о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие⁹;

Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний¹⁰.

При рассмотрении указанного положения международно-правовой политики следует учитывать также то обстоятельство, что использование принудительных мер является преступлением против мира, за которое предусмотрена ответственность в соответствии с международным правом. Так, к государству, нарушившему указанное условие, могут быть применены политические и экономические санкции. Статьей 41 Устава ООН предусмотрено, что санкции могут включать полный или частичный пере-

рыв экономических отношений, железнодорожных, морских, воздушных, почтовых, телеграфных, радио или других средств сообщения, а также разрыв дипломатических отношений с таким государством. А в случае недостаточности перечисленных мер санкции могут включать демонстрации, блокаду и другие операции воздушных, морских или сухопутных сил ООН.

Учитывая сказанное, приходим к выводу, что международно-правовая политика должна стимулировать, а в некоторых случаях обязывать всех субъектов международных отношений прилагать активные усилия по развитию и укреплению международного права, в т.ч. путем неуклонного следования многосторонним соглашениям, закладывающим основу международной безопасности, поскольку соблюдение общепризнанных принципов и норм международного права, положений международных договоров на национальном и международном уровнях имеет важнейшее значение для обеспечения поступательного экономического роста государств и их устойчивого развития, защиты прав человека и основных свобод.

¹ URL: <http://www.uncitral.org/uncitral/ru/GA/resolutions.html> (дата обращения: 15.07.2014).

² См.: Сердюкова И. Г. Международно-правовая политика современной России в сфере осуществления прав и законных интересов человека: общетеоретический аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. С.11.

³ Иванов Д.В. Эволюция концепции глобализации // Проблемы теоретической социологии. URL:http://hq.soc.pu.ru/publications/pts/ivanov_3.shtml (дата обращения: 10.12.2012).

⁴ См.: Пуртов А.С. Принцип взаимной выгоды в международном экономическом праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 8.

⁵ Договор о нераспространении ядерного оружия. Подписан в г. Москве, Вашингтоне, Лондоне 1 июля 1968 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXVI. М., 1973. С. 45–49; Указ Президиума Верховного Совета СССР от 24 ноября 1969 г. № 4518-VII «О ратификации Договора о нераспространении ядерного оружия» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1969. № 48, ст. 432.

⁶ Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении // ООН. Резолюция Генеральной Ассамблеи на XXVI сессии: сборник. Нью-Йорк, 1973. С. 33. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11 февраля 1975 г. № 998-IX «О ратификации Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1975. № 8, ст. 130.

⁷ См.: Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении. Заключена в г. Париже 13 января 1993 г. // Бюллетень международных договоров. 1998. № 4; Федеральный закон от 5 ноября 1997 г. № 138-ФЗ «О ратификации Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 45, ст. 5138.

⁸ См.: Договор о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения. Подписан в г. Москве, Лондоне, Вашингтоне 11 февраля 1971 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1972. № 30, ст. 257; Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 июня 1971 г. № 1828-VIII «О ратификации Договора о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1971. № 27, ст. 272.

⁹ См.: Конвенция о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие // Ведомости Верховного Совета СССР. 1984. № 3, ст. 50; Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1982 г. № 7248-X «О ратификации Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1982. № 23, ст. 411.

¹⁰ См.: Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний от 24 сентября 1996 г. Дипломатический вестник МИД РФ. 1996. № 10. С. 38–59; № 11. С. 46–62; Федеральный закон

А.А. Волос*

ПРИНЦИПЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ КРЕДИТОРА И ЗАЩИТЫ ДОЛЖНИКА В РОССИЙСКОМ ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННОМ ПРАВЕ: ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

Современная цивилистика все чаще обращает внимание не только на принципы гражданского права, которые прямо закреплены в законе, содержатся в нормах-принципах, но и на основополагающие начала, которые вытекают из смысла, духа закона и на этом основании применяются судебной практикой. Так, например, успешно защищены диссертации, посвященные принципам защиты слабой стороны в договоре¹, стабильности договора². Анализ законодательства, правоприменительной практики, доктрины привел нас к мысли, что среди принципов российского обязательственного права следует выделить принципы защиты прав кредитора и защиты должника. Изучение указанных категорий может оказаться полезным как для науки, которая продолжает поиск путей решения проблемы принципов гражданского права, так и для правоприменительной практики. Дело в том, что суды все активнее применяют принципы для обоснования решений по делу, аргументации своей позиции и т.п.

Принцип защиты прав кредитора. Общеизвестно, что основным направлением действия и главной целью существования обязательственного права является защита интересов кредитора. С этим тезисом согласны большинство ученых. Так, по мнению С.А. Хохлова, «по сути своей обязательственное право — это совокупность норм, направленных на защиту кредитора и устанавливающих правовые средства получения причитающегося ему по договору или внедоговорному обязательству»³. Действительно, должник — это обязанное лицо. Гражданское право своей первоочередной задачей ставит наделение субъектов правами, создание механизмов для реального их осуществления, следовательно, закон в первую очередь защищает правообладателя, которым применительно к обязательственному праву является кредитор.

Принцип защиты прав кредитора как основополагающая идея обязательственного права вытекает из отраслевых принципов гражданского права, прежде всего, беспрепятственного осуществления гражданских прав. Следует сказать, что в науке справедливо поставлен вопрос о включении в Гражданский кодекс РФ (далее — ГК РФ) общего положения и

* Волос Алексей Александрович — аспирант кафедры гражданского и международного частного права ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия».

даже принципа, устанавливающего обязательность гражданско-правовых обязанностей, недопустимости отказа от их исполнения⁴. Также поставлен вопрос о существовании принципа гарантированного осуществления гражданских права и обязанностей, который подразумевает «требование к изысканию мер, направленных на достижение экономических, юридических, материальных, организационных гарантий осуществления прав и исполнения обязанностей»⁵.

С учетом того, что подобные меры направлены в первую очередь на защиту интересов управомоченного лица, думается, в обязательственном праве принципы необходимости исполнения гражданско-правовых обязанностей и гарантированного осуществления находят свое отражение в нормах, направленных на защиту кредитора. Таким образом, принцип защиты прав кредитора служит частным проявлением отраслевых начал гражданского права.

Направленность обязательственного права на защиту интересов кредитора — отличительная черта обязательственных правоотношений. Данный факт не отменяет того, что рассматриваемая категория является одновременно и принципом. В цивилистике неоднократно отмечалось, что одно и то же явление может быть одновременно и принципом, и методом, и отличительной чертой отрасли⁶. Применительно к данной ситуации это означает, что идея защиты прав кредитора является основополагающей при регулировании обязательственных отношений, выражается в нормах ГК РФ, судебной практике, учитывается законодателем в процессе реформирования гражданского законодательства.

Так, ярким примером реализации принципа защиты прав кредитора служит институт обеспечения исполнения обязательств, правовые нормы которого распространяются на все его виды. По утверждению Б.М. Гонгало, «способы обеспечения способны гарантировать интересы кредитора»⁷. Более того, признано, что практически все способы обеспечения исполнения обязательств могут дать кредитору дополнительные способы защиты нарушенных прав⁸. Некоторые способы обеспечения непосредственно стимулируют должника к исполнению обязанностей (неустойка, задаток), другие защищают интересы кредитора в случае неисполнения должника возможностью взыскания денежной суммы с иного лица (поручительство, гарантия), третьи побуждают должника к надлежащему исполнению обязательства, а при нарушении обязательства гарантируют защиту интересов кредитора (залог, удержание)⁹. Примечательно, что ГК РФ прямо указывает на неисчерпывающий характер приведенного перечня: иные способы обеспечения могут быть предусмотрены законом или договором, что подразумевает возможность создания дополнительных мер защиты кредитора.

Некоторые иные нормы общей части обязательственного права также следует рассматривать как отражение принципа защиты прав кредитора, в частности положения о субсидиарной и солидарной ответственности, встречном исполнении обязательств¹⁰. Еще одним эффективным средством

защиты интересов кредиторов служит положение п. 2 ст. 317 ГК РФ о том, что в денежном обязательстве может быть предусмотрено, что оно подлежит оплате в рублях в сумме, эквивалентной определенной сумме в иностранной валюте или в условных денежных единицах. Подобное правило в состоянии обезопасить кредитора от негативных последствий инфляции¹¹.

Принцип защиты прав кредитора находит свое отражение и в нормах, касающихся внедоговорных обязательств, в частности, обязательств, возникающих из публичного обещания награды (ст. 1055 ГК РФ), публичного конкурса (ст. 1057 ГК РФ). Аналогичный вывод можно сделать при анализе гл. 59 ГК РФ, регуливающей обязательства вследствие причинения вреда. Указанные правила в большей мере защищают интересы потерпевшего, который является кредитором, а не причинителя вреда или иного должника.

Идея защиты кредитора применяется и для решения конкретных практических задач судами, например, для усиления аргументации по делу. Так, Федеральная налоговая служба России обратилась в Арбитражный суд Орловской области с заявлением об отстранении В.В. Старикова и о признании ненадлежащим исполнением В.В. Стариковым обязанностей конкурсного управляющего должником, в частности, заключения с Ю.В. Чубовым трудового договора с ежемесячным размером вознаграждения 17 300 руб., а также о признании необоснованным и неподлежащим возмещению за счет имущества должника в полном объеме расходы В.В. Старикова, понесенные в процедуре конкурсного производства должника и составляющие вознаграждение Ю.В. Чубова по указанному договору. Арбитражный суд Орловской области указанное заявление удовлетворил, признал подлежащей выплате за счет средств конкурсного управляющего В.В. Старикова стимулирующие выплаты Ю.В. Чубову. Данное решение суда оставлено в силе вышестоящими инстанциями, причем Высший Арбитражный Суд РФ указал, что такое решение направлено на защиту кредиторов от вероятности причинения убытков в виде стимулирующих выплат работнику, в связи с чем не противоречит закону и разъяснениям высших судебных инстанций¹².

Тот факт, что нормы обязательственного права защищают в первую очередь интересы кредитора, используется судами при толковании ГК РФ, выявлении истинного смысла закона. Например, согласно ст. 330 ГК РФ неустойка как мера обеспечения обязательства призвана стимулировать должника к надлежащему исполнению обязательства. Из этого положения суд сделал вывод, что размер взыскиваемой судом неустойки не должен снижать уровень гарантий гражданско-правовой защиты кредитора, способствовать безнаказанности должника в случае уклонения его от исполнения обязательства¹³. В другом деле суд пришел к выводу, что обязательства, возникшие в пределах срока действия договора поручительства на основании соответствующих требований кредитора, не прекращаются

с истечением срока договора, поскольку иное означало бы невозможность защиты кредитором своих прав в связи с нарушениями договора¹⁴.

Принцип защиты прав кредитора применяется и в правотворческой деятельности. Так, ряд положений Концепции развития гражданского законодательства содержат указание на необходимость модернизации отдельных норм ГК РФ в целях защиты интересов кредитора. Например, в силу п. 4.1.11 в целях защиты прав кредитора, неосновательно утратившего право требования, следовало бы определить, с помощью каких способов защиты кредитор может восстановить свои права, если имел место ряд последовательных уступок.

Нормы, в которых реализуется принцип защиты прав кредитора, направлены чаще всего и на достижение стабильности обязательства. Однако бывают и исключения. В этих случаях законодателю приходится выбирать наиболее рациональный подход к соотношению указанных принципов.

Так, на защиту интересов кредиторов направлено правило ст. 562 ГК РФ, которое предоставляет дополнительные права кредиторам по обязательствам, включенным в состав продаваемого предприятия. Кредитор, который письменно не сообщил продавцу или покупателю о своем согласии на перевод долга, вправе в течение трех месяцев со дня получения уведомления о продаже предприятия потребовать либо прекращения или досрочного исполнения обязательства и возмещения продавцом причиненных этим убытков, либо признания договора продажи предприятия недействительным полностью или в соответствующей части.

Очевидно, что в указанном случае права кредитора должны быть надлежащим образом обеспечены. Тем не менее, представляется спорным положение о том, что кредитор может потребовать признания договора продажи предприятия недействительным. Думается, в данной ситуации ограничение принципа стабильности обязательства не в полной мере обосновано. С точки зрения защиты кредитора, необходимым и достаточным видится право последнего требовать прекращения или досрочного исполнения обязательства и возмещения продавцом причиненных этим убытков, что, в свою очередь, обеспечивается солидарной ответственностью продавца и покупателя по договору продажи предприятия (п. 4 ст. 562 ГК РФ)¹⁵. В литературе отмечалось, что «требование о признании сделки целиком недействительной по п. 2 ст. 562 ГК РФ злоупотребительно используется кредиторами для шантажа как продавца, так и покупателя»¹⁶. Таким образом, было бы правильным исключить из п. 2 ст. 562 ГК РФ право кредитора требовать признания договора продажи предприятия недействительным.

Несмотря на все вышесказанное, анализ законодательства позволяет утверждать, что, помимо принципа защиты прав кредитора, существует *принцип защиты должника в обязательстве*. Это, на первый взгляд, парадоксальное утверждение согласуется с высказанным в науке предположением о существовании т.н. парных принципов¹⁷.

Принцип защиты должника в обязательстве служит отражением отдельных отраслевых принципов, в частности, добросовестности, а также общего правила о недопустимости злоупотребления правом. В связи с этим показательно, что Е.В. Вавилин, раскрывая понятие термина «слабая сторона в обязательстве», указывает, что его номинативное значение предполагает, что слабой стороной в обязательстве является должник, поскольку он обременен совершать определенные действия, несет риск невозможности исполнения лежащей на нем обязанности и т.п.»¹⁸. Бесспорен вывод о том, что «должник должен иметь необходимый (справедливый) и рациональный механизм реализации субъективных гражданских обязанностей»¹⁹. Это необходимо для развития эффективного и сбалансированного оборота²⁰.

Идея необходимости защиты должника возникла еще в римском праве. В его источниках можно найти примеры, из которых видно, что юристы того времени обращали внимание на обстоятельства, при наличии которых следует оказать защиту должнику. Эти обстоятельства, если они заслуживали внимания и уважения, оправдывали полностью или частично поведение должника. Они могли предусматриваться в нормах материального права, а также устанавливаться в судебном процессе²¹. Современное гражданское законодательство, с одной стороны, унаследовало данные традиции, а, с другой, усовершенствовало механизм защиты прав должника. Так, например, существуют нормы, гарантирующие защиту интересов должника в тех случаях, когда кредитор уклоняется от принятия надлежащего исполнения по обязательству. К ним, в частности, следует отнести правила о возможности исполнения обязательства в депозит (ст. 327 ГК РФ), о просрочке кредитора (ст. 406 ГК РФ). Среди прочего должник имеет право на возмещение убытков, причиненных просрочкой кредитора. Правила о просрочке принятия исполнения, предоставляющие дополнительные права должнику, содержатся и в нормах об отдельных видах обязательств (например, п. 2 ст. 705 ГК РФ применительно к договору подряда).

Концепция развития гражданского законодательства предлагает расширить права должника, касающиеся принуждения кредитора к принятию исполнения. Так, предлагается установить, что при неоправданно длительном отсутствии требования об исполнении обязательства, срок исполнения которого не установлен, должник вправе потребовать от кредитора принять исполнение в разумный срок (п. 2.4).

Ряд норм защищают должников от чрезмерно повышенной ответственности за ненадлежащее исполнение обязательств. Например, в соответствии с п. 1 ст. 400 ГК РФ по отдельным видам обязательств допускается ограничение права кредитора на полное возмещение убытков (применяется в положениях о договоре имущественного страхования, залоге вещей в ломбарде и некоторых иных соглашениях).

Реализации цели установления справедливой ответственности служит и норма ст. 333 ГК РФ, устанавливающая право суда уменьшить размер

подлежащей уплате неустойки. Показательно, что при решении вопроса о снижении размера неустойки ввиду ее явной несоразмерности последствиям нарушения обязательства судами могут приниматься во внимание даже обстоятельства, не имеющие прямого отношения к последствиям нарушения кредитного обязательства (например, наличие лиц, находящихся на иждивении должника)²².

Принцип защиты должника отражается также и в правилах об уступке прав требований. Так, должник вправе выдвигать против требований нового кредитора возражения, которые он имел против первоначального кредитора (ст. 386 ГК РФ). На основе этого и иных положений в отечественной доктрине постоянно подчеркивается, что смена кредитора ни в коей мере не может ухудшать положение должника. Этот принцип воспринят и судебной практикой²³. Имеет место он и в международном праве²⁴.

Еще одна сфера правового регулирования, которая содержит ряд норм, направленных на защиту интересов должника, — банкротство. Закон устанавливает особые процедуры (наблюдение, финансовое оздоровление, внешнее управление, мировое соглашение), целью которых является, прежде всего, восстановление платежеспособности должника²⁵. Только в том случае, если нет возможности реализации указанной цели арбитражный суд принимает решение о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства. В правовой доктрине США общепризнан тот факт, что смысл политики банкротства — реабилитировать должника с целью дать ему возможность «нового старта» и обеспечить справедливое распределение его активов среди кредиторов²⁶.

Стоит заметить, что соотношение принципов защиты прав кредитора и должника в гражданско-правовом обязательстве должно устанавливаться законодателем, а также судом с учетом общих начал, системного толкования смысла гражданского законодательства. В частности, в одном из решений Высшего Арбитражного Суда РФ указано, что «действующим законодательством предусмотрены не только гарантии взыскателя на полное и своевременное исполнение требований, но и защита должника от повторного списания денежных средств»²⁷. То есть делается акцент на соблюдение разумного баланса интересов сторон, что применительно к регулированию обязательственных отношений означает справедливое соотношение между принципами защиты кредитора и должника.

¹ См.: *Славецкий Д.В.* Принцип защиты слабой стороны гражданско-правового договора: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2004.

² См.: *Егорова А.С.* Принцип стабильности договора по гражданскому законодательству Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая. Текст, комментарии, алфавитно-предметный указатель / под ред. О.М. Козырь, А.Л. Маковского, С.А. Хохлова. М., 1996. С. 236–237.

⁴ См., например: *Колодуб Г.В.* Исполнение гражданско-правовой обязанности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. С. 10; *Кузнецова О.А.* Нормы-принципы российского гражданского права. М., 2006. С. 228.

⁵ *Вавилин Е.В.* Принципы гражданского права. Механизм осуществления и защиты гражданских прав. Саратов, 2012.

⁶ Например, подобная мысль высказывалась применительно к равенству субъектов гражданского права. См.: *Калмыков Ю.Х.* О значении общих положений гражданского законодательства // *Гражданский кодекс России: Проблемы. Теория. Практика: сборник памяти С.А. Хохлова* / отв. ред. А.Л. Маковский. М., 1998. С. 48.

⁷ *Гонгало Б.М.* Учение об обеспечении обязательств: вопросы теории и практики. М., 2004. С. 34.

⁸ См.: *Витрянский В.В.* Проблемы арбитражно-судебной защиты гражданских прав участников имущественного оборота: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1996. С. 33.

⁹ См.: *Гонгало Б.М.* Указ. раб. С. 34.

¹⁰ См.: *Брагинский М.И., Витрянский В.В.* Договорное право: Общие положения. М., 2003.

¹¹ См.: *Витрянский В.В.* Указ. раб. С. 34.

¹² См.: Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 16 июня 2014 г. № ВАС-8158/11 по делу № А48-3923/2009. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹³ См.: Апелляционное определение Московского областного суда от 28 апреля 2014 г. по делу № 33-7166/2014. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁴ См.: Апелляционное определение Московского городского суда от 12 октября 2012 г. по делу № 11-20450/2012. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁵ Подробнее об этом см.: *Волос А.А.* Продажа предприятия: актуальные вопросы // *Проблемы применения законодательства и совершенствование прокурорской деятельности: сборник научных трудов по материалам IV Международной конференции (Саратов, 16 марта 2011 г.)*. Саратов, 2011. С. 125; *Романов О.Е.* Предприятие и иные имущественные комплексы как объекты гражданских прав. СПб., 2004. С. 133.

¹⁶ *Волков А.В.* Принцип недопустимости злоупотребления гражданскими правами в законодательстве и судебной практике (анализ более 250 судебных дел о злоупотреблении правом). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

¹⁷ «Парные» принципы рассматривались, прежде всего, применительно к юридическому процессу. См.: *Баладин Н.В., Павлушина А.А.* Принципы юридического процесса. Тольятти, 2001. С. 87–88; *Захарова К.С.* Системные связи принципов права: теоретические проблемы: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2009. С. 189.

¹⁸ См.: *Вавилин Е.В.* Механизм осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 18; *Его же.* Принципы гражданского права. Механизм осуществления и защиты гражданских прав. С. 65.

¹⁹ *Вавилин Е.В.* Принципы гражданского права. Механизм осуществления и защиты гражданских прав. С. 73.

²⁰ См.: Там же.

²¹ Подробнее об этом см.: *Бычкова Г.П.* Защита должников в римском праве (на материалах Дигест Юстиниана) // *Сибирский юридический вестник*. 2001. № 1. С. 39–42.

²² См. п. 11 Обзора судебной практики по гражданским делам, связанным с разрешением споров об исполнении кредитных обязательств, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 22 мая 2013 г. // *Бюллетень Верховного Суда РФ*. 2013. № 9.

²³ О принципе защиты должника при цессии прав требования см.: *Новоселова Л.А.* Сделки уступки права (требования) в коммерческой практике. Факторинг. М., 2003.

²⁴ Так, принцип защиты должника установлен ст. 15 Конвенции Организации Объединенных Наций об уступке дебиторской задолженности в международной торговле (заключена в г. Нью-Йорке 12 декабря 2001 г.). Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁵ См.: Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (в ред. от 12 марта 2014 г.) // *Собр. законодательства Рос. Федерации*. 2002. № 43, ст. 4190; 2014. № 11, ст. 1098.

²⁶ См.: *Бернам У.* Правовая система США / пер. с англ.; научн. ред. В.А. Власихин. Вып. 3. М., 2007. С. 933–934.

²⁷ См.: Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 28 января 2013 г. № ВАС-18468/12 по делу № А40-108767/11-46-955. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

СТРУКТУРА КОНКУРЕНТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

С возникновением антимонопольного законодательства в России, в связи с принятием первого антимонопольного Закона от 22 марта 1991 г. № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках»¹ в правовой литературе ведутся споры о взаимоотношении гражданского права и конкурентного права. Одни настаивают на принадлежности конкурентного права к гражданско-правовой отрасли², другие утверждают, что конкурентное право — это самостоятельная комплексная отрасль права³.

На наш взгляд, для разрешения подобного спора следует установить, существует ли у конкурентного права свой собственный предмет правового регулирования, вследствие чего требуется ответить на два принципиально важных вопроса: имеют ли конкурентные отношения гражданско-правовую природу и являются ли они правоотношением.

Отвечая на первый вопрос, считаем, что поскольку Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (в ред. от 4 июня 2014 г.)⁴ и Гражданский кодекс РФ регулируют одни и те же отношения между предпринимательскими субъектами, то соответственно конкурентные отношения по своей природе являются гражданско-правовыми.

Второй вопрос заслуживает тщательного рассмотрения и пока на него нет однозначного ответа.

По мнению А.В. Волкова, конкурентные отношения представляют собой полностью экономические отношения⁵. Другой цивилист Д.И. Серегин, напротив, называет конкурентные отношения правоотношением, пропуская объяснение такому доводу⁶.

Под правоотношением понимается связь между лицами, проявляющаяся во взаимной корреспонденции прав и обязанностей. Исходя из этого, думается, что разрешение спорного момента вышеотмеченного дискурса состоит в выяснении наличия у участников конкурентных отношений возможных взаимных прав и обязанностей по отношению друг к другу. Поэтому вполне логично для выполнения поставленной задачи будет изучить структуру конкурентных отношений, включающую в себя субъект, объект и содержание.

Поскольку конкурентные отношения наделены гражданско-правовой природой, соответственно, обзор их элементов необходимо проводить с учетом данной специфики. Начнем с субъекта конкурентных отношений. Антимонопольный закон «О защите конкуренции» к субъектам конкурентных отношений относит лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью, именуя их хозяйствующими субъектами. Следовательно, к числу таких субъектов данный Закон причисляет следующих лиц: коммерческую орга-

* Новиков Максим Владимирович — аспирант кафедры гражданского и семейного права ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия».

низацию, некоммерческую организацию, осуществляющую деятельность, приносящую ей доход, индивидуального предпринимателя, иных физических лиц, не зарегистрированных в качестве индивидуального предпринимателя, но осуществляющих профессиональную деятельность, приносящую доход. Далее наибольшую сложность представляет установление объекта конкурентных отношений из-за разногласий в теории гражданского права, вызванных чрезвычайно большим разбросом мнений по поводу определения единого подхода в формулировании объекта правоотношений.

Преобладающим подходом к объекту гражданских правоотношений выступают две точки зрения: все то, по поводу чего возникает правоотношение⁷ и все то, на что права и обязанности субъектов правоотношений воздействуют⁸. В частности, некоторые цивилисты усматривают в объекте гражданских правоотношений поведение участников правоотношений⁹; гражданско-правовой режим благ¹⁰; результат действий последнего обязанного субъекта правоотношений¹¹.

Поскольку вышеприведенная научная полемика не вносит никакой ясности по данной проблеме, обратимся по этому поводу к Гражданскому кодексу РФ (далее — ГК РФ), который объектами гражданских прав признает вещи, включая наличные деньги и документарные ценные бумаги, иное имущество, в т.ч. безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, имущественные права; результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага.

Как видим, несмотря на то, что ГК РФ перечисляет конкретные явления материальной и нематериальной действительности, он, однако отчасти поясняет, как определяются отдельные объекты гражданских прав, указывая на их признак результативности в качестве основополагающего для определенных видов деятельности (работа, оказание услуги, интеллектуальная деятельность).

Согласно Толковому словарю Ожегова объект трактуется как все то, что существует вне нас и независимо от нашего сознания, явление внешнего мира, на которое направлена чья-то деятельность¹².

Субъективное право участников гражданских правоотношений непосредственно направлено на один объект и опосредованно на другой объект через первый объект воздействия. При том второй объект выступает объектом интереса, целенаправляющего деятельность субъекта гражданских правоотношений к искомому результату, т.е. удовлетворению интереса.

Ввиду сказанного полагаем, что объект субъективного права условно делится на объект воздействия и объект интереса. С нашей точки зрения, объект гражданских правоотношений — это общий объект гражданских прав для участников гражданских правоотношений, регламентированный гражданским законодательством, на который непосредственно воздей-

ствуют или опосредованно направлены права и обязанности для удовлетворения взаимных интересов.

Сформировав собственную позицию в вопросе определения объекта гражданских правоотношений, обратимся к объекту конкурентных отношений, в которых отсутствует общий объект воздействия, но присутствует общий объект интересов, выражающийся в получении конкурентного блага, дающего превосходство над конкурирующими соперниками. Тем не менее, подобный объект интересов не отражен в ст. 128 ГК РФ среди прочих объектов гражданских прав. Таким образом, конкурентные отношения не обладают объектом правоотношения.

Вместе с тем сами по себе конкурентные отношения могут существовать без объекта правоотношения, ибо связующим звеном между субъектами правоотношений могут быть иные элементы. И им является, как уже было сказано, объект интереса, иными словами, общая цель, на которую направлена деятельность участников правоотношений.

Уделим внимание последнему элементу структуры конкурентных отношений — его содержанию, составляющему права и обязанности участников конкурентных отношений.

В юридической литературе отмечается, что субъективное право есть признанный и обеспеченный нормой права и возникающий в правоотношении круг возможностей вести себя определенным образом¹³, а обязанность есть определенная законом мера должного поведения участника данного правоотношения — носителя этой обязанности¹⁴. Помимо всего прочего, субъективное право и обязанность дополняют друг друга, любая попытка обособить субъективное право от обязанности ведет к невозможности нормального правоосуществления, отчего порождает бессмысленность существования данных правовых категорий.

В российском законодательстве нигде нормативно не зафиксированы конкурентные права и обязанности. Однако из-за этого ни в коем случае нельзя впадать в крайность, считая вопрос о конкурентных правах исчерпанным и надуманным, поскольку все равно высказываются довольно смелые позиции о легитимности конкурентных прав. Например, одна из них выдвинута С.А. Паращуком, по словам которого право на конкуренцию представляет собой важнейший элемент права на осуществление предпринимательской деятельности, одно из правомочий субъекта предпринимательства¹⁵.

Содержание права на конкуренцию, хотя прямо непоименованного в качестве такового, можно обнаружить в п. 5 ст. 4 Федерального закона «О защите конкуренции», учреждающим в понятии недобросовестной конкуренции абстрактную модель конкурентного поведения, характеризуя ее с помощью действий, направленных на получение конкурентного преимущества. Данная модель конкурентного поведения выступает правомочием права на конкуренцию в виде права на получение конкурентных преимуществ. Соответственно, в обязанности конкурирующих субъектов входит не умалять право на получение конкурентного преимущества, т.е. не осуществлять

действия, направленные на недопущение, ограничение, устранение конкуренции, как того требует Закон «О защите конкуренции».

Более того, право на конкуренцию, действительно, одно из правомочий более широкого по объему права на осуществление предпринимательской деятельности, т.к. конкурентные отношения по сути предпринимательские.

В довершение всего добавим, что право на конкуренцию есть право абсолютное, но сама абсолютность в ней, совершенно очевидно, специфичная. Общеизвестно, что абсолютному праву свойственна строгая односторонность, где праву одного лица односторонне соответствует обязанность всех других возможных лиц без связи обратного регресса обязанных лиц к ранее управомоченному лицу.

Совсем иначе обстоит дело с абсолютным конкурентным правом. В конкурентных отношениях права на получение конкурентных преимуществ и обязанности по воздержанию от злоупотреблений этими же конкурентными правами хозяйствующих субъектов на рынке товаров и услуг взаимно противостоят все против всех, что свидетельствует о многосторонности конкурентных отношений.

Приведенная черта конкурентного права делает его особым субъективным правом, отличающимся от вещных и исключительных прав, наделенных также абсолютным, но односторонним характером.

Итак, теперь возможно дать ответ на второй поставленный вопрос. Конкурентные отношения следует считать правоотношением, но правоотношением особого рода (абсолютно многосторонним, безобъектным и общецелевым), являющимся исключением из общего порядка правовой доктрины, напичканной отвергающей абсолютную многосторонность и безобъектность правоотношений. Кроме того, проведенное исследование дает основания полагать, что конкурентное право составляет подотрасль гражданского права.

¹ См.: Бюллетень нормативных актов. 1992. № 2–3.

² См.: Еременко В.И. Правовое регулирование конкурентных отношений в России и за рубежом: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 4.

³ См.: Якубович Р.М. Конкурентное право как самостоятельная отрасль российской правовой системы // Современные вопросы государства, права, юридического образования: сборник научных трудов по материалам IX Международной научно-практической конференции (г. Тамбов, 22 декабря 2012 г.). Тамбов, 2013. С. 416.

⁴ См.: Парламентская газета. 2006. 30 авг.

⁵ См.: Волков А.В. Теория концепции «злоупотребление гражданскими правами». Волгоград, 2007. С. 306.

⁶ См.: Серегин Д.И. Недобросовестная конкуренция как правовая категория: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 40.

⁷ См.: Гражданское право: учебник: в 2 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. М., 2002. Т. 1. С. 98.

⁸ См.: Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 215.

⁹ См.: Магазинер Я. М. Объект права // Правоведение. 2000. № 6 (233). С. 206.

¹⁰ См.: Лапач В.А. Система объектов гражданских прав: теория и практика. СПб., 2002. С. 107–108.

¹¹ См.: Белоножкин А.Ю. Об объекте гражданского правоотношения и преимущественном правовом положении // Гражданское право. 2012. № 2. С. 8.

¹² См.: Ожегов С.А. Толковый словарь русского языка. М., 2011. С. 123.

¹³ Wolter A. Prawo cywilne. Zarys czesci ogolnej. Warszawa, 1967. S. 108.

¹⁴ См.: Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. М., 2003. С. 209.

¹⁵ См.: Парашук С.А. Конкурентное право (правовое регулирование конкуренции и монополии): учебно-практическое пособие. М., 2002. С. 63.

С.Ю. Королев*, И.В. Швецова**

ЗЕМЕЛЬНЫЙ НАЛОГ КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ БЮДЖЕТОВ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

Платность при использовании земли в соответствии с п. 7 ст. 1 Земельного кодекса РФ (далее — ЗК РФ) является одним из основных принципов земельного законодательства, который последовательно развивается в нормативно-правовых актах не только земельного, но и других отраслей права, в частности, гражданского, налогового, природоресурсного и т.д. Одной из форм платы за землю (наряду с арендной платой) является земельный налог (ст. 65). Несмотря на сравнительно небольшую долю в общем объеме налоговых поступлений в бюджеты местного уровня, он занимает особое место в налоговой системе Российской Федерации.

Плата за пользование природными ресурсами, и в частности землей, на всех этапах развития нашего государства являлась важным источником пополнения государственной казны¹.

Обращаясь к истории развития законодательства в рассматриваемой сфере, можно отметить, что земельный налог берет свое начало с древнейших времен. Например, в период образования Древнерусского государства (IX в.) восточнославянские племена, находясь в зависимости от своих соседей, платили дань, которая могла взиматься с т.н. «рала» — отдельного земельного участка, обрабатываемого одним плугом². В XVI в. император великих Моголов Акбар значительную часть своих доходов с завоеванных территорий Северной Индии получал в виде земельного налога³. Сейчас, в отличие от России, во всех развитых государствах земельный налог формирует существенную часть в большинстве своем муниципальных бюджетов⁴.

Начавшееся в 1991 г. реформирование земельных отношений в России не могло не затронуть сферу налогообложения в области землепользования. Принятый 11 октября 1991 г. Закон РФ «О плате за землю»⁵ в качестве налоговой базы выделял площадь земельного участка. Почти целое десяти-

* Королев Станислав Юрьевич — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры земельного и экологического права ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия».

** Швецова Ирина Васильевна — аспирант кафедры финансового, банковского и таможенного права ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия».

летие государство индексировало его ставки, усложняя тем самым расчет налога. Налоговый кодекс РФ (далее – НК РФ)⁶, вступивший в силу с 1 января 2005 г., на первый взгляд, упростил данные правоотношения. Однако на практике, как это обычно бывает, возникает немало вопросов. Поэтому как для специалистов в области налогообложения, так и для простого обывателя, необходимо иметь четкое представление о том, кто платит налог, о порядке его уплаты, о размере платежа. В связи с этим необходимо детально определить элементы земельного налога, к которым относятся:

субъекты или плательщики земельного налога – это организации и физические лица, обладающие земельными участками на праве собственности, праве постоянного (бессрочного) пользования, праве пожизненного наследуемого владения;

объекты налогообложения – земельные участки, расположенные в пределах муниципального образования, на территории которого введен налог. Не признаются объектом налогообложения земельные участки, изъятые или ограниченные в обороте в соответствии с законодательством РФ; земельные участки из состава земель лесного фонда; земельные участки, занятые находящимися в государственной собственности водными объектами в составе водного фонда;

налоговая база как один из элементов земельного налога определяется в отношении каждого земельного участка как его кадастровая стоимость по состоянию на 1 января года, являющегося налоговым периодом;

ставка налогообложения – размер налога на единицу налогообложения – рассчитывается исходя из определенной в отношении каждого земельного участка налоговой базы в пределах от 0,3 до 1,5 % в зависимости от целевого назначения и разрешенного использования земельного участка.

В дополнение к указанным (основным) элементам земельного налога можно выделить такие его составляющие, как порядок исчисления и уплаты, льготы по взиманию платы за землю, ответственность плательщиков за нарушение норм земельного законодательства и законодательства РФ о налогах и сборах.

Практическая деятельность в сфере налогообложения земельных участков многогранна и имеет много аспектов. Здесь переплетаются как экономические, так и политические интересы общества и государства. В связи с этим представляется очень важным нахождение относительного баланса между частным и публичным. В качестве примера можно привести следующий факт. После введения в действие гл. 31 НК РФ, в некоторых регионах Российской Федерации, в том числе в Саратовской и Тамбовской областях, наблюдалось довольно резкое неприятие населением нового порядка уплаты налога, в частности, касающееся налогооблагаемой базы и ставок налогообложения. Субъекты РФ и органы местного самоуправления устанавливали максимальный размер ставок, обозначенных в законе, не предвидя последствия таких решений. Изменения данных элементов повлекло многократное увеличение сумм налоговых платежей: суммы сборов

выросли в диапазоне от 1,5 до 55 раз. Причем наибольший ценовой скачок, как отметили аналитики, произошел на селе⁷. Как итог — митинги, собрания граждан, обращения к органам государственной власти и местного самоуправления. Поэтому в конце 2009 г. региональные власти порекомендовали органам местного самоуправления дифференцированно подойти к установлению налоговых ставок, следствием чего стало снижение ставок во многих муниципальных образованиях. Так, в Приморском городском поселении Балтийского района ставки были понижены с 0,3 % до 0,1 %, аналогичным образом ставки земельного налога были снижены в г. Светлом. В числе муниципальных образований, которые снизили ставки земельного налога для садоводов, числится г. Полесск, в котором указанная ставка была уменьшена с 0,3 % до 0,2 %⁸. На существенное снижение ставок пошли законодатели г. Самары. В этом муниципальном образовании ставка налога в отношении земельного участка, занятого гаражом или автостоянкой для долговременного хранения личного автомобиля, снижена с 1,5 % до 0,3 %. В отношении участков, занятых жильем или отведенных под строительство жилья, ставка снижена с 0,3 % до 0,2 %. Кроме того, в отношении т.н. «прочих» земель, на которых могут располагаться объекты промышленности или торговли, ставка снижена с 1,5 % до 0,5 %⁹.

Таким образом, следует отметить что, муниципальные образования скорректировали свою налоговую политику в области земельных отношений, ориентируясь на социально незащищенные слои населения. Теперь ставки земельного налога оптимизированы, и суммы начислений для собственников стандартных участков на территории сельских поселений не превышают 360 руб.¹⁰

Анализируя материалы правоприменительной практики, можно выделить ряд типичных судебных споров, возникающих в сфере налогообложения земельных участков¹¹. Наиболее распространенными являются споры о наличии правоустанавливающих документов на земельные участки, определении площади землепользования и установления границ, и, наконец, прекращение налогового обязательства в силу отказа от землепользования.

Рассматривая более подробно указанные споры, необходимо отметить следующее. Правоприменительная практика¹² относительно наличия правоустанавливающих документов на земельные участки выработала однозначную позицию — использование земельного участка при отсутствии правоустанавливающих документов не исключает обязанности общества по исчислению и уплате земельного налога¹³. При этом обязанности налогоплательщика возникают при соблюдении определенных условий: а) участок должен находиться в т.н. фактическом пользовании лиц¹⁴; б) получение надлежащих документов на землю обусловлено действиями самого налогоплательщика. В случае отсутствия в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним информации о существующих правах на земельные участки налогоплательщики по земельному налогу определяются на основании государственных актов, свидетельств и

других документов, удостоверяющих права на землю и выданных физическим или юридическим лицам до вступления в силу Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним»¹⁵. Данные документы в соответствии с законодательством имеют равную юридическую силу с записями в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним либо на основании актов, изданных органами государственной власти или органами местного самоуправления в рамках их компетенции и в порядке, установленном законодательством, действующим в месте издания таких актов на момент их издания о предоставлении земельных участков¹⁶.

Принципиальными в сфере налогообложения являются также вопросы, связанные с определением границ земельного участка и его площади. В этом случае особое внимание необходимо уделить ситуации разграничения таких объектов прав, как «земельный участок» и «земельная доля», возникшей в сфере оборота земель сельскохозяйственного назначения и сопутствующих им объектов¹⁷. В соответствии со ст. 15 Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения»¹⁸, земельная доля определяется как полученная при приватизации сельскохозяйственных угодий, доля в праве общей собственности на земельные участки из земель сельскохозяйственного назначения. В отличие от земельного участка, она не является объектом недвижимости, поскольку не имеет вещественного выражения (не определены границы, какие-либо качественные, количественные характеристики). Статья 389 НК РФ не выделяет земельную долю в качестве объекта налогообложения. В то же время согласно ст. 249 Гражданского кодекса РФ¹⁹ каждый участник долевой собственности обязан соразмерно со своей долей участвовать в уплате налогов, сборов и иных платежей по общему имуществу, а также в издержках по его содержанию и сохранению. Таким образом, земельный налог уплачивается собственниками земельных участков, а не собственниками земельных долей, а в рассматриваемой группе споров обязанность по уплате земельного налога лежит на обществе в силу наличия у него свидетельства на право общей долевой собственности на земельный участок с кадастровым номером, имеющий установленные надлежащим образом границы²⁰.

Наконец, рассмотрим прекращение налогового обязательства в силу отказа от землепользования. Условия и порядок отказа лица от права на земельный участок определяется ст. 53 ЗК РФ. В данном случае субъекты правоприменения придерживаются единой позиции в том, что уплата налога осуществляется до момента государственной регистрации прекращения права на земельный участок²¹. Соответственно до момента внесения записи в ЕГРП плательщиком налога является собственник участка, подавший заявление об отказе. В случае, если участок не был передан новому правообладателю до этого момента и заявитель продолжал использовать его в своей хозяйственной сфере, его налоговая обязанность сохраняется

до момента фактической передачи участка. Только лишь при представлении доказательства неиспользования участка в обозначенный период либо уклонения уполномоченного органа от его принятия, период «фактического пользования» не будет подлежать налогообложению²².

Таким образом, нами определен ряд наиболее распространенных спорных ситуаций, возникающих в сфере налогообложения земельных участков.

Долгое время на территории Российской Федерации одним из основных направлений и ориентиров бюджетной политики являлась скорейшая подготовка введения единого налога на недвижимость, в т.ч. формирование соответствующих кадастров, а также разработка системы, позволяющей взимать данный налог исходя из рыночной стоимости облагаемого имущества²³. Налог планировался как местный, т.е. должен был быть разнообразным в каждом регионе²⁴. Данный налог по проекту заменял два действующих сбора — на имущество и на землю. Предполагалось перейти к налогообложению на основе стоимости, приближенной к рыночной, резко уменьшив налоговые ставки. Налог на землю зависит от стоимости участков, но, к сожалению, данная инициатива реализована так и не была.

Единый налог на недвижимость — это один из распространенных видов налога на землю в зарубежных странах. В наиболее развитых странах величина налога на недвижимость зависит от рыночной стоимости объекта налогообложения. Так, в Германии в основу налогообложения недвижимого имущества положена т.н. «типичная стоимость объекта недвижимости». Она определяется как средняя стоимость, зависящая от месторасположения. Подобная стоимость определяется ежегодно, публикуется и наглядно представляется населению. На независимую комиссию экспертов, состоящую из профессионалов в различных областях (геодезистов, оценщиков, агентов по торговле недвижимостью и т.д.), возложена ответственность по сбору информации о ценах сделок, установлению типичной стоимости объектов недвижимости, созданию рыночных отчетов, оценке в случае принудительного отчуждения имущества, а также доклады в парламент. Данные для сбора информации о ценах сделок поступают из различных источников, в особенности из реальных договоров о продажах, которые необходимо декларировать. В Австрии действует общая ставка налога на недвижимость — 3,5% стоимости, в Германии, по решению соответствующих органов, от 0,98% до 2,1%; в Англии единый налог находится на уровне 1,5%; в Норвегии — 2,5% от стоимости жилья; в Японии предусмотрена единая фиксированная ставка — 1,4%²⁵.

В США действует средний налог на имущество в размере 1,4%. При этом налогообложение недвижимого имущества является инструментом финансирования деятельности государственных учреждений, особенно школ, объектов инфраструктуры, полиции, развития парков и т.д. Поэтому сбор налогов на недвижимое имущество относится к сфере компетенции государственных органов и отличается широким разнообразием методов и ставок. Во многих штатах оценка недвижимого имущества для целей нало-

гообложения организуется на уровне округов (районов) и ответственность за нее несет «налоговый оценщик». Для определения налоговой базы используются классические методы массовой оценки. Функции подготовки налогового уведомления и сбора налогов отделены от функций налогового оценщика. Хорошим примером современной системы массовой оценки для целей налогообложения недвижимого имущества может служить система, внедренная в штате Колорадо, которая, в некотором смысле, может стать моделью для внедряемой в России системы кадастровой (массовой) оценки недвижимости»²⁶.

Подобный законопроект прошел первое чтение в России еще 10 лет назад, в 2004 г. Однако после первого чтения работа над ним приостановилась, поскольку не было базы для расчета нового налога. Для этого необходимо было сформировать кадастр недвижимости всех регионов Российской Федерации и разработать методику оценки рыночной стоимости объектов недвижимости, что не было сделано. В итоге было принято решение изменить концепцию законопроекта. Поправки, корректирующие концепцию законопроекта о налоге на недвижимость, вводят трехуровневую ставку налога на имущество, при этом земельный налог не изменен.

Учитывая, что закон вступит в силу с 1 января 2015 г., налоговая база должна будет исчисляться полностью исходя из кадастровой стоимости объекта лишь с начала 2020 г. Новый Закон решает старую проблему по налогообложению объектов незавершенного строительства. «В новой главе Налогового кодекса «Налог на имущество физических лиц» расширен перечень объектов налогообложения. Теперь в объекты налогообложения вошли также объекты незавершенного строительства, единый недвижимый комплекс, машино-место. Ранее нередко возникали споры между налоговыми органами и налогоплательщиками в отношении обязанности по уплате налога, в частности по объектам незавершенного строительства. Суды да и сами контролирующие органы признавали, что законом не предусмотрен объект налогообложения в виде объекта незавершенного строительства, что, тем не менее, не исключало возможность спорных ситуаций. Теперь данный пробел устранен»²⁷.

Хотелось бы отметить, что действующая система налогообложения земельных участков имеет свои недостатки, основным из которых, на наш взгляд, является не порядок взимания налогов, а отсутствие четкой налогооблагаемой базы, что связано в первую очередь с медленным формированием единого кадастра недвижимости²⁸. Для органов местного самоуправления налог на землю является основой формирования бюджета местного самоуправления, а налог на имущество граждан составлял лишь незначительную часть от общих налоговых поступлений. Например, в странах Евросоюза налог на недвижимость составляет основу муниципальных бюджетов, обеспечивая постоянный денежный поток, позволяющий привлекать инвестиции и кредиты. В России отказались от введения единого

налога на недвижимость. Таким образом, идея объединения земельного налога и налога на имущество так и осталась нереализованной.

¹ См.: Жаворонкова Н.Г., Зиновьева О.А. История юридических наук в России: сборник статей / под ред. О.Е. Кутафина. М., 2009. С. 3.

² См.: Смирнов Д.А. Принципы современного российского налогового права / под ред. Н.И. Химичевой. М., 2009. С. 9.

³ См.: Берхорст Р. «Акбар Великий: мечта об империи» // GEO Непознанный мир: земля. 2010. Июнь. С. 116.

⁴ Например в Нидерландах, с 1980 г. после совершенствования налоговой системы земельный налог начал приносить существенный доход местного самоуправления // Волков С.Н. Землеустройство: в 9 т. Т. 7: Землеустройство за рубежом. М., 2005. С. 180–181.

⁵ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1991. № 44, ст. 1424.

⁶ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. № 32, ст. 3340.

⁷ Белоглазова Г. Ставки вспять // Российская газета. Экономика Северо-Запада. № 5145. URL: // www.rg.ru (дата обращения: 11.03.2015).

⁸ См., например: «В Калининградской области изменение ставок земельного налога привело к значительному сокращению платежей для граждан» // Янтарный Край – газета Online Калининград. URL: www.kaliningradfirst.ru (дата обращения: 23.03.2010).

⁹ См.: Спутник главбуха (Самара и Самарская область). 2006. №3.

¹⁰ См.: Белоглазова Г. Указ. раб.

¹¹ См., например, пп. 4 и 5 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 июля 2009 г. № 54 «О некоторых вопросах, возникших у арбитражных судов при рассмотрении дел, связанных с взиманием земельного налога», а также Письмо Минфина России от 16 ноября 2006 г. № 03-06-02-05/57. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹² См., например: Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 июля 2009 г. № 54 «О некоторых вопросах, возникших у арбитражных судов при рассмотрении дел, связанных с взиманием земельного налога»; Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 13 июля 2009 г. № КА-А41/6341-09 № А41-21798/08; Постановления Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 5 ноября 2008 г. № Ф04-4328/2008(15350-А27-37; Федерального арбитражного суда Центрального округа от 26 ноября 2008 г. № Ф10-5401/08; Постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12 июля 2006 г. № 11991/05 и № 11403/05; Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 14 мая 2008 г. № Ф08-2625/2008. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹³ См.: Утка В. Фактическое землепользование: проблемы налоговой практики // Налог. 2010. № 8.

¹⁴ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 13 марта 2007 г. № 14292/06. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁵ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 30, ст. 3594.

¹⁶ См.: Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 ноября 2008 г. № 7297/08. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁷ «Рассматривая спор, суд отметил, что действовавшие в период проведения земельной реформы нормативные акты, а также ныне действующее законодательство разграничивают такие объекты права, как «земельный участок» и «земельная доля» (Постановление Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 11 октября 2007 г. № А33-4263/06-Ф-02-7463/07. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

¹⁸ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30, ст. 3018.

¹⁹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32, ст. 3301.

²⁰ См.: Утка В. Указ. раб.

²¹ См.: Письмо Министерства финансов РФ от 10 июня 2005 г. № 03-06-02-04/41 О моменте прекращения обязанности по уплате земельного налога в случае отказа землепользователя от права постоянного (бессрочного) пользования на земельный участок // Документы и комментарии. 2005. № 13.

²² См.: Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 18 мая 2009 г. по делу № А56-19669/2008. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²³ См.: Бюджетное послание Президента РФ о бюджетной политике в 2011–2013 г. URL: // www.rg.ru (дата обращения: 11.09.2014).

²⁴ См.: Высказывания С.Д. Шаталова информационным агентствам на пресс-конференции на тему «Налоговая политика Российской Федерации в ближайшей перспективе». Официальный сайт министерства финансов Российской Федерации. URL: www.minfin.ru (дата обращения: 17.09.2014).

²⁵ См.: Недвижимость Санкт-Петербурга и Ленинградской области. «Справедливый» налог на недвижимость. Что нас ждет с его введением? Кто выиграет? Кто потеряет? URL: www.7150511.ru (дата обращения: 10.09.2014).

²⁶ См.: Вессели Р., Ланкин А. Государственная кадастровая (массовая) оценка для целей налогообложения – российский и зарубежный опыт // Экономические стратегии. 2008. № 02-2008. С. 124–131.

²⁷ Коллодина И. У кадастровой черты. URL://www.rg.ru (дата обращения: 10.12.2014).

²⁸ См.: Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 221-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 31, ст. 4017.

И.Г. Гугнюк*

РОЛЬ КРЕДИТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В РАЗВИТИИ РАСЧЕТНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Понятие «банк» происходит от итальянского слова «Banco» (скамья менялы, денежный стол)¹. Однако не всех античных менял и ростовщиков следовало называть банкирами. Ростовничество принципиально отличалось от кредитования тем, что в первом случае отсутствовала связь вкладной операции с кредитом², а во втором ростовщик рисковал и распоряжался своим собственным капиталом, а банкир — средствами, полученными в виде денежных вкладов других лиц.

На современном этапе развития банковской системы кредитная организация осуществляет деятельность, которая строится на «трех китах»: привлечение, аккумуляция, реализация денежных средств и иных ценностей.

Важнейшим из перечисленных является посредничество при осуществлении расчетов между юридическими и физическими лицами. Связано это с тем, что абсолютное большинство договоров в современном хозяйственном обороте, которые заключаются с участием субъектов предпринимательской деятельности, обслуживаются кредитными организациями.

В свою очередь логично, что деятельность по осуществлению расчетов складывается из следующих основных операций (услуг) кредитных организаций, которые устанавливаются ст. 5 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. «О банках и банковской деятельности» (с изм. от 23 июля 2013 г.) (далее — Закон о банках)³:

депозитные, т.е. операции по привлечению средств граждан во вклады;

кредитные, т.е. операции по предоставлению кредитов;

платежные, т.е. связанные с проведением платежей и осуществлением переводов;

инвестиционные, т.е. операции по управлению денежными средствами и ценными бумагами физических лиц.

В свою очередь неурегулированным остается вопрос, касающийся понимания законодателем банковской услуги — как исчерпывающего перечня банковских операций и сделок, установленных ст. 5 Закона о банках⁴.

* Гугнюк Иван Геннадьевич — аспирант кафедры финансового, банковского и таможенного права ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия».

Однако такое видение не может в полной мере отражать всю полноту понятия банковских услуг.

Считаем, что данные понятия имеют существенные отличия, которые заключаются в следующем.

Во-первых, банковская услуга всегда предполагает наличие обслуживаемого (банковского) клиента, а не только того, кто оказывает эти услуги (банка), в отличие от операций, которые в свою очередь могут совершаться и одной исполняющей стороной. Другими словами услуги — это отношения между поставщиком услуг и покупателем, а операции — это отношения, возникающие внутри банка, независимо ни от одной, ни от другой стороны.

Во-вторых, операции — это непосредственно процесс производства в институте банковского права, а услуга — один из результатов (итог) осуществления операций.

В-третьих, в состав одной банковской услуги может входить целый комплекс операций. К примеру, за простым открытием банковского счета стоят такие операции, как консультирование клиента, прием и перерасчет наличных денег, подписание договора банковского вклада (выдача пластиковых карт), собственно открытие счета и зачисление на него внесенной суммы, отчисление обязательных резервов Центрального банка РФ.

В-четвертых, многие банковские операции находят свое отражение не в одной, а в нескольких услугах. При этом некоторые из них могут быть не связаны напрямую с обслуживанием клиентов. К операциям такого рода относится, в частности, осуществление всех вспомогательных функций по обеспечению должного функционирования банка.

Совокупность общественных отношений, связанных с оказанием банковских услуг и осуществления банковских операций как исключительно вида банковской деятельности представляют собой рынок банковских услуг⁵.

Одними из важнейших и наиболее распространенными продуктами на указанном рынке являются операции по открытию и ведению банковского счета.

Термин «счет» по российскому законодательству производный от понятия «банковский счет». Экономисты трактуют данное понятие как единицу хранения экономической информации о конкретной банковской операции⁶. С юридической точки зрения, гл. 45 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) толкует понятие «банковский счет», как один из видов гражданско-правового договора⁷. Помимо этого, в соответствии со ст. 11 Налогового кодекса РФ под понятием «счет» стоит понимать расчетный (текущий) счет в банке, открытый на основании договора банковского счета⁸.

Д.Г. Алексеева и С.В. Пыхтин предлагают следующую классификацию счетов:

по кругу осуществляемых по счету операций:
универсальные (совершение любых операций);
специальные (целевое использование средств).

в зависимости от вида валюты:

счета в рублях;

счета в иностранной валюте;

по объекту:

банковские счета;

счета по вкладам, объектом которых являются денежные средства;

счета, объектом которых выступает иное имущество.

по субъекту:

счета, открытые юридическими лицами;

счета, открытые физическими лицами;

счета, открытые индивидуальными предпринимателями, и т.д.⁹

С учетом изложенного предлагаем под «банковским счетом» понимать единицу экономической и правовой реальности, возникающую в результате заключения гражданско-правового договора. Выделение самостоятельного понятия «банковский счет» необходимо для полноценного и качественного осуществления банковских расчетов между субъектами банковских правоотношений.

Как указывалось ранее, с открытием и ведением банковских счетов связано осуществление расчетов и кассовое обслуживание клиентов, поэтому особую роль в развитии системы платежей играет кредитная организация, предоставляющая платежные услуги надлежащего качества и необходимого количества через расчетные операции. В первую очередь это связано с тем, что платежные услуги в наибольшей степени востребованы населением, а платежные операции служат основой для предоставления других видов банковских услуг, поскольку и при кредитовании, и при депозитных операциях происходит передача денежных средств, иначе говоря — платеж.

Само понятие «платеж» необходимо рассматривать как «сердцевину» расчетных отношений. Проблема определения юридической природы расчетных правоотношений остается предметом научных дискуссий и конкретная позиция по данному вопросу до сих пор не выработана¹⁰. Ученые сформировали два подхода в рассмотрении данного вопроса. Согласно первому подходу расчетные правоотношения не являются предметом специального правового регулирования, т.к. они не имеют самостоятельного экономического значения, они выполняют лишь вспомогательную функцию. В соответствии со вторым подходом расчетные правоотношения носят самостоятельный характер в силу особого субъектного состава и используемого в них объекта, что позволяет отнести их к отдельной разновидности гражданско-правовых отношений.

В современной экономике приобретение товаров и услуг, в т.ч. финансовых инструментов, осуществляется посредством наличных и безналичных расчетов¹¹. Указанные виды расчетов отличаются в первую очередь порядком передачи денежной суммы в распоряжение контрагента.

По российскому законодательству кредитные организации вправе предоставлять платежные услуги только в рамках платежных систем, которые с 2011 г. закреплены Федеральным законом от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (с изм. от 28 декабря 2013 г.)¹².

По мнению В.В. Адрианова, М.Я. Букирь, А.С. Воронина, национальная платежная система является подсистемой финансовой системы государства, которая обеспечивает экономических субъектов платежными услугами¹³. Национальная платежная система представляет собой институциональные и инфраструктурные механизмы финансовой системы, используемые при инициации и переводе денежных требований в форме обязательств центрального банка и коммерческих банков¹⁴.

Платежную систему России в зависимости от масштабов использования можно разделить следующим образом:

- платежную систему Банка России;
- частные платежные системы.

По мнению В.В. Рудько-Селиванова, Н.В. Кучиной, М.А. Жевлаковой к частным платежным системам можно отнести:

- внутрибанковские платежные системы для расчетов между подразделениями одной кредитной организации;
- платежные системы кредитных организаций для расчетов по корреспондентским счетам, открытым в других кредитных организациях;
- платежные системы расчетных небанковских кредитных организаций;
- системы расчетов между клиентами одного подразделения кредитной организации (филиала);
- иные системы расчетов (Федеральное казначейство, отделения почтовой связи, биржи, депозитарии)¹⁵.

Учитывая, что платежи — это основа экономической и финансовой систем, национальная платежная система играет важнейшую роль в функционировании любого государства. Национальная платежная система оказывает положительное влияние на экономическое состояние страны, а именно:

- предоставляет юридическим и физическим лицам необходимые условия для хозяйственного оборота имущества и имущественных прав;
- создает площадку для реализации экономической и финансовой политики государства;
- дает возможность осуществлять и другие платежи, находящиеся за рамками хозяйственного оборота и выполнения государственных задач (предоставление безвозмездной помощи, оплата штрафов и т.д.).

Национальная платежная система является основополагающим механизмом для обработки и проведения расчетов по межбанковским платежам. Данная система неоднократно подтверждала свою уникальность и незаменимость. Так, за последние несколько лет резко выросли объемы платежей; рынок платежных услуг стал более открытым и конкурентоспособным; возросло количество частных платежных систем, что свидетель-

ствуется о высоком рейтинге данного вида предпринимательской деятельности на бизнес-арене. В свою очередь это можно объяснить активной позицией законодателя, который указывает на необходимость развития национальной платежной системы в совокупности с параллельным повышением доступности банковских услуг.

Банковский сектор — это не только престижный и прибыльный сегмент экономики, а в первую очередь «регулятор» уровня качества жизни населения. Эффективность банковской системы напрямую зависит от качественной работы всего банковского механизма и всех ее отдельных составляющих, особенно кредитных организаций.

¹ См.: Роде Э. Банки, биржи, валюты современного капитализма. М., 1986. С. 14.

² См.: Ческидов Б.М. Рынок ценных бумаг. М., 2001. С. 34–35.

³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 6, ст. 492; 2013. № 3, ч. 1, ст. 4084.

⁴ См.: Приказ МАП РФ от 21 июня 2000 г. № 467 «Об утверждении Перечня видов финансовых услуг, подлежащих антимонопольному регулированию, и состав активов финансовой организации, приобретаемых в порядке уступки прав требования, для расчета оборота финансовой услуги (зарегистрировано в Минюсте России 2 октября 2000 г. № 2405) // Российская газета. 2000. 11 окт.

⁵ См.: Лаутс Е.Б. Банковское право и банковская деятельность. Понятие и сущность // Предпринимательское право. Приложение «Бизнес и право в России и за рубежом». 2011. № 4. С. 2–9.

⁶ См.: Иванова В.В., Соколова Б.И. Деньги. Кредит. Банки: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2006. С. 752; Щербачева Г.Н. Анализ и оценка банковской деятельности (на основе отчетности, составленной по российским и международным стандартам). М., 2006. С. 116.

⁷ См.: Гражданский кодекс РФ (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 5, ст. 410; 2013. № 52, ч. 1, ст. 6981.

⁸ См.: Налоговый кодекс РФ (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31, ст. 3824; 2013. № 52, ч. 1, ст. 6985.

⁹ См.: Алексеева Д.Г., Пыхтин С.В. Банковское право: учебник. М., 2008. С. 438.

¹⁰ См.: Там же. С. 557.

¹¹ Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 3, ст. 140; 2013. № 27. ст. 3477.

¹² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 27, ст. 3872; 2013. № 30, ч. 1, ст. 4084.

¹³ См.: Адрианов В.В., Букирь М.Я., Бутенко С.А. Национальная платежная система. Бизнес-энциклопедия / ред.-сост. А.С. Воронин. М., 2013. С. 424.

¹⁴ General guidance for national payment system development. CPSS BIS, January, 2006. Пер.: Общее руководство по развитию национальной платежной системы. Банк России // Платежные и расчетные системы. 2008. Вып. 3.

¹⁵ Рудько-Селиванова В.В. Организация деятельности центрального банка: учебное пособие. М., 2011. С. 103.

Н.С. Манова*, А.И. Шестерикова**

О СООТНОШЕНИИ ОСНОВАНИЙ И ЦЕЛЕЙ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

При осуществлении уголовно-процессуальной деятельности неизбежно ограничение конституционных прав и свобод участников процесса, применение различных мер процессуального принуждения.

Конституция РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права допускают возможность ограничения прав личности лишь в той мере, в какой оно необходимо в определенных законом целях и в установленном законом порядке. Развивая данное конституционное положение, Пленум Верховного Суда РФ указал, что ограничение прав и свобод участников уголовного судопроизводства оправданно публичными интересами, если такие ограничения отвечают требованиям справедливости, являются пропорциональными, соразмерными и необходимыми для целей защиты конституционно значимых ценностей¹.

Наиболее существенно права и свободы личности в ходе уголовного судопроизводства ограничиваются при применении мер пресечения, которые представляют собой избираемые следователем (дознавателем), судом меры уголовно-процессуального принуждения, оказывающие на обвиняемого (подозреваемого) определенное психологическое воздействие или ограничивающие его личную свободу с целью лишения возможности скрыться от органов дознания, предварительного следствия или суда, продолжать заниматься преступной деятельностью и воспрепятствовать производству по уголовному делу, а также в целях обеспечения исполнения приговора.

О целесообразности, правильности избрания конкретной меры пресечения можно судить не только с точки зрения того, насколько она обеспечивает явку обвиняемого (подозреваемого) в органы предварительного расследования и в суд, а также его надлежащее поведение, но и по тому, на-

* Манова Нина Сергеевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия».

** Шестерикова Анастасия Игоревна — аспирант кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия».

сколько необходимо допускаемое при этом ограничение прав и законных интересов обвиняемого (подозреваемого). В связи с этим при избрании меры пресечения должностные лица правоохранительных органов каждый раз стоят перед дилеммой: незаконное и необоснованное применение меры пресечения, в особенности заключение под стражу, нарушающее права и свободы человека, либо неприменение или несвоевременное применение меры пресечения, повлекшее совершение лицом нового, зачастую более тяжкого преступления, уклонение от явки к следователю, дознавателю, в суд и т.д.²

Несмотря на то, что мерам пресечения в теории уголовного процесса всегда уделялось большое внимание, целый ряд проблем, связанных с их понятием, целями, основаниями и юридическими последствиями применения, до сих пор остаются дискуссионными. Одной из таких проблем является вопрос о соотношении целей и оснований применения мер пресечения. Как справедливо отмечено, законодатель, употребляя термин «основания», не раскрывает его содержание, что на практике зачастую приводит к искажению закона³. В теории же уголовного процесса нередко не проводится четкого различия между основаниями и целями применения мер пресечения.

УПК РФ, определяя в ст. 98 и 97 виды мер пресечения и основания их применения, не содержит нормы, посвященной целям применения мер пресечения. Однако в научной литературе, в которой рассматриваются меры пресечения и порядок их применения, многими авторами используется данная категория⁴. При этом под общими целями применения мер пресечения понимается обеспечение явки обвиняемого (подозреваемого) по вызовам органов расследования и суда, невозможности для обвиняемого воспрепятствовать установлению истины по уголовному делу, пресечение возможной преступной деятельности обвиняемого, обеспечение исполнения приговора суда⁵.

Как отмечается в литературе, каждая из этих целей в отдельности либо в различных сочетаниях друг с другом, либо все цели вместе делают необходимым в конкретной ситуации применение той или иной меры пресечения. Вместе с тем отдельные меры пресечения преследуют частные цели. Так, например, подписка о невыезде, залог применяются только в целях обеспечения явки подозреваемого или обвиняемого по вызовам должностных лиц органов предварительного расследования и суда. В том случае, если обвиняемый (подозреваемый) при избрании указанных мер пресечения допускает ненадлежащее поведение (не является по вызовам дознавателя, следователя, прокурора или суда, продолжает заниматься преступной деятельностью и т.п.), то из этого следует, что ранее выбранная мера пресечения не достигла своей цели и необходимо применить иную, более строгую меру⁶.

Таким образом, многие авторы цели избрания мер пресечения по сути отождествляют с перечисленными в ст. 97 УПК РФ основаниями применения данных мер. Определенные основания для этого дает сам законодатель. Так, в ст. 106 УПК РФ, посвященной такой мере пресечения, как залог, указано, что данная мера пресечения применяется в целях обеспечения явки обвиняемого (подозреваемого) в органы расследования и в суд

и предупреждения совершения им новых преступлений. Кроме того, регламентируя в ст. 97 УПК РФ основания для избрания мер пресечения, законодатель в ч. 2 данной нормы использует формулировку о том, что мера пресечения может избираться также для обеспечения исполнения приговора суда (т.е. в целях обеспечения исполнения приговора суда), тем самым, давая повод считать, что основания избрания мер пресечения тождественны целям их применения.

Между тем в философской литературе понятия «основание» и «цель» рассматриваются как самостоятельные категории. Основание — это необходимое условие, служащее предпосылкой существования каких-либо явлений (следствий) и их объяснением. Цель же — это конечный результат деятельности человека (или коллектива людей), предварительное идеальное представление о котором и желание его достигнуть определяют набор соответствующих средств и системы специфических действий по его достижению⁷. Тем самым категория «цель» в философии означает «предвосхищение в сознании результата, на достижение которого направлены действия. В качестве непосредственного мотива цель направляет и регулирует действия, пронизывает практику как внутренний закон, которому человек подчиняет свою волю. Цель, выражая активную сторону человеческого сознания, должна находиться в тесной связи с объективными законами, реальными возможностями окружающего мира и самого субъекта»⁸.

Применение мер пресечения преследует цель создания надлежащих условий для уголовно-процессуальной деятельности и достижения назначения уголовного судопроизводства путем обеспечения надлежащего поведения обвиняемого (подозреваемого). Как отмечается в литературе, мерам пресечения присуща специфическая целенаправленность — защита правопорядка в сфере уголовного судопроизводства, предупреждение и устранение помех на пути к правильному разрешению дела, охрана законных интересов участников процесса и в конечном счете — содействие борьбе с преступностью⁹.

Таким образом, меры пресечения, имеющие превентивный и обеспечительный характер, направлены на предупреждение возможного противодействия со стороны подозреваемых и обвиняемых производству по уголовному делу (применяются с этой целью). Без применения мер пресечения было бы затруднительно надлежащим образом обеспечить исполнение сформулированных в законе предписаний, а при определенных обстоятельствах вообще исключалась бы возможность наступления ответственности виновного¹⁰.

Надлежащее поведение обвиняемого (подозреваемого) — это выполнение им таких обязанностей, как явка по вызову следователя и суда, несовершение новых преступлений, непрепятствование собиранию доказательств и исполнению приговора. И если обвиняемый не выполняет данные обязанности, т.е. ведет себя ненадлежащим образом, то это порождает основания для применения к нему меры пресечения.

Законодатель под основаниями применения мер пресечения понимает наличие у следователя, дознавателя, суда достаточных оснований полагать, что обвиняемый (подозреваемый) скроется, может продолжать заниматься преступной деятельностью, может воспрепятствовать производству по уголовному делу, а также для обеспечения исполнения приговора (ст. 97 УПК РФ). Исходя из подобных формулировок закона в теории уголовного процесса понятие «основание производства процессуальных действий» трактуется как совокупность фактических и правовых оснований, необходимых и достаточных для принятия решения о производстве данного действия¹¹. Таким образом, категория «основание» определяется через наличие каких-либо оснований; понятие формулируется через это же понятие.

Профессор В.А. Михайлов при определении оснований применения мер пресечения выделяет четыре группы обстоятельств: 1) доказанность деяния, совершенного лицом, в отношении которого в предусмотренной законом форме вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого; 2) установление лица, в отношении которого в предусмотренной законом форме вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого; 3) наличие достаточных доказательств, позволяющих полагать, что обвиняемый может скрыться от следствия и суда, будет продолжать заниматься преступной деятельностью, будет препятствовать производству по уголовному делу; 4) наличие достаточных доказательств, позволяющих полагать, что применение меры пресечения необходимо для исполнения приговора суда¹². Подобным образом определяют основания применения мер пресечения и другие авторы¹³.

Думается, что это является расширительным толкованием оснований производства процессуальных действий, в т.ч. и применения мер пресечения. В качестве таких оснований следует рассматривать сведения фактического характера¹⁴, данные, подтверждающие, что обвиняемый (подозреваемый) ведет или намерен вести себя ненадлежащим образом (может скрыться от следствия и суда, продолжать заниматься преступной деятельностью, препятствовать производству по уголовному делу).

Исходя из этого, ч. 1 ст. 97 УПК РФ было бы целесообразно изложить в следующей редакции: «Следователь, дознаватель и суд в пределах своих полномочий вправе избрать обвиняемому (подозреваемому) одну из мер пресечения, предусмотренных настоящим Кодексом, при наличии фактических данных, свидетельствующих о том, что он скроется от предварительного следствия или суда, может продолжить заниматься преступной деятельностью, может угрожать участникам процесса, уничтожить доказательства или иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу».

Как справедливо отмечено, основание служит необходимой предпосылкой применения любой меры пресечения. С ним, прежде всего, связаны понятия обоснованного и необоснованного применения любых принудительных мер¹⁵. При оценке законности и обоснованности такого решения важную роль играет внутреннее убеждение должностного лица,

принимающего решение об избрании меры пресечения, о возможности неправомерного поведения обвиняемого (подозреваемого). Оно должно быть максимально объективным, включать в себя уверенность правоприменителя в достаточности и достоверности сведений, подтверждающих неправомерное поведение (либо угрозу такого поведения) обвиняемого (подозреваемого). Применение меры пресечения только на основе предположительных суждений, базирующихся на догадках, а не на фактических данных, чревато нарушением конституционных прав личности¹⁶.

Таким образом, цели применения мер пресечения заключаются в предупреждении возможного противодействия со стороны подозреваемых и обвиняемых производству по уголовному делу. Основания же применения данных мер — это фактические данные, свидетельствующие о том, что такое противодействие со стороны обвиняемого (в форме намерений скрыться от следствия или суда, продолжить заниматься преступной деятельностью или воспрепятствовать производству по уголовному делу) имеет место в настоящем либо с высокой степенью вероятности возможно в будущем при производстве по уголовному делу.

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» // Российская газета. 2013. 27 дек.

² См.: Невский С.А., Иванова Е.А. Основания избрания мер пресечения: требования закона и их практическое воплощение // Теория и практика общественного развития. 2010. № 2.

³ См.: Нарбикова Н.Г. Меры пресечения, связанные с ограничением свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2005. С. 13.

⁴ См., например: Величко А.В. Правовое регулирование применения залога как меры пресечения в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001; Нарбикова Н.Г. Указ. раб. С. 12; Буланова Н.В. Заключение под стражу при предварительном расследовании преступлений: научно-методическое пособие / под ред. М.Е. Токаревой. М., 2005. С. 11; Баранов С.А. Залог в современном уголовном процессе России: проблемы нормативного регулирования и практика применения: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2009. С. 69–78 и др.

⁵ См.: Величко А.В. Указ. раб.; Буланова Н.В. Указ. раб.

⁶ См.: Баранов С.А. Указ. раб. С. 26.

⁷ См.: Философский словарь / под ред. И.Т.Фролова. 7-е изд. М., 2001. С. 402, 646.

⁸ Адо А.В., Альтман В.В., Анисеев Н.П. и др. Философский словарь / под ред. М.М. Розенталя. М., 1972. С. 452–453.

⁹ См.: Булатов Б.Б., Николук В.В. Меры уголовно-процессуального принуждения (по главе 14 УПК РФ). М., 2003. С. 6–35; Лановая Г.М. Принуждение в системе форм правоприменения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006; Золотарь Е.В. Актуальные вопросы применения заключения под стражу в качестве меры пресечения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006; Баранов С.А. Указ. раб. С. 16.

¹⁰ См.: Невский С.А., Иванова Е.А. Основания избрания мер пресечения: требования закона и их практическое воплощение // Теория и практика общественного развития. 2010. № 2; Трунов И.Л., Трунова Л.К. Меры пресечения в уголовном процессе. СПб., 2003. С. 59.

¹¹ См., например: Меремьянина О.В. Основания производства следственных действий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004. С. 12.

¹² См.: Михайлов В.А. Методологические основы мер пресечения. М., 1998. С. 14.

¹³ См., например: Трунова Л.К. Современные проблемы применения мер пресечения в уголовном процессе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. С. 21–22.

¹⁴ См.: Петрухин И.Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. М., 1989. С. 105–126; Нарбикова Н.Г. Указ. раб. С. 12; Кудин Ф.М. Принуждение в уголовном судопроизводстве. Волгоград, 2010. С. 124–127.

¹⁵ См.: Корнуков В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1978. С. 43.

¹⁶ См.: Маслова З.Г. Целесообразность и обоснованность избрания в качестве меры пресечения заключения под стражу // Вестник Саратовской государственной академии права. 2011. № 2 (78). С. 210–211.

Н.В. Зароченцева*

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРА ПО ПРИМЕНЕНИЮ СОГЛАСИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР: СОЦИАЛЬНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

Уголовно-процессуальная деятельность предполагает значительное количество субъектов, ее осуществляющих, а также лиц, принимающих в ней различное участие. При этом каждый из участников уголовного судопроизводства наделяется определенным набором прав и обязанностей, обеспечивающих возможность эффективного осуществления им своего функционального назначения. В этом смысле функциональное назначение деятельности того или иного участника уголовного процесса определяет (детерминирует) его процессуальное положение.

Однако в науке уголовного процесса по вопросу о соотношении понятий “процессуальная функция” и “полномочия” того или иного участника уголовного процесса высказывались и противоположные точки зрения. Так, например В.В. Шимановский считал, что функции играют служебную роль, подчинены правовому статусу. Давая определение процессуальной функции, автор на первое место ставил “основную (ведущую) обязанность ... которой определяется процессуальная роль каждого из участников процесса”¹.

В свою очередь А.М. Ларин придерживался точки зрения, согласно которой функции и статус в уголовном судопроизводстве — понятия одного уровня... Статус участника процесса реализуется в тех или иных функциях. Степень участия данного субъекта в осуществлении процессуальных отношений ограничена его статусом”².

Считаем более правильной точку зрения, согласно которой процессуальная функция первична по отношению к правовому статусу участника процесса, «она позволяет определить статус субъекта процессуальной деятельности, правильно установить круг прав, необходимых для осуществления специального назначения данного субъекта в процессе, и обязанностей, возлагаемых на него в этих целях»³. Представляется логичным суждение, согласно которому государство, исходя из потребностей общества, определяет основные направления своей деятельности и формирует органы, на которые возлагает их осуществление. Для того чтобы они могли реализовать свое функциональное назначение, государство наделяет их соответствующими полномочиями. Трудно себе представить обратное⁴.

Что касается функциональной характеристики деятельности прокурора по применению согласительных процедур, то под согласительными процедурами (или процедурами примирения) в современной конфликтологии

* Зароченцева Нина Владимировна — аспирант кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»; e-mail: belokurova606@yandex.ru

понимается метод регулирования и разрешения конфликтов, являющийся промежуточным звеном между прямыми переговорами и традиционным посредничеством. Целью согласительных процедур является примирение сторон⁵. В свою очередь под видами согласительных процедур понимаются конкретные приемы, процедуры устранения конфликтов и противоречий, основанные на различной степени самостоятельности и ответственности сторон за принятые по результатам переговоров решения, а также на степени вмешательства в конфликт третьей стороны. В современном уголовном судопроизводстве можно выделить следующие виды согласительных процедур:

- прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям;
- согласование действий и решений органов предварительного расследования с прокурором либо руководителем следственного органа;
- судебное санкционирование процессуальных действий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан;
- особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением;
- особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, не имевших ранее аналогов в российском законодательстве.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство до настоящего времени не дает легитимного разграничения функций и полномочий прокурора как уголовно-процессуальных категорий. Как следствие вопрос о функциональной характеристике деятельности прокурора является дискуссионным, в литературе высказываются различные точки зрения о функциях, осуществляемых прокурором в уголовном судопроизводстве, их соотношении между собой⁶.

Между тем, по справедливому высказыванию А.А. Тушева, «полярность и многочисленность порой недостаточно обоснованных точек зрения о количестве и видах выполняемых прокурором функций приводят к размыванию роли, целей и задач его деятельности в уголовном судопроизводстве. Отсутствие законодательно закрепленной целостной системы реально осуществляемых прокурором функций в уголовном процессе снижает эффективность деятельности прокуроров, которым требуется четкость и ясность в понимании вопроса о выполняемых ими функциях»⁷.

Попытка законодателя как результат исследования ряда ученых свести деятельность того или иного участника уголовного судопроизводства (в нашем случае прокурора) к осуществлению единой уголовно-процессуальной функции чрезмерно упрощает характеристику деятельности прокурора и, как следствие, не вносит ясности. В этом случае, по меткому замечанию Я.О. Мотовиловкера, происходит «сведение специфического понятия уголовно-процессуальных функций к вопросу о содержании и формах деятельности каждого субъекта уголовно-процессуальной деятельности,

играющего ту или иную роль в уголовном судопроизводстве, означает не больше чем замена термина «деятельность» термином «функция»⁸.

Такой подход, по справедливому замечанию С.А.Шейфера упрощает, огрубляет и схематизирует сложную и многогранную деятельность того или иного участника процесса⁹. В этом плане вызывает научный интерес предложенная еще в 20-х гг. XX в. концепция многовидовой следственной деятельности¹⁰. В 60-х гг. появились исследования, содержащие психологическую характеристику следственной деятельности. В.Л. Васильев видел особенность следственной деятельности в том, что она состоит из нескольких видов: социальной, поисковой, конструктивной, коммуникативной, организаторской и удостоверительной¹¹. А.В. Дулов разделил эти виды деятельности следователя на две группы: основную и вспомогательную. Первая — направлена на достижение целей предварительного следствия, вторая — призвана обеспечить осуществление основной¹².

Концепция, согласно которой деятельность того или иного участника уголовного судопроизводства является многовидовой, вызывает большой научный интерес, поскольку способна раскрыть различные аспекты деятельности определенного участника уголовного судопроизводства с различных сторон.

Несмотря на стремление законодателя свести сложную и многогранную деятельность прокурора в сфере уголовного судопроизводства к осуществлению двух процессуальных функций: функции уголовного преследования и надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия, остается целый ряд других направлений деятельности прокурора, обусловленных указанными функциями, но имеющими самостоятельное содержание и требующими детальной правовой регламентации.

Назначение и роль прокурора, содержание и формы его деятельности могут быть раскрыты во всей их полноте, подвергнуты анализу и правильно поняты лишь при условии проникновения во внутреннюю структуру этой деятельности, изучения всех ее составных частей в отдельности и в органической взаимосвязи. Такой подход представляется вполне реальным, если использовать в качестве научного инструмента категорию процессуальных функций как определенных направлений деятельности прокурора, различающихся по своим ближайшим целям и формам осуществления.

В этой связи познание функционального назначения деятельности прокурора возможно посредством анализа не только системы процессуальных функций, выделенных законодателем в качестве основных направлений его деятельности, но и социального назначения иных направлений деятельности прокурора, включая направления, реализуемые при применении согласительных процедур. Правильное определение социального назначения деятельности прокурора и системы осуществляемых им процессуальных функций позволяет наиболее полно раскрыть его процессуальный статус в выполнении задач уголовного судопроизводства, правильно понять и при-

менять каждый правовой институт и каждую норму, реализующую его деятельность. В своей диалектической совокупности процессуальные функции прокурора определяют функциональное назначение его деятельности и, как следствие, полномочия, необходимые для их осуществления.

Вопрос о понятии и видах уголовно-процессуальных функций является дискуссионным в науке уголовного процесса на протяжении многих десятилетий. Существует много точек зрения, по поводу количества, содержания, момента начала и окончания их осуществления.

Не вдаваясь в дискуссию, согласимся с определением процессуальных функций прокурора как направлений, видов его уголовно-процессуальной деятельности, обусловленных задачами уголовного судопроизводства. Процессуальные функции прокурора выступают своеобразным связующим звеном между задачами судопроизводства и правовым статусом прокурора. Такая позиция позволяет обоснованно выделить вид процессуальной деятельности в качестве специфического направления и вместе с тем с необходимой полнотой определить все виды деятельности прокурора.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство закрепляет в деятельности прокурора следующие виды уголовно-процессуальных функций: а) уголовное преследование; б) надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия (ст. 37 УПК РФ).

При этом необходимо учитывать, что в практическом аспекте деятельность прокурора представляет собой единое и неделимое целое. Действительно, осуществляя свою деятельность, прокурор вряд ли задумывается, какое направление он в данный момент осуществляет. Однако, с другой стороны, представляя свое социальное предназначение и отдельные направления деятельности, прокурор более четко может уяснить круг полномочий, предоставленных ему в сфере уголовного судопроизводства, что способствует более эффективному и единообразному правоприменению.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство относит прокурора к числу участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения (ст. 37 УПК РФ), возлагая при этом на него осуществление функции уголовного преследования (ст. УПК РФ). Как следствие, в действующем УПК РФ закреплен целый блок полномочий прокурора, обеспечивающих осуществление им соответствующей деятельности изблительной направленности. К их числу относятся следующие полномочия:

выносить мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства;

давать дознавателю письменные указания о направлении расследования, производстве процессуальных действий;

давать дознавателю согласие на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, отмене или изменении меры пресечения либо о производстве

иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения;

при наличии оснований возбуждать перед судом ходатайство о продлении срока домашнего ареста или срока содержания под стражей по уголовному делу, направляемому в суд с обвинительным заключением или обвинительным актом;

разрешать отводы, заявленные дознавателю, а также его самоотводы; отстранять дознавателя от дальнейшего производства расследования, если им допущено нарушение требований настоящего Кодекса;

изымать любое уголовное дело у органа дознания и передавать его следователю с обязательным указанием оснований такой передачи;

передавать уголовное дело или материалы проверки сообщения о преступлении от одного органа предварительного расследования другому (за исключением передачи уголовного дела или материалов проверки сообщения о преступлении в системе одного органа предварительного расследования) в соответствии с правилами, установленными ст. 151 УПК РФ, изымать любое уголовное дело или любые материалы проверки сообщения о преступлении у органа предварительного расследования федерального органа исполнительной власти (при федеральном органе исполнительной власти) и передавать его (их) следователю Следственного комитета РФ с обязательным указанием оснований такой передачи;

утверждать постановление дознавателя о прекращении производства по уголовному делу;

утверждать обвинительное заключение, обвинительный акт или обвинительное постановление по уголовному делу; возвращать уголовное дело дознавателю, следователю со своими письменными указаниями о производстве дополнительного расследования, об изменении объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или для пересоставления обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления и устранения выявленных недостатков;

в ходе судебного производства по уголовному делу поддерживать государственное обвинение, обеспечивая его законность и обоснованность.

Несмотря на отнесение прокурора к числу участников со стороны обвинения, функциональное назначение его деятельности и, как следствие, полномочия не ограничиваются сферой уголовного преследования. В деятельности прокурора также находит свое выражение функция надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия.

При этом если уголовное преследование является одной из трех основных процессуальных функций, то прокурорский надзор есть проявление конституционно-правовой функции прокуратуры по надзору за соблюдением законов.

К числу полномочий, обеспечивающих осуществление прокурором функции надзора, можно отнести следующие:

проверять исполнение требований федерального закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях;

требовать от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе дознания или предварительного следствия;

истребовать и проверять законность и обоснованность решений следователя или руководителя следственного органа об отказе в возбуждении, приостановлении или прекращении уголовного дела и принимать по ним решение в соответствии с УПК РФ.

Однако законодателю не всегда удается четко разделять деятельность прокурора на две самостоятельные функции — функцию уголовного преследования и функцию надзора за законностью, что, безусловно, негативно отражается на процессуальном статусе прокурора в уголовном судопроизводстве.

Среди полномочий прокурора есть такие, которые в современных условиях невозможно однозначно отнести к числу надзорных или полномочий, обеспечивающих осуществление уголовного преследования. Так, например, право прокурора участвовать в судебных заседаниях при рассмотрении в ходе досудебного производства вопросов об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, о продлении срока содержания под стражей либо об отмене или изменении данной меры пресечения, а также при рассмотрении ходатайств о производстве иных процессуальных действий, которые допускаются на основании судебного решения, и при рассмотрении жалоб в порядке, установленном ст. 125 УПК РФ (ч. 8 ст. 37 УПК РФ), относится к обеим группам и зависит от того, чье ходатайство рассматривается в суде.

Законодательная неопределенность в функциональном назначении прокурора проявляется в его праве возвращать уголовное дело дознавателю, следователю со своими письменными указаниями о производстве дополнительного расследования, об изменении объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или для пересоставления обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления и устранения выявленных недостатков (ст. 37 УПК РФ). С одной стороны, по задумке законодателя, прокурор перестал быть органом, осуществляющим процессуальное руководство органами предварительного следствия, и потерял право дачи обязательных указаний следователю в процессе предварительного расследования. С другой стороны, такое право сохранилось при утверждении прокурором обвинительного заключения.

Противоречивость уголовно-процессуального законодательства объясняется тем, что при определении полномочий прокурора в досудебном производстве законодатель в полной мере не учел функциональное назначение его деятельности. Прокурор был и остается участником уголовного судопроизводства со стороны обвинения, осуществляющий функцию уголовного преследования. По этой простой причине прокурор в досудебном производстве не может оставаться сторонним наблюдателем за качеством осуществляемого уголовного преследования органами предварительного

следствия, поскольку именно он функционально призван возглавлять деятельность по уголовному преследованию, на нем лежит ответственность за реализацию обвинения, а в дальнейшем — поддержание его перед судом.

С другой стороны, диалектическая взаимообусловленность функции прокурорского надзора с осуществлением уголовного преследования проявляется в том, что прокурор, будучи ответственным за обоснованность обвинения, заинтересован в соблюдении закона органами предварительного расследования, т.к. его нарушение может повлечь за собой признание собранных доказательств недопустимыми и не имеющими юридической силы, а в конечном счете — невозможность опровержения презумпции невиновности на основе сформированной по делу доказательственной базы. Следовательно, осуществление прокурором надзора за деятельностью органов предварительного расследования охватывается выполняемой им функцией уголовного преследования, осуществляется в ее рамках. По этому вопросу справедливо высказывание З.Д. Еникеева «с тем чтобы вовремя предупредить ошибки и нарушения в деятельности органов, осуществляющих уголовное преследование, надзор прокурора должен быть активным, инициативным, своевременным, постоянным, плодотворным. Это достигается в том случае, если правильно и умело организована деятельность прокурора в данной сфере, когда надзор по всем без исключения уголовным делам носит не эпизодический, а систематический характер, когда прокурор вникает в существо каждого дела не в конце расследования, а с самого начала его возникновения и при этом интересуется вопросами обеспечения законности, своевременности, результативности действий, охватываемых уголовным преследованием, и реальной защиты прав и свобод людей. Эти вопросы должны быть предметом внимания на всем протяжении предварительного расследования по любому делу, находящемуся в поднадзорных ему следственных учреждениях и органах дознания»¹³.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что функциональное назначение деятельности прокурора как участника уголовного судопроизводства со стороны обвинения сводится к диалектическому единству функций уголовного преследования и надзора за деятельностью органов предварительного расследования.

Однако в современных условиях концепция, согласно которой деятельность прокурора носит исключительно публичный характер, имевшая место в науке уголовного процесса на протяжении длительного времени, существенно устарела.

Применительно к уголовному судопроизводству единая концепция прокурорского надзора также претерпевает большие изменения. В современных условиях при характеристике функционального назначения деятельности прокурора и его полномочий в уголовном судопроизводстве необходимо учитывать, что он, кроме всего прочего, выступает активным участником дифференцированных форм уголовного судопроизводства, к числу которых относятся согласительные процедуры, в которых его функ-

циональное назначение и, как следствие, полномочия также дифференцируется и конкретизируется применительно специальным условиям той или иной согласительной процедуры.

Обусловлено это тем, что если уголовное судопроизводство в целом строится на публичных началах, предполагающих обязанность прокурора принимать все предусмотренные законом меры по изобличению виновных в совершении преступлений, а также осуществлять надзор за такой деятельностью органов предварительного расследования, то в согласительных процедурах прослеживаются диспозитивные начала, предполагающие несколько иные цели, стоящие перед прокурором и, как следствие, принятие некоторых решений и совершение ряда процессуальных действий прокурором по собственному усмотрению. Безусловно, такое обстоятельство накладывает определенный отпечаток на социальное предназначение осуществляемой прокурором деятельности.

Как следствие происходящих процессов в современном обществе изменился социальный запрос к деятельности прокурора. При возникновении различного рода конфликтов (уголовно-правового и других частных конфликтов) прокурор не может следовать какой-либо одной универсальной схеме. В зависимости от сложившейся ситуации от него требуются гибкость и восприимчивость к различным элементам, собственное видение действительности и принятие решений по личному усмотрению. Поскольку «ни общий интерес не в состоянии включить в себя все многообразие индивидуальных (личных) интересов, ни отдельный интерес — отразить в себе полноту общего интереса, возникает необходимость нахождения приемлемого для различных социальных сил компромисса, поскольку нынешнее время требует более гибких средств и методов борьбы с преступностью»¹⁴.

Давая согласие на прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям либо заключая досудебное соглашение о сотрудничестве, прокурор должен исходить из возможности обеспечения баланса интересов общества и индивидуума (социального компромисса) посредством применения той или иной согласительной процедуры.

Таким образом, поскольку в предусмотренных законом случаях конечное решение об использовании согласительной процедуры принимает прокурор, то его деятельность при применении той или иной согласительной процедуры в первую очередь сводится к осуществлению функции обеспечения баланса интересов общества и индивидуума.

¹ Шимановский В.В. К вопросу о процессуальной функции следователя в советском уголовном процессе // Правоведение. 1965. № 2. С. 175.

² Ларин А.М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. М., 1986. С. 14.

³ Гуляев А.П. Следователь в советском уголовном процессе. М., 1981. С. 10.

⁴ См.: Ванин Д.В. Функциональное назначение деятельности следователя и его полномочия в состязательном уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. С. 179.

⁵ URL: univer5.ru/sotsiologiya...konfliktologiya/Page... (дата обращения: 05.10.13).

⁶ См., например: Безвершенко Д.А. Роль прокурора в уголовном судопроизводстве РФ // Молодой ученый. 2013. № 1. С. 256–258; Цапаева Т.Ю. Участие прокурора в доказывании на предварительном следствии. Самара, 2004. С. 21; Алексеев С.Н. Надзор за соблюдением прав и свобод участников уголовного процесса в системе конституционных гарантий прав и свобод че-

ловека и гражданина и полномочий прокурора (досудебные стадии): дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2002 и др.

⁷ Тушев А.А. Прокурор в уголовном процессе Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2006. С. 5.

⁸ См.: Мотовиловкер Я.О. О принципах объективной истины, презумпции невиновности и состязательности процесса. Ярославль, 1978. С. 68.

⁹ См.: Шейфер С.А. О некоторых проблемах судебной реформы // Российская юридическая доктрина в XXI веке: проблемы и пути их решения: сборник статей по материалам научно-практической конференции / под ред. А.И. Демидова. Саратов, 2001. С. 129.

¹⁰ См.: Сотонин К. Психограмма судебного следователя. М., 1925.

¹¹ См.: Васильев В.Л. Психологическая характеристика деятельности следователя: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1970. С. 4.

¹² См.: Дулов А.В. Основы психологического анализа на предварительном следствии. М., 1973. С. 35–44.

¹³ Еникеев З.Д. Механизм уголовного преследования: учебное пособие. Уфа, 2002. С. 89.

¹⁴ Туркота С. Правовой компромисс в уголовном судопроизводстве // Право Украины. 2001. № 12. С. 69–71.

Н.В. Спесивов*

РЕАЛИЗАЦИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СТАНДАРТА О ПРАВЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ НА ПОЛУЧЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ

Важнейшими составляющими стандарта права на справедливое судебное разбирательство для несовершеннолетних являются содержащиеся в ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод¹ и ст. 7, 15 Минимальных стандартных правил ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила)², положения о праве подростков на квалифицированную юридическую помощь, а также об участии в судопроизводстве их законных представителей в целях оказания несовершеннолетним психологической и эмоциональной поддержки. При этом, прежде всего, имеются в виду несовершеннолетние, вступившие в конфликт с законом.

В соответствии с данными международными стандартами УПК РФ предусматривает в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства двойное представительство интересов несовершеннолетних обвиняемых (подозреваемых) — их законным представителем и защитником. При этом участие одного из них не подменяет участия другого, хотя функциональное назначение их деятельности одинаково: и законный представитель, и защитник выступают на стороне защиты и выполняют одноименную функцию.

Проведенный автором неформализованный опрос родителей несовершеннолетних обвиняемых (подозреваемых) показал, что 82 % опрошенных считают, что они не в состоянии на должном уровне защищать интересы своего ребенка, поскольку не обладают достаточным уровнем необходимых для этого знаний. Однако 77 % из них считают обязательным

* Спесивов Никита Владимирович — аспирант кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия».

свое участие в процессе рассмотрения и расследования дела наряду с адвокатом и только 23 % высказались за то, чтобы самим непосредственно не принимать участие в уголовном судопроизводстве, а защиту интересов детей доверить адвокату.

Согласно п. 2 ч. 1 ст. 51 УПК РФ участие защитника при производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних обвиняемых (подозреваемых) является обязательным. Если защитник не приглашен самим подозреваемым, обвиняемым или его законным представителем, то дознаватель, следователь или суд обязаны обеспечить его участие в деле. Данное положение российского уголовно-процессуального законодательства в полной мере отражает содержание п. 15.1 Пекинских правил о том, что в ходе всего судопроизводства несовершеннолетний имеет право быть представленным его адвокатом, имеет право на бесплатную правовую помощь, если предоставление такой помощи предусмотрено законодательством страны.

В соответствии с УПК РФ несовершеннолетний обвиняемый (подозреваемый) не может отказаться от защитника, в т.ч. и в случае неисполнения им должным образом своих обязанностей. Как представляется, такое положение не отвечает потребностям несовершеннолетнего, т.к. в подобных случаях защитник перестает действовать в интересах подростка и лишь оказывает отрицательное воздействие как на самого обвиняемого, так и на ход и результаты уголовного судопроизводства. В соответствии с ч. 2 ст. 52 УПК РФ отказ несовершеннолетнего или его законного представителя от защитника для следователя, дознавателя, суда не обязателен. Однако, думается, что установленная законом необязательность такого отказа для компетентных органов и должностных лиц не означает обязанности его отклонения³. Отказ от конкретного защитника не должен повлиять на возможность несовершеннолетнего защищать свои права и интересы, а причины такого отказа должны быть рассмотрены следователем или судом с учетом требований международных стандартов о повышенной защите прав несовершеннолетних в ходе уголовного судопроизводства.

В целях же предотвращения злоупотребления данным правом со стороны несовершеннолетних (в связи с юношеским максимализмом либо в связи с намеренным желанием затянуть судопроизводство, ущемить права других участников процесса) необходимо, чтобы такой отказ был мотивирован и обязательно согласован с законным представителем подростка. Если несовершеннолетний и его законный представитель ходатайствуют о замене защитника, дознаватель, следователь или суд обязаны рассмотреть и разрешить это ходатайство.

В связи с изложенным считаем необходимым предусмотреть в УПК РФ (в ст. 52 либо в одной из статей гл. 50) положение следующего содержания: «Отказ несовершеннолетнего от защитника должен быть мотивирован и согласован с законным представителем. Письменное мотивированное ходатайство несовершеннолетнего и его законного представителя о замене защитника должно быть рассмотрено органом предварительного рассле-

дования или судом и в случае его обоснованности в целях реальной необходимости обеспечить право несовершеннолетнего на квалифицированную юридическую помощь следователь и суд назначают другого защитника».

С учетом требований международных стандартов о повышенной защите прав несовершеннолетних участников уголовного процесса особую актуальность приобрел вопрос о необходимости специализации не только должностных лиц и органов, ведущих производство по уголовным делам данной категории, но и лиц, осуществляющих функцию профессиональной защиты — адвокатов. Так называемые «детские адвокатуры» — явление для мирового правопорядка не новое. Они успешно функционируют в ряде европейских стран (Великобритания, Франция) в форме специальных коллегий адвокатов, а в США (штат Оклахома) — в форме частной организации существует Центр детской адвокатуры (Child Advocacy)⁴.

В Российской Федерации первая и пока единственная специализированная юридическая консультация «Детская адвокатура» действует в Екатеринбурге с 1995 г. По мнению ее руководителя, необходимость существования такой структуры очевидна, поскольку «с детьми довольно сложно работать в процессе предварительного расследования, потому что ребенок внушаем и склонен к фантазированию ... и обеспечить его эффективную защиту может только специально подготовленный адвокат»⁵. Идею специализированных адвокатур по делам несовершеннолетних активно поддерживают многие ученые и практики. Адвокат Адвокатской палаты г. Москвы Е.Н. Калачева совместно с Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации разработала специальную программу повышения квалификации адвокатов «Ювенальная адвокатура», поскольку считает, что только адвокаты, имеющие стаж работы не менее пяти лет и прошедшие курс обучения по данной программе, в полной мере смогут представлять интересы несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве⁶.

Как показывает анализ практики, во многих случаях (по нашим данным, по 66 % уголовных дел) участие защитника по делам несовершеннолетних обеспечивается следователем или дознавателем. Это связано с тем, что наиболее часто преступления совершаются несовершеннолетними из малообеспеченных и неблагополучных семей, неполных семей, и возможности самостоятельно пригласить защитника у родителей или иных родственников правонарушителя нет. Только по 34 % изученных уголовных дел законные представители или иные лица самостоятельно заключали соглашения с адвокатом, приглашая наиболее опытного защитника. На практике нередки случаи, когда представлять интересы несовершеннолетних поручается «дежурному» адвокату, который может оказаться молодым, недостаточно опытным специалистом. Это вряд ли оправдано с точки зрения международных стандартов права на получение квалифицированной юридической помощи, в соответствии с которыми профессиональная квалификация, в т.ч. и защитника, является необходимым элементом для

обеспечения беспристрастного и эффективного отправления правосудия в отношении несовершеннолетних.

Некоторые авторы предлагают законодательно закрепить возможность допуска для защиты интересов несовершеннолетних только адвокатов, имеющих определенный стаж работы. Так, С.Н. Вергунова считает приемлемым стаж не менее двух лет⁷, а, по мнению Е.Н. Калачевой, юридическую помощь несовершеннолетним вправе оказывать адвокаты, имеющие адвокатский стаж не менее пяти лет⁸. Реализация последнего предложения, по нашему мнению, создаст ряд трудностей практического характера. Далеко не в каждом районном центре следователь и суд смогут найти адвоката с таким стажем работы (с учетом их небольшого количества и занятости в иных процессах), что неизбежно приведет к увеличению сроков расследования и рассмотрения дел несовершеннолетних.

Несмотря на это, считаем, что данное ограничение вполне может найти отражение в Федеральном законе от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»⁹, где возможно предусмотреть положение о том, что защита прав несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства должна поручаться наиболее опытным адвокатам, имеющим стаж работы не менее двух лет. Без специализированной адвокатуры становление и функционирование в России системы ювенальной юстиции, без которой невозможно говорить о реализации международных стандартов уголовного судопроизводства по делам несовершеннолетних, будет неполноценным. Как верно отметила И.В. Предеина, «вопросы специализации адвокатуры по делам несовершеннолетних должны решаться в законодательном порядке, а специализированная адвокатура должна являться одним из основных элементов ювенальной системы»¹⁰.

Безусловно, что сегодня создание «детской» адвокатуры затруднительно, прежде всего, в связи с необходимостью ее государственного финансирования. Очевидно, что основными доверителями таких адвокатов будут несовершеннолетние, которые самостоятельно не смогут оплатить получение квалифицированной юридической помощи, и участие адвоката будет обеспечиваться органами и должностными лицами, осуществляющими производство по делу. В специальной литературе отмечается, что инициативы по созданию специализированных детских юридических консультаций не находят финансовой поддержки у официальных государственных структур и реализуются в основном в рамках проектов благотворительных организаций¹¹. Однако аргумент о дороговизне создания специализированных адвокатур не может быть состоятельным уже в силу того, что «инвестиции в будущее поколение, а следовательно, и будущее всей страны являются единственными окупающимися»¹². Очевидно, что данной проблемой должно озаботиться и само адвокатское сообщество, поскольку оказание квалифицированной юридической помощи — это, прежде всего, задача такого института гражданского общества, как адвокатура, которая реализует

цели защиты прав, свобод, интересов граждан нашей стран, включая несовершеннолетних, а также обеспечивая их доступ к правосудию¹³.

Помимо адвоката-защитника права и интересы несовершеннолетнего при производстве по уголовному делу обеспечиваются участием его законного представителя. Согласно п. 12 ст. 5 УПК РФ законными представителями несовершеннолетних обвиняемых (подозреваемых) и потерпевших могут быть их родители, усыновители, опекуны или попечители, представители учреждений или организаций, на попечении которых находится несовершеннолетний, а также органы опеки и попечительства. В теории уголовного процесса неоднократно отмечалась необходимость расширения круга лиц, которые могли бы выступать в деле в качестве законных представителей несовершеннолетних участников процесса¹⁴. Так, С.В. Матвеев считает, что ограничение круга лиц, представляющих и защищающих права несовершеннолетних вряд ли оправдано, поскольку близкие родственники могли бы оказать действенную помощь в установлении психологического контакта, выяснении комплекса вопросов, касающихся личности несовершеннолетнего, условий его жизни, воспитания и т.д.¹⁵ М.А. Фомин также считает, что в качестве законных представителей могут быть привлечены родные братья или сестры несовершеннолетних участников процесса¹⁶.

По пути расширения круга лиц, допускаемых в уголовное судопроизводство в качестве законных представителей несовершеннолетних, пошла и следственно-судебная практика. Так, по уголовному делу в отношении 17-летнего К., обвинявшегося в совершении преступления, предусмотренного п. «а», ч. 3 ст. 111 УК РФ, в качестве законного представителя была допущена его сестра, т.к. родители обвиняемого проживали в другом регионе¹⁷. По другому уголовному делу по обвинению 16-летнего М. в совершении преступления, предусмотренного п. «г», ч. 2 ст. 161 УК РФ, законным представителем несовершеннолетнего признана его бабушка, с которой проживал подросток, т.к. его родители умерли, но которая не являлась его опекуном или попечителем¹⁸.

Несмотря на то, что участие таких лиц вполне логично, поскольку они были в состоянии более действенно осуществлять защиту прав и законных интересов несовершеннолетних, чем, например, орган опеки и попечительства, их участие в процессе вступает в противоречие с природой законного представительства, т.к. законные представители должны находиться с несовершеннолетними в правоотношениях, урегулированных гражданским и семейным законодательством¹⁹, согласно которому близкие родственники могут быть законными представителями лишь в том случае, если они будут признаны в установленном законе порядке попечителями представляемого лица²⁰.

Действующее законодательство не урегулировало и вопрос о том, сколько законных представителей несовершеннолетнего могут одновременно участвовать в производстве по делу. Одни авторы считают, что одновременное участие нескольких представителей, в частности обоих родителей, нецелесообразно, поскольку это усложняет производство по делу и не предусмо-

тreno законом²¹. Сторонники данной точки зрения говорят о том, что другой законный представитель допускается к участию в деле в силу ст. 426 и 428 УПК РФ в случае, когда первоначально допущенный отстраняется от участия в производстве расследования или судебного разбирательства²².

Другие авторы, напротив, считают, что, если в законе нет прямого запрета на то, чтобы оба родителя выступили одновременно в качестве законных представителей несовершеннолетнего, то при их желании это вполне допустимо²³. В ст. 15.2 Пекинских правил указано на то, что родители и опекун имеют право участвовать в судебном разбирательстве в интересах несовершеннолетнего. По нашему мнению, если оба родителя несовершеннолетнего изъявляют желание принимать участие в деле в качестве законных представителей, то следователь (дознатель) и суд обязаны их допустить в качестве таковых, поскольку по гражданскому и семейному законодательству оба они являются равнозначными представителями подростка и обязаны защищать его права и интересы. В остальных случаях, если такого ходатайства не поступает, в качестве законного представителя допускается один из родителей.

Участие законных представителей по уголовному делу в отношении несовершеннолетнего не зависит от воли представляемого лица. Поэтому, по общему правилу, согласия и представителя, и представляемого не требуется. Однако на практике суды часто сталкиваются с ситуацией, когда своевременно извещенный законный представитель не является в судебное заседание²⁴. В соответствии с ч. 3 ст. 428 УПК РФ неявка своевременно извещенного законного представителя несовершеннолетнего подсудимого в судебное заседание не приостанавливает рассмотрения уголовного дела, если суд не найдет его участие необходимым. При этом закон не содержит нормы, позволяющей осуществить привод законного представителя в случае его уклонения от явки в суд. В связи с этим в литературе высказано мнение о необходимости закрепить обязанность законных представителей являться по вызову следователя и суда, а также право последних осуществлять привод данных лиц в случае их неявки без уважительной причины²⁵. Однако, по нашему мнению, уклонение законного представителя от явки в органы расследования и в суд уже свидетельствует о том, что участие такого лица в качестве законного представителя несовершеннолетнего нецелесообразно, что высока вероятность того, что он не будет должным образом осуществлять защиту интересов несовершеннолетнего. Поэтому законодательное закрепление возможности привода таких лиц не только не соответствует интересам несовершеннолетних, но и может навредить им.

Полагаем, что несовершеннолетний должен иметь возможность участвовать в решении вопроса о том, кто будет выступать в деле в качестве его законного представителя. На практике встречаются случаи, когда подросток просит не приглашать того или иного родителя в связи с негативным к нему отношением. С учетом этого считаем необходимым изложить ст. 48 УПК РФ в следующей редакции: «По уголовным делам о преступлениях, совер-

шенных несовершеннолетним, к обязательному участию в уголовном деле с учетом мнения обвиняемого (подозреваемого) привлекаются его законные представители в порядке, установленном статьями 426 и 428 УПК РФ».

Кроме того, целесообразно внести изменения в ч. 4 ст. 426 УПК РФ, изложив ее в следующей редакции: «Законный представитель обязан действовать в интересах представляемого несовершеннолетнего, не совершать действий, наносящих ущерб его законным интересам. В случае совершения таких действий, а также умышленного уклонения законного представителя от осуществления своих обязанностей следователь, дознаватель выносят постановление об отстранении данного лица от участия в деле и замене его на другого законного представителя. Если произвести замену невозможно в связи с отсутствием у несовершеннолетнего других законных представителей, к участию в деле допускается орган опеки и попечительства».

Аналогичные изменения следует также внести в ст. 428 УПК РФ, изложив ч. 2 в следующей редакции: «В судебном заседании законный представитель обязан действовать в интересах представляемого несовершеннолетнего, не оказывать на него отрицательного воздействия и не совершать иных действий, наносящих ущерб законным интересам несовершеннолетнего подсудимого. В случае совершения таких действий суд выносит решение об отстранении данного лица от участия в деле и замене его на другого законного представителя. Если произвести замену невозможно в связи с отсутствием у несовершеннолетнего других законных представителей, к участию в деле допускается орган опеки и попечительства», а в ч. 3 данной статьи внести следующее дополнение: «Если суд установит, что законный представитель несовершеннолетнего подсудимого умышленно уклоняется от участия в деле, то он принимает решение, руководствуясь ч. 2 настоящей статьи».

¹ См.: Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года (с изменениями, внесенными протоколами № 3, 5, 8, 11) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 20, ст. 2143.

² См.: Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних: приняты резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 29 ноября 1985 г. // Советская юстиция. 1991. № 12–14.

³ См.: Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под общ. ред. А.В. Смирнова. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

⁴ См.: Пронин А.А. Ювенальное право: учебное пособие. Ростов н/Д, 2011. С. 166.

⁵ Стребиж В. Человек имеет право, даже если он ребенок. URL: <http://www.gorodfm.ru/articlearchive/date.20040125/articleid.134/> (дата обращения: 25.10.2014).

⁶ См.: Калачева Е.Н. Программа повышения квалификации адвокатов «Ювенальная адвокатура». М., 2012; Её же. Требования к адвокатам, оказывающим правовую помощь несовершеннолетним // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 5. С. 222.

⁷ См.: Вергунова С.Н. Уголовно-процессуальное положение несовершеннолетних при расследовании преступлений органами внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. С. 104.

⁸ См.: Калачева Е.Н. Требования к адвокатам, оказывающим правовую помощь несовершеннолетним // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 5. С. 222.

⁹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 23, ст. 2102.

¹⁰ Предеина И.В. Правовые и теоретические основы развития ювенальной юстиции в России: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 113.

¹¹ См.: Там же.

¹² Хананашвили Н.Л. Ювенальная юстиция – «против» и «за» // Ювенальная юстиция и проблемы защиты прав несовершеннолетних: материалы международной научно-практической конференции (г. Улан-Уде, 23–25 сентября 2009 г.). Улан-Уде, 2010. С. 477.

¹³ См.: *Калачева Е.Н.* Программа повышения квалификации адвокатов «Ювенальная адвокатура». М., 2012. С. 4.

¹⁴ См.: *Панкратов В.А.* Институт законного представительства в советском уголовном процессе (стадия предварительного расследования): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1992. С. 11–13; *Полов А.Н.* Особенности предварительного расследования по делам о преступлениях несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2001. С. 12; *Галимов О.Х.* Малолетние лица в уголовном судопроизводстве. СПб., 2001. С. 13–15.

¹⁵ См.: *Матвеев С.В.* УПК РФ об участии законных представителей, близких родственников в расследовании уголовных дел, совершенных несовершеннолетними // Журнал российского права. 2002. № 5. С. 107.

¹⁶ См.: *Фомин М.А.* Сторона защиты в уголовном процессе (досудебное производство). М., 2004. С. 203.

¹⁷ См.: Уголовное дело № 1-146 // Архив Октябрьского районного суда г. Саратова за 2012 год.

¹⁸ См.: Уголовное дело № 1-123 // Архив Октябрьского районного суда г. Саратова за 2013 год.

¹⁹ См.: *Дудин Н.П., Луговцева С.А.* Судебное разбирательство уголовных дел в отношении несовершеннолетних. СПб., 2005. С. 101.

²⁰ См.: *Ландо А.С.* Представители несовершеннолетних обвиняемых в советском уголовном процессе. Саратов, 1977. С. 11.

²¹ См., например: *Гуковская Н.И., Долгова А.И., Миньковский Г.М.* Расследование и судебное разбирательство дел о преступлениях несовершеннолетних. М., 1974. С. 50; *Белокопытов А.К.* Законное представительство в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2009. С. 13.

²² См.: *Тетюев С.В.* Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. М., 2007. С. 79.

²³ См., например: *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. Т. 2. М., 1970. С. 484; *Стражевич Ю.Н.* Правовой статус несовершеннолетнего потерпевшего в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2008. С. 24; *Ухарева Е.А.* Участие законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого в производстве следственных действий (правовые и организационные аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 13.

²⁴ См.: *Белокопытов А.К.* Указ. раб. С. 13.

²⁵ См.: *Дудин Н.П., Луговцева С.А.* Указ. раб. С. 104.

Н.С. Гордеев *

ОСОБЕННОСТИ ИДЕОЛОГИИ НЕОЯЗЫЧЕСКИХ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ**

Экстремистская идеология консолидирует любую экстремистскую организацию. По мнению В.П. Журавеля, «...идеология ... экстремистской деятельности — это тот стержень, который не только сплачивает людей в организацию единомышленников, но и оправдывает данную деятельность»¹. Говоря о религиозном экстремизме, следует отметить, что экстремистская идеология здесь более систематизирована и имеет в основе определенное религиозное учение, особенно его отдельные конфликтогенные положения. Термин «конфликтогенность» означает способность чего-либо быть

* *Гордеев Никита Сергеевич* — аспирант кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия».

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Особенности проявления религиозного экстремизма и основные направления противодействия ему на примере регионов Приволжского федерального округа (Саратовской, Ульяновской областей и Республики Татарстан)», № 14-33-01231.

реальным или потенциальным источником возникновения определенного негативного явления, в частности, совершения экстремистских преступлений. Конфликтogenность заложена в идеологии любой экстремистской организации, является сущностным элементом экстремизма. Если исходить из Федерального списка экстремистских материалов, можно сделать вывод о том, что в отдельных религиях таких «опасных» факторов больше.

Бесспорно, лидером по конфликтogenному потенциалу являются радикальные исламские организации, но в последнее время особую опасность стали представлять последователи неоязыческих культов. Появление сети Интернет привело к новым организационным возможностям экстремистских организаций, которые используют всемирную сеть для распространения своей идеологии². В федеральном списке экстремистских материалов по состоянию на 20 ноября 2014 г. содержится 2500 наименований, из них религиозного содержания было выявлено 775 материалов, из которых 70 – неоязыческие (около 9 %) ³. Свидетельством влияния неоязычества на мотивацию экстремистов служит расстрел прихожан Воскресенского кафедрального собора Южно-Сахалинска 9 февраля 2014 г. Задержанный на месте преступления Степан Комаров «не скрывал своей принадлежности к неоязычникам, татуировки на его теле изображали кресты (рунические. – *Н.Г.*) и свастику»⁴. Учитывая актуальность темы, в предлагаемой статье будут рассмотрены некоторые особенности идеологии неоязыческих экстремистских организаций.

По мнению В.В. Гурского, под экстремистской идеологией понимается «целостная политическая или религиозная концепция, в основе которой лежат отрицание господствующих ценностей, призыв к их ликвидации и замене качественно иными»⁵. Определение экстремистской идеологии через «отрицание ценностей» соответствует положениям Модельного закона стран – членов СНГ о противодействии экстремизму, где под экстремизмом понимается «посягательство на основы конституционного строя и безопасность государства, а также нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, осуществляемые вследствие отрицания правовых и (или) иных общепринятых норм и правил социального поведения»⁶. Между тем в ст. 1 базового российского Закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (в ред. от 21 июля 2014 г.)⁷ понятия «экстремизм» и «экстремистская деятельность» употребляются как синонимичные и включают в себя совершение различных противоправных действий. Соответственно экстремистская идеология – совокупность идей и концепций, используемых представителями экстремистских организаций и групп для обоснования правомерности применения насилия и иных противоправных методов для достижения своих целей, а также отражающих их взгляды на существующее государство и складывающиеся отношения в различных сферах жизни общества. Указанный вид идеологии имеет ряд особенностей в зависимости от концепции, лежащей в ее основе.

В Перечень общественных и религиозных объединений, иных некоммерческих организаций, в отношении которых судом принято вступившее в

законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности», входят такие неоязыческие организации, как Религиозная группа Краснодарская Православная Славянская община «ВЕК РА» (Ведической Культуры Российских Ариев) Скифской Веси Рассени; Местная религиозная организация Асгардская Славянская Община Духовного Управления Асгардской Веси Беловодья Древнерусской Инглистической церкви Православных Староверов-Инглингов; Местная религиозная организация Славянская Община Капища Веды Перуна Духовного Управления Асгардской Веси Беловодья Древнерусской Инглистической церкви Православных Староверов-Инглингов; Религиозная организация Мужская Духовная Семинария Духовное Учреждение профессионального религиозного образования Древнерусской Инглистической Церкви Православных Староверов-Инглингов; Религиозная группа Соколова О.В., Русских В.В. и Петина А.Г., исповедующая, культивирующая и распространяющая идеи доктрины «Древнерусской Инглистической церкви Православных Староверов-Инглингов»; Межрегиональное общественное объединение «Северное Братство»; Община Коренного Русского народа Щелковского района Московской области. Таким образом, из 36 экстремистских организаций⁸ 8 являются явно неоязыческими (около 22 %), последнее решение по ним было принято 25 февраля 2014 г. Представители еще трех организаций (Русское национальное единство, Славянский союз, Союз славян) в своих программных документах неоднократно ссылались на неоязыческие принципы («поконы») и видение исторического развития России. Уже сами названия вышеперечисленных организаций отражают неоднородность идеологии современного неоязычества, что предопределяет необходимость ее тщательного исследования.

Неоязычество нельзя отождествлять с язычеством вообще, ведь оно не является исторически обусловленным (в отличие, например, от язычества в Марий Эл) и относится к новым религиозным движениям, основанным на попытке возрождения дохристианских верований. Пути такого «возрождения» различны, что обуславливает специфику неоязычества, в котором можно выделить наиболее активные направления, значительно подверженные экстремизации, — родноверие и ведизм.

Конфликтогенные факторы в идеологии родноверов и ведистов во многом схожи. Родноверы ставят целью возродить славянские дохристианские обряды и верования, признают священными «знания древних славян», соблюдают реконструированные обряды дохристианских времен и некоторые проходят обряды «очищения» и «имянаречения», в результате которых получают новое славянское имя⁹. Можно сказать, что родноверие более национализировано, по сравнению с другими направлениями неоязычества. Политический идеал для родноверов — мононациональное государство, они активно отстаивают право славян (русских) на управление основанными ими государствами.

Употребление слов «ведизм» и «ведисты» для представителей одного из направлений неоязычества весьма условно и отражает ориентацию на культуру Древней Индии в весьма специфической интерпретации. У ведистов «ключевым стало учение о Великой Белой Расе, которой должно принадлежать мировое господство»¹⁰. Политический и социальный идеал — мировое управление по кастовой системе, на вершине которой должны находиться, по мнению ведистов, представители «проторасы» русские — истинные арии.

Можно выделить некоторые криминологически значимые особенности обозначенных направлений неоязычества.

Во-первых, антигосударственная направленность неоязычества, что особенно важно для его рассмотрения в контексте «идеологической основы» экстремистских организаций, для которых основной целью является воплощение своего политического идеала в жизнь. Лозунг неоязычников озвучил Я.О. Волохов: «Я обожаю нашу землю настолько же сильно, насколько ненавижу свое государство»¹¹. Неоязычники констатируют: «Идет война на уничтожение практически всей белой расы. Русских, — в первую очередь. Других восточных славян, — во вторую. Подавляющего большинства остальных белых народов, — в третью»¹². Соответственно, выдвигаются идеи о создании «расово чистого» государства на основе принципов соборности. Представитель ведического направления неоязычества Борис Татищев в своей книге «Логика возрождения Великой Руси» видит современных людей, в зависимости от свойств сознания разделенными на варны (термин, обозначающий четыре основных сословия древнеиндийского общества: брахманы, кшатрии, вайшьи, шудры)¹³. Основой «логики возрождения Великой Руси», по мнению Б. Татищева, является возврат к ведической культуре, правда, на этом его логика заканчивается: «Сотворчество, практически везде и во всем, но более всего в решении главной для нас, древнейшей и священной для каждого руса триединой сакральной задачи: «хранить Род. Беречь Землю. Держать Небо». Последнее предполагает фактическое возрождение древнейших ведических практик по обеспечению энерго-обмена планеты с Космосом. Продолжение массового игнорирования таких практик — гарантия вырождения и гибели данного человечества»¹⁴. Интересно следующее высказывание известного представителя родноверов А.А. Добровольского (Доброслав): «Когда просионистское кремлевское правительство по указке международного кагала банкиров (МВФ) проводит целенаправленный геноцид русского народа, считаю своим гражданским долгом всячески пробуждать русское национальное самосознание»¹⁵. В подтверждение антигосударственной направленности неоязычества можно также процитировать положение из т.н. Битцевского договора «О создании объединенного Жреческо-Волховского Совета круга Языческой Традиции»: «Мы должны быть едины особо перед лицом сращивания государственных институтов и РПЦ, превращения России из светского государства в криминально-религиозное, а также перед угрозой

национал-шовинистического реванша, возвращения идеологии, осужденной Нюрнбергским трибуналом»¹⁶.

Во-вторых, большую угрозу неоязычеству представляет исторической безопасности, пытаясь доказать истинность утверждения не «Святая Русь», а «Русь языческая», что влечет использование в своей деятельности множества фальсифицированных исторических сведений. Наиболее часто неоязычники манипулируют сознанием с помощью авторитетных ученых — юристов, антропологов, религиоведов и др. При этом отдельные высказывания используются вне основного контекста. Это важно учитывать сотрудникам правоохранительных органов и экспертных учреждений при анализе информационного материала на предмет выявления экстремистских высказываний (для дальнейшего направления в суд). Так, В.Б. Авдеев популяризирует расовую теорию, распространенную в Третьем Рейхе. Например, хрестоматия «Русская евгеника» под его редакцией представляет собой сборник работ известных авторов, в т.ч. представителей юридической науки (например, профессора П.И. Люблинского). Особое значение придается таким цитатам, как «Культурное государство должно взять на себя важную роль естественного отбора и ставить сильных и особенно ценных людей в наиболее благоприятные условия» (Н.Н. Кольцов)¹⁷ или «Вскармливание ни на что негодных за счет годных есть крайняя степень жестокости. Это — намерение накопления несчастий для будущих поколений» (Г. Спенсер)¹⁸. Нетрудно догадаться в историческом контексте, какие последствия может влечь распространение подобных мыслей. Для ведистов основной проблемой истории является поиск следов народа-прародителя — арийцев, свойства и признаки которых унаследовали русские. Отсюда — увлечение расовыми теориями, заботой о чистоте крови. Поддерживается миф о высочайшем развитии русского народа в период до принятия христианства (например, мифы Аркаима). Для родноверов история предстает в некой фэнтезийной форме, идеализирующей древних славян. В итоге «беда с неоязычеством состоит в том, что оно настойчиво претендует на то, что его версия фэнтези — правда; более того — правда, которая должна определять русскую идентичность, испорченную, оказывающуюся, «чуждым», «навязанным», «еврейским» христианством»¹⁹.

В-третьих, современное неоязычество имеет ярко выраженную антихристианскую, националистическую, антисемитскую и даже расистскую направленность. Это обусловлено целью сконструировать «истинно русскую религию»²⁰ у родноверов. Соответственно, главными конкурентами у неоязычников выступают последователи православия среди русского населения, которое, по их мнению, должно исповедовать неоязыческий культ, а также представители других (помимо славянских) народов, которые не могут «по крови» быть язычниками, но активно препятствуют распространению этого нового религиозного движения. Сказанное особенно касается евреев, которые, по мнению родноверов, создали основные мировые религии для управления миром. Поэтому отношение к религиям,

безусловно, негативное и может быть резюмировано так: «Буддизм — религия равнодушных. Христианство — религия дураков и лицемеров. Ислам — религия фанатиков и бандитов»²¹. Или так: «Отметим лишь, что в наших православных церквях 85 % ежедневных служб ведутся по ветхозаветным текстам, то есть дублируют синагоги. В синагогах молятся сатане или точнее, дьяволу, если, конечно, изложенным в евангелии словам Иисуса Христа можно верить. А в православных церквях кому? Как вы думаете, много там про «совесть и справедливость» говорится? Однако не следует забывать, что Ислам — составной фрагмент «Библейского проекта». И вовсе не случайно то, что практически все муфтии (мусульманские епископы) на территории России теперь — выходцы из Саудовской Аравии. Зачистка территорий России под Великий Туран идет полным ходом»²².

Связь неоязычества с антисемитизмом, национализмом и расизмом прекрасно иллюстрирует опыт нацистской Германии. Одной из основ мифологии Третьего рейха был отказ от «расово чуждого» арийцам (немцам) христианства. Христианская религия считалась «религией слабых», рабов. Антихристианский, неоязыческий настрой нацистской идеологии был очевиден для многих современников. Гитлер и его окружение придавали большое значение «возрождению» германо-скандинавского язычества и его основных культов (Одина, Тора, Фрейи и других божеств). Уже в 1930-е гг. проводились эксперименты по «возрождению» древней веры. В Нижней Саксонии в 1935 г. Розенберг организовал мемориал казненным Карлом Великим в 782 г. саксонцам-язычникам. Он получил название «Саксонская роща».

Можно обнаружить взаимосвязь неоязычества (родноверия) с расизмом на примере серии книг «Библиотека расовой мысли» издательства «Белые альвы». Серия основана В.Б. Авдеевым в 1999 г. (одна из его книг внесена в Федеральный список экстремистских материалов) и включает в себя сочинения российских расовых теоретиков и классиков западной расовой теории (в основном нацистской Германии). В.Б. Авдеев увлекся неоязычеством в 2000 г. Для пропаганды своих идей он совместно с А.М. Ивановым (Скуратовым) и П.В. Тулаевым основал «русский международный журнал» «Атеней», а до этого участвовал в издании московского журнала «Наследие предков». Среди книг издательства наиболее интересна хрестоматия «Раса и мировоззрение», где обосновывалась мысль о языческих верованиях предков, как «расово чистых» (в отличие от христианства). Еще одна интересная параллель: в эсэсовской Аненербе большое значение придавалось рунам. Так, руна «Одал», символ семьи и кровного родства, служившая эмблемой 7-й горнострелковой дивизии войск СС «Принц Ойген», изображена на всех книгах «Библиотеки расовой мысли».

Антисемитский настрой характерен и для современных представителей российского родноверия. Я.О. Волохов так рассуждал о евреях: «Евреи — богоизбранная нация? Да! За их мучения им обеспечено место в раю, то есть ближе к богу? Да! Агрессия против евреев увеличивает их мучения и ускоряет их попадание в рай? Да! Бог евреев не предотвращает эти

действия? Нет! Почему же эти «богоизбранные» так отрицательно относятся ко всем, кто обеспечивает им скорейшее попадание к богу, в райские кущи?! Почему евреи так яростно борются с антисемитизмом, даже когда его нет! По-моему, абсолютно логичные вопросы! И, как следствие, можно учредить не менее логичный лозунг: «Даешь богоизбранным отpravку в рай!». Тем паче, что на Руси всегда говорили: «Назвался груздем — полезай в кузов»²³. Вот такая «железная» логика. Антисемитские высказывания и изображения языческих рун активно используются на «Русских маршах». В судебном решении о признании брошюры А.А. Добровольского (Доброслав) «Язычество как волшебство» экстремистской отмечено: «В ходе проведенного специалистами ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет» (ФГАОУ ВПО СФО) комплексного психолого-лингвистического исследования в печатном издании выявлены высказывания, содержащие негативные оценки, оскорбительную лексику в адрес представителей еврейского этноса, побуждающие к действиям, направленным на возбуждение межрелигиозной и межнациональной вражды»²⁴.

В-четвертых, у неоязыческих деятелей существует своя система ценностей, которой должен соответствовать каждый русский человек. Ведисты считают, что «языческая мудрость пантеистического вероисповедания есть мировоззренческая основа для выживания человечества в условиях наступающей экологической катастрофы. Это свод взглядов и традиций, составляющих нравственный стержень здоровой личности»²⁵. Родновер Я.О. Волохов в своей книге перечисляет т.н. поконы — свод мировоззрений, укладов, принципов и понятий о целесообразности существования человека на Земле²⁶, одним из которых является следующий: «Не разрушь (не убий) без крайней необходимости»²⁷. В своей Исповеди Я.О. Волохов разъясняет его, например, следующим образом: «Не дико ли, когда мужи, отцы семейств, офицеры, вешаются или стреляются от безысходности и нищеты!? Вместо того чтобы завалить пару дельцов в администрации и лишь потом уйти с чувством выполненного долга!»²⁸. В приговоре по признанию А.А. Добровольского (Доброслав) виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК РФ, цитируются следующие положения из брошюры «Волхвы»: «Тот, кто подходит к языческой религиозности с убогими мерками иудеохристианского вероисповедания и пытается судить о ней с уровня подобной «точки зрения», тот никогда не поймет и не оценит всего величия, глубины и красоты Языческого мировосприятия, основанного не на раболепном, болезненно-шкодливом нытье и пресмыкательстве перед «господом», а на доверительных отношениях сильных, мужественных, прямодушных людей, сохранявших честь и достоинство перед ликом тех Могушественных Сил, коих они почитали своими Природными или Старшими Родичами»²⁹.

Таким образом, неоязыческий культ полностью освобожден от догматики авраамических религий, его положения (поконы) должны трактоваться свободно или с позиций сильного. Недостатком такого подхода является

игнорирование интересов представителей иных религий, что предопределено узконациональной направленностью неоязычества и содержит в себе огромный конфликтогенный потенциал.

Итак, можно констатировать, что сегодня неоязычество превратилось в «квазирелигию», основанную на национализме и ксенофобии. «Своя» трактовка истории России, места и роли русского народа, его дальнейших путей развития вносит дополнительную напряженность в межнациональные и межконфессиональные отношения, создает угрозы духовной, информационной, исторической и криминальной безопасности. Бесспорно, «любой национализм одновременно политический и этнический»³⁰, однако у неоязычников происходит абсолютизация этнического начала, принципа «почвы и крови», согласно которому ключевое значение в управлении государством (в идеале — миром) должно принадлежать расово чистому народу, имеющему древнейшую историю и культуру. Поэтому неоязычество сегодня являет собой пример слияния религиозного и национального экстремизма. Идея активной борьбы, доминирование воинской культуры порождают нужду неоязычников в постоянном враге, поэтому неоязычниками активно готовятся адепты, готовые «к грядущим битвам не на жизнь, а на смерть»³¹. Такими врагами выступают современное Российское государство, Русская православная церковь, другие народы.

При противодействии экстремизму важен учет всех особенностей включенных в него направлений. Это существенно повысит эффективность предпринимаемых мер. При воздействии на конфликтогенную идеологию неоязыческих организаций следует обращать особое внимание на характерную символику и знаковую систему, в т.ч. «язык вражды» — термины, обозначающие деление на «своих» и «чужих» по национальному признаку, ведь для них «русские, расово-чистая в своей основе, гомогенная, преимущественно нордическая ветвь европеоидной расы»³². Среди основных целей последователей неоязычества сегодня стоит поиск лидера и выращивание «расово чистой» элиты. Под влиянием неоязыческой идеологии формируется криминогенная среда, подверженная экстремизации. Именно в таких «обществах риска» у людей образуется мотив для совершения преступлений экстремистской направленности. Поэтому применительно к современной российской действительности неоязычество можно рассматривать как фактор обострения межнациональных и межконфессиональных противоречий, специфическую разновидность экстремистской идеологии.

¹ Цит. по: Гриценко Г.Д., Лукьянцев Е.В. К вопросу о понимании экстремизма в современной науке // Теория и практика общественного развития. 2012. № 11. С. 250.

² См.: Глухарев Д.С. Противодействие экстремизму в современном медиапространстве // Вестник ЮУрГУ. 2012. № 10 (269). С. 136.

³ См.: Федеральный список экстремистских материалов // Министерство юстиции Российской Федерации. URL: <http://minjust.ru/ru/extremist-materials> (дата обращения: 20.11.2014).

⁴ Убийца дает показания // Российская газета. 2014. 11 февр.

⁵ Гурский В.В. Теоретический подход к феномену религиозного экстремизма // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 18 (272). С. 36.

⁶ Модельный закон о противодействии экстремизму: принят в г. Санкт-Петербурге 14 мая 2009 г. Постановлением 32-9 на 32-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2009. № 44. С. 205-219.

⁷ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30, ст. 3031.

⁸ См.: Список организаций, признанных российскими судами экстремистскими // Информационно-аналитический портал «СОБА». URL: <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/docs/2007/11/d11927/> (дата обращения: 20.11.2014).

⁹ См.: Кавыкин О.И. «Родноверы». Самоидентификация неоязычников в современной России. М., 2007. С. 80–85.

¹⁰ Волохов Я.О. Исповедь ортодоксального язычника: Заметки здравомыслящего человека. М., 2006. С. 39.

¹¹ Там же. С. 70.

¹² Там же. С. 3.

¹³ См.: Татищев Б. Логика возрождения Великой Руси. М., 2012. С. 27.

¹⁴ Там же. С. 58.

¹⁵ Кавыкин О.И. Указ. раб. С. 121.

¹⁶ Там же. С. 183.

¹⁷ Русская евгеника: сборник оригинальных работ русских ученых (хрестоматия) / под общ. ред. В.Б. Авдеева (сер. «Библиотека расовой мысли»). М., 2012. С. 17.

¹⁸ См.: Там же. С. 5.

¹⁹ Худиев С. Не быть чужим // Православие.ru. URL: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/68492.htm> (дата обращения: 20.11.2014).

²⁰ См.: Шнирельман В.А. Перун, Сварог и другие: русское неоязычество в поисках себя // Неоязычество на просторах Евразии: сборник выпущен по материалам конференции, проведенной Институтом Этнологии и Антропологии РАН (Москва, июнь 1999) / сост. и ред. В.А. Шнирельман. М., 1999. С. 12.

²¹ Волохов Я.О. Указ. раб. С. 6.

²² Там же. С. 62–64.

²³ Там же. С. 53–54.

²⁴ Решение Норильского городского суда Красноярского края от 13 августа 2012 г. // РосПравосудие. URL: <https://rospravosudie.com/court-norilskij-gorodskoj-sud-krasnoyarskij-kraj-s/act-106255900/> (дата обращения: 20.11.2014).

²⁵ Волохов Я.О. Указ. раб. С. 3.

²⁶ См.: Там же. С. 62.

²⁷ Там же. С. 63.

²⁸ Там же. С. 20.

²⁹ Приговор Ленинского районного суда г. Кирова от 22 июля 2010 г. // РосПравосудие. URL: <https://rospravosudie.com/court-leninskij-rajonnyj-sud-g-kirova-kirovskaya-oblast-s/act-100771064/> (дата обращения: 20.11.2014).

³⁰ Соловей Т.Д., Соловей В. Несостоявшаяся революция: Исторические смыслы русского национализма. М., 2011. С. 379.

³¹ Напольских В. Заметки на полях: Неоязычество на просторах Евразии // Вестник Евразии / ActaEurasica. М., 2002. № 1.

³² Авдеев В. Новая парадигма в расологии // Этнопсихологические проблемы вчера и сегодня: хрестоматия / сост. К.В. Сельченко. Минск, 2004. С. 77.

ПО МАТЕРИАЛАМ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ 150-ЛЕТИЮ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ В РОССИИ

С.В. Ворошилова*

СУДЕБНЫЕ УСТАВЫ 1864 ГОДА

Судебная реформа в России 1864 г. вот уже полтора столетия вызывает интерес у теоретиков и практиков. Она стала, по общему признанию ученых, наиболее последовательной и прогрессивной в ряду буржуазных преобразований второй половины XIX в. Историческое значение ее определяется, прежде всего, тем, что благодаря знаменитым Судебным уставам, утвержденным Александром II, впервые в нашей стране была создана относительно независимая самостоятельная судебная власть.

Сегодня для успешного решения современных вопросов, связанных с преобразованием судебной системы, совершенствованием процессуального законодательства, вполне уместно и полезно обратиться к накопленному историческому опыту в данной сфере.

Необходимость проведения судебной реформы определялась крайней отсталостью российской дореформенной юстиции, не претерпевшей изменений на протяжении длительного периода времени. Судебное дело в России было очень сложным и запутанным. Процесс носил письменный характер. При недоказанности вины допускалось оставление подсудимого в подозрении, отсутствовала защита, сохранялась система формальной оценки судебных доказательств. Суды находились под контролем губернаторов. Известный судебный деятель А.Ф. Кони, описывая дореформенное производство следствия, осуществляемое полицией, отмечал: «Безотчетный произвол, легкомысленное лишение свободы, напрасное производство обысков, отсутствие ясного сознания о действительном составе преступления, неумелость и нередко желание «покормиться», «выслужиться» или «отличиться» были характерными признаками производства таких

* Ворошилова Светлана Вячеславовна — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры истории государства и права ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия».

следствий...Отсутствие корыстных или иных личных видов при судебном разбирательстве составляли скорее исключение, чем общее правило»¹.

27 сентября 1862 г. Александр II утвердил план преобразований судебной системы. К ее подготовке были привлечены наиболее известные юристы страны, ученые и практические деятели. Видную роль здесь сыграл статс-секретарь Государственного Совета С.И. Зарудный, под руководством которого были выработаны «Основные положения преобразования судебной части в России», получившие одобрение императора и разосланные для отзывов в различные ведомства. Разработанный проект Судебных уставов предусматривал бессловесный суд и его независимость от административной власти, несменяемость судей и судебных следователей, равенство всех сословий перед законом, устный характер и состязательность судебного разбирательства, создание институтов присяжных заседателей и присяжных поверенных. Это стало значительным шагом вперед, по сравнению с феодальным сословным судом, с его канцелярской тайной, отсутствием защиты и бюрократической волокитой.

В основу судебных преобразований легли четыре устава, утвержденные Александром II 20 ноября 1864 г.: Учреждение судебных установлений; Устав гражданского судопроизводства; Устав уголовного судопроизводства (далее — УУС) и Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями.

Согласно этим документам суд становился устным и гласным, устанавливались начала состязательного процесса, учреждалась адвокатура, происходила реорганизация прокуратуры, создавался суд присяжных заседателей, предусматривавший участие представителей общественности в отправлении судопроизводства. Суть новых принципов, положенных в основу судебной реформы, выражалась в указе императора правительствующему Сенату: «Мы желаем, — отмечалось в нем, — водворить в России суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных наших, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить в народе нашем уважение к закону, без коего невозможно общественное благосостояние, и которое должно быть постоянным руководителем действий всех и каждого, от высшего до низшего»².

Разработчики Судебных уставов опирались на достижения не только отечественного, но и зарубежного законодательства. Вместе с тем, как справедливо отмечал И.Я. Фойницкий, «...ни один процессуальный институт уставов не может быть признан ни английским, ни французским: на каждом из них лежит печать самобытности, каждый из них имеет самостоятельную русскую физиономию, приспособленную к русским нуждам, непонятную без изучения русских условий»³.

Безупречный научный фундамент Судебных уставов позволил реформаторам сформулировать и убедительно обосновать принцип разделения властей. В ст. 1 УУС закреплялась необходимость отделения власти судебной от власти административной, дабы административные чины не вмешивались в дела, предоставленные суду. В ст. 12 и 13 предусматривалось от-

деление власти судебной от власти законодательной. Данный принцип не являлся декларативным и был закреплен во многих статьях и положениях УУС, согласно которым суду предоставлялось право осуществлять эффективный контроль над действиями представителей исполнительной власти, к которой в системе судостроительства того времени относились органы дознания, прокурор и органы исполнения наказаний.

В соответствии с принципом разделения властей в УУС проводилась четкая грань между функциями обвинителя по инициированию перед судом возбуждения уголовного преследования определенного лица и функциями суда, контролировавшего законность и обоснованность предлагаемого обвинения, а также решавшего вопрос о начале производства по уголовному делу. Под контролем суда в соответствии со ст. 523 УУС находилось также приостановление или прекращение судебного преследования.

С изданием уставов гражданского и уголовного судопроизводства в России были созданы правовые основы для совершенно нового порядка рассмотрения дел в судах. Впервые целью как гражданского, так и уголовного судопроизводства, провозглашалось установление истины, причем не формальной, а именно материальной.

Достоинства нового судопроизводства и превосходства над прежним были совершенно очевидны. Как отмечал И.Я. Фойницкий, «гласность суда устранила влияние канцелярии и взяточничество; состязательность повела к развитию более энергичной деятельности сторон в процессе»⁴.

Следует отметить, что принцип состязательности, разработчики Судебных уставов в обосновании к статьям трактовали иначе, чем он понимался в то время, например, в Англии, где суду при состязательности сторон отводилась роль фактически арбитра, как при спортивных состязаниях. «Начало судебного состязания сторон, — как говорится в ст. 190 УУС, — не исключает самодеятельности суда в уголовном судопроизводстве и не обязывает его решать дела только по тем данным, которые предъявлены сторонами...если стороны не предъявили всех тех сведений, которые должны служить данными для основательного разрешения дела, то суд не может удовлетвориться одними их заявлениями, но обязан потребовать дополнительных сведений».

Теоретический фундамент Судебных уставов высоко оценивали еще современники реформы. А.Ф. Кони характеризовал уставы «безупречно научно обоснованными»⁵. Известный отечественный правовед Н. Давыдов определил введенный в действие в 1866 г. Устав уголовного судопроизводства как лучший, «по сравнению с тогдашними континентальными кодексами»⁶. Подобная высокая оценка Судебных уставов была характерна не только для отечественных правоведов, но и для зарубежных. Так, известный немецкий юрист К. Миттермайер писал, что данный устав (УУС) «стоит выше даже многих новейших законодательных работ»⁷.

Однако наличие даже самых прекрасных законов еще не гарантирует безупречного судопроизводства. Как говорил Платон, «лучше иметь хоро-

ших судей при плохих законах, чем, наоборот, хорошие законы при плохих судьях»⁸. Это прекрасно понимали составители Судебных уставов, которые в «Основных положениях судоустройства» писали, что «удовлетворительное отправление правосудия более зависит от достоинства судей, чем от совершенства законов»⁹. Между тем составители Судебных уставов не сводили судебную власть только к судьям или судам. Опираясь на опыт наиболее развитых европейских государств, они трактовали судебную власть как сложную, хорошо организованную систему, состоящую из двух подсистем — судопроизводство и судоустройство. Судопроизводство и судоустройство тесно связаны друг с другом, и, как писали составители Судебных уставов, «правильное устройство судебных мест столь же необходимо, как и хорошее судопроизводство: ибо без судоустройства и самые совершенные формы судопроизводства остались бы без всякого исполнения, или же исполнялись бы не согласно с существенной своей целью»¹⁰.

Судоустройство составителями Судебных уставов понималось не как устройство исключительно судебных мест. Как видно из «Учреждения судебных установлений», под судоустройством понимается организация или устройство суда и всех его вспомогательных органов, призванных посредством судопроизводства осуществлять судебную власть. К таким «вспомогательным органам» относились судьи, прокуроры, присяжные поверенные, судебные следователи, судебные приставы, нотариусы и т.д.

Итак, новая судебная система включала в себя мировые суды (участковые мировые судьи и съезд мировых судей уезда) и общие судебные места (окружные суды, судебные палаты и кассационные департаменты Сената).

Мировой суд создавался для рассмотрения мелких проступков и гражданских дел. В состав мировых судов входили: 1) мировой судья, рассматривавший дела единолично по первой инстанции; 2) съезд мировых судей округа (уезда), который являлся апелляционной и надзорной инстанцией¹¹.

Состав мировых судей избирался на уездных земских собраниях, а в Москве и Петербурге в городских думах сроком на 3 года. Для избрания кандидат в мировые судьи должен был отвечать следующим требованиям: российское подданство, возраст не менее 25 лет, мужской пол, нравственная безупречность, образование не ниже среднего и стаж не менее 3-х лет на службе в судебном ведомстве. Столь низкий образовательный ценз объяснялся дефицитом юристов в стране. За период с 1840 по 1863 г. в России получили юридическое образование всего 3 650 чел. Между тем только в мировые судьи требовалось не менее 1 320 чел.¹² К концу XIX в. в России мировых судей с высшим юридическим образованием насчитывалось всего 33%.

Обязательным условием для избрания на должность мирового судьи являлось владение землей от 400 до 1600 десятин, или недвижимым имуществом на сумму 15 тыс. руб.¹³ Не могли быть мировыми судьями лица, опороченные по суду (находящиеся под следствием, бывшие подсудимые, несостоятельные должники или состоящие под опекой за расточительство,

или исключенные со службы). Не могли быть мировыми судьями представители духовенства¹⁴.

Нравственным требованиям уделялось особое внимание, поскольку предполагалось, что мировой судья при разрешении судебных дел будет руководствоваться в основном нравственными началами. Поэтому судьи должны были пользоваться особым доверием местных жителей, обладать здравым умом, честным характером.

Обязанности мировых судей были значительно шире, чем судей общих судов. Во-первых, они выступали в качестве суда первой инстанции и осуществляли функции предварительного следствия и примирения; во-вторых, выполняли обязанности административного и охранительного характера. Могли также выполнять нотариальные обязанности, принимали меры по охране наследства, способствовали устройству арестных домов и т.д.¹⁵

В соответствии с Судебными уставами, мировые судьи могли быть трех видов: участковые судьи, рассматривавшие основную массу дел и получавшие жалование; почетные мировые судьи, рассматривавшие дела по просьбе сторон безвозмездно; почетные участковые судьи, которые отказывались от положенного им жалования¹⁶. Согласно особому приложению к ст. 288 «Учреждения судебных установлений» оклад мировых судей составлял в столичных городах 2 200 руб., прочих местах — 1 500 руб.

Мировые судьи могли быть подвергнуты дисциплинарной ответственности на основании определения съезда мировых судей или по определению министра юстиции. Данные дела рассматривались судебными палатами. Существует статистика привлечения мировых судей к уголовной ответственности в XIX в. В 1867 г. было привлечено двое судей, в 1869 г. — четверо, в 1870 г. — шестеро, а в 1886 — сорок девять. Это объясняется значительным увеличением количества мировых участков и усилением надзора за деятельностью мировых судей¹⁷. К 1889 г. мировые судьи были учреждены в 64 губерниях России.

Общие судебные места состояли из трех звеньев: 1) окружные суды; 2) судебные палаты; 3) кассационные департаменты Сената. Наиболее важные политические дела рассматривались в Верховном уголовном суде, созываемом императором в чрезвычайных ситуациях.

Окружные суды состояли из председателя и членов, распределенных по отделениям (гражданскому и уголовному). Они считались коронными судьями и назначались императором по представлению министра юстиции пожизненно. Требования, предъявляемые к коронным судьям, были схожи с требованиями, предъявляемыми к мировым судьям, но стаж практической работы по судебному ведомству должен был составлять не менее 5 лет, судья должен был иметь высшее юридическое образование.

Для рассмотрения тяжких уголовных преступлений привлекались присяжные заседатели, которые должны были определить виновность или невиновность подсудимого. Мера наказания определяли судьи. Решения, принятые с участием присяжных заседателей, считались окончательными

и пересмотру в порядке апелляции не подлежали. Вопрос о пересмотре таких решений рассматривался Сенатом. Не разбирая дела по существу, Сенат передавал его на вторичное рассмотрение либо в другой суд, либо в тот же суд, но с новым составом судей и присяжных заседателей.

В компетенцию окружного суда входили все гражданские и уголовные дела, не подсудные мировому суду, кроме дел о государственных и должностных преступлениях.

Судебная палата в составе 4-х членов суда и 3-х сословных представителей учреждалась одна на несколько губерний. От дворян в ее состав входил предводитель дворянства, от городского населения — городской голова, от крестьян — волостной старшина.

Судебная палата рассматривала все особо важные уголовные дела, должностные преступления и государственные за исключением политических, таких как покушение на Императора, а также в апелляционном порядке дела, рассмотренные в окружных судах.

Единой кассационной инстанцией являлся Сенат, в котором были созданы два кассационных департамента по гражданским и по уголовным делам, где рассматривались кассационные жалобы на решения нижестоящих судов.

Реализация Судебных уставов на местах столкнулась с многочисленными проблемами экономического, кадрового и юридического характера. Судебные уставы в полном объеме удалось реализовать только в 37 губерниях России. К концу XIX в. новые суды охватывали уже 44 губернии. Вместе с тем дореформенный суд сохранялся в 23 губерниях и областях на севере, востоке и юго-востоке страны. Практически сразу же после введения Судебных уставов стали подвергаться редактированию. В 70—80-х гг. XIX в. была издана серия законодательных актов об изменениях судостроительства и судопроизводства. С 1864 по 1894 г. было принято более 700 дополнений, изменений и поправок. Это происходило в первую очередь в силу того, что новые демократические судебные институты вводились в условиях абсолютной монархии.

Вместе с тем интерес у населения к отправлению правосудия по новым Судебным уставам был огромный. Залы суда забивались публикой до отказа. Те, кто не могли попасть на процесс, имели возможность ознакомиться с его ходом из газет, в которых постоянной рубрикой стал раздел «Из зала суда». Население получило доступ к правосудию не только для восстановления справедливости, защиты своих прав, но и в качестве присяжных заседателей и просто зрителей.

Первые окружные суды были открыты в Санкт-Петербурге и Москве в апреле 1866 г. В Саратове камеры мировых судей открылись 6 июня 1869 г.¹⁸ В 1871 г. были введены и открыты общие судебные места: окружной суд и судебная палата, к округу которой были приписаны Тамбовский, Пензенский и Самарский окружные суды. В начале 80-х гг. судебное ведомство получило разрешение на строительство специального здания на углу Московской и Никольской (ныне Радищева) улиц, в котором вместе

с окружным судом располагался и съезд мировых судей с камерами председателя и неперменного члена съезда.

Саратовский губернатор М.Н. Галкин-Врасский в отчете за 1871 г. дал положительную оценку новому суду, который «в незначительный период существования вызвал всеобщее доверие к нему местного населения»¹⁹. Своим успехом саратовский суд был, прежде всего, обязан личному составу судей. Саратовская губерния не являлась исключением по числу достойных, энергичных, талантливых и глубоко порядочных судей. Особое место среди участковых мировых судей Саратовской губернии принадлежит А.Н. Минху, участнику военных кампаний 1851—1856 гг. в Крыму, учредителю Саратовской ученой архивной комиссии, члену географического общества и автору «Историко-географического словаря» Саратовской губернии. Талантливый ученый, мужественный человек и патриот своего края, А.Н. Минх в течение 27 лет прослужил в должности участкового мирового судьи и пользовался огромным уважением и любовью среди местного населения. А.Н. Минх не боялся вставать на защиту крестьян от произвола их бывших помещиков. Недаром богатая помещица Иванова назвала Минха «атаманом разбойников», равнодушным к посулам и угрозам²⁰.

Н.С. Ермолаев, председатель съезда мировых судей Петровского уезда, прослуживший 12 лет в должности участкового мирового судьи, в 1833 г. по высочайшему разрешению Императора от имени населения данного уезда был награжден золотой цепью в благодарность за безупречную службу²¹. Этот перечень можно продолжать достаточно долго.

Судебная реформа способствовала развитию юридического образования. Общий подъем юридической мысли был прямым и ближайшим действием судебных уставов²². За несколько десятилетий после отмены крепостного права и проведения Судебной реформы 1864 г. российская правовая наука совершила значительный скачок в своем развитии. Именно тогда в России появилась целая плеяда выдающихся ученых-правоведов с мировым именем, плеяда замечательных судебных деятелей и ораторов: А.Ф. Кони, Ф.Н. Плевако, В.Д. Спасович, М. М. Винавер, А.И. Урусов и многие другие замечательные юристы, судебные деятели и адвокаты, чьи научные статьи и судебные речи до сих пор являются примером высокого мастерства и профессионализма.

Судебные преобразования в современной России конца XX — начала XXI в., возрождение суда присяжных и института мировых судей, реформа адвокатуры, прокуратуры и полиции, создание нового процессуального законодательства определяют научную значимость и практическую направленность изучения данных вопросов. Слова И.Я. Фойницкого, произнесенные в конце XIX в., не потеряли своей актуальности и значимости. Говоря о значении Судебных уставов 1864 г., он отмечал: «Святая обязанность каждого русского юриста отныне ясна: состоит она в том, чтобы оберегать начала судебных уставов в их первоначальной чистоте, ограждать животворящий их дух, внутренний их смысл от всяких искажений и переделок... и содействовать дальнейшему развитию законодательства в духе этих начал»²³.

Таким образом, судебная реформа 1864 г. оставила после себя бесценное научное и культурное правовое наследие, богатейший теоретический и практический опыт проведения радикальных судебных преобразований, обращаться к которому необходимо в условиях современных реформ.

¹ Кони А.Ф. Собр. соч. Т. 4. М., 1967. С. 322–323.

² ПСЗ. 2-е изд. СПб., 1864. № 20982.

³ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. СПб., 1912. Т. 1. С. 43.

⁴ Там же. С. 44.

⁵ Кони А.Ф. Отцы и дети Судебной реформы: к пятидесятилетию Судебных уставов. М., 2003. С. 332.

⁶ Давыдов Н. Уголовный суд в России. М., 1918. С. 179.

⁷ Миттермайер К. Новый проект русского уголовного судопроизводства // Журнал Министерства юстиции. 1864. Т. 22. С. 16.

⁸ Цит. по: Опыт отечественной Судебной реформы 1864 года / А.И.Трусов – автор обзорной статьи. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ Судебные уставы. Ч. III. СПб., 1866. С. XXXVI.

¹⁰ Основные положения судоустройства // Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственной Канцелярией. 2-е изд. СПб., 1867. Ч. 3. С. VI–VII.

¹¹ См.: Учреждение судебных установлений. Ст. 51 // Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственной канцелярией. 2-е изд. СПб., 1867. Ч. 3.

¹² См.: Коротких М.Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России. Воронеж, 1989. С. 105–106.

¹³ См.: Учреждение судебных установлений. Ст. 19.

¹⁴ См.: Там же. Ст. 21, 22.

¹⁵ См.: Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. СПб., 1912. С. 338.

¹⁶ См.: Учреждение судебных установлений. Ст. 46.

¹⁷ См.: Мокринский С. Официальная оценка деятельности мировых судей // Судебные уставы 20 ноября 1864 года за пятьдесят лет. СПб., 1914. Т. 2. С. 52.

¹⁸ См.: Шутило О.В. Мировая юстиция в России (вторая половина XIX – начало XX в.). Саратов, 2009. С. 196.

¹⁹ ГАСО. Ф.1. Оп.1. Ед.хр. 2122. Л.92.

²⁰ Цит по: Семенов В.Н., Семенов Н.Н. Саратов дворянский. Саратов, 2004. С. 20.

²¹ См.: Шутило О.В. Указ. раб. С. 203.

²² См.: Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. СПб., 1912. С. 44–45.

²³ Там же.

М.Н. Лядащева-Ильичева*

УСТАВ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ: К 150-ЛЕТИЮ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 ГОДА

Историко-правовое исследование Устава гражданского судопроизводства 1864 г. предполагает его рассмотрение в рамках системы действующего российского законодательства 50–70-х гг. XIX в. Вопрос о соотношении Свода гражданских законов с источниками гражданского процесса в рамках системы Свода законов Российской империи затрагивался преимущественно в специально-юридических исследованиях¹.

* Лядащева-Ильичева Марина Николаевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры истории государства и права ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия».

Устав гражданского судопроизводства 1864 г. и его последующие редакции подвергались в специально-юридической литературе комментариям с точки зрения формально-догматического подхода, с учетом кассационной практики и наиболее актуальных теоретических вопросов гражданского процесса (К.П. Победоносцев, А.Л. Боровиковский, А. Добровольский, И.М. Тютрюмов, И.И. Игуминов, В.Л. Исаченко, С.Г. Щегловитов, Л.П. Рошковский, А.М. Нюренберг, А.М. Нолькен и др.).

Исследователи, анализируя особенности гражданского судопроизводства, акцентировали внимание на проблемах соотношения: власти судебной и административной, основных начал гражданского судопроизводства и судопроизводства, системы гражданского судопроизводства, гражданского права и процесса, гражданского и уголовного процесса, закона и кассационной практики (К.И. Малышев, Е.А. Нефедьев, А.Х. Гольмстен, Д. Азаревич, И.Е. Энгельман и др.).

Особый интерес представляют исследования Устава гражданского судопроизводства как источника гражданского процессуального права. Однако в дореволюционной юридической литературе Устав изучался преимущественно с точки зрения изменений основных начал (идей, принципов) действующего судопроизводства и гражданского судопроизводства, а также изменений в его содержании. Вопросы гражданского процесса требовали теоретического осмысления².

В современной юридической литературе сохраняется актуальность историко-правового и политико-правового изучения Устава гражданского судопроизводства 1864 г.³

Устав гражданского судопроизводства 1857 г. был включен в ч. 2 Т. X Свода законов Российской империи.

В ходе Судебной реформы новая редакция Устава гражданского судопроизводства была размещена в Полном собрании законов Российской империи в качестве приложения к Указу от 20 ноября 1864 г. «Об учреждении судебных установлений и о Судебных уставах»⁴.

И все же новый суд по-прежнему руководствовался Сводом гражданских законов в редакции 1857 г. В соответствии с Уставом гражданского судопроизводства закон применялся судом «по точному и буквальному его смыслу», а в случаях его неполноты, неясности, недостатков или противоречия суд должен был основывать свои решения, исходя из «общего смысла законов». Всякий спор о праве гражданском подлежал разрешению. Закон запрещал приостанавливать решение дела под предлогом неполноты, неясности, недостаточности или противоречивости закона. Толкование из общего смысла закона осуществлялось исходя из его духа (принципов) или его положений. Толкование правовых норм как по аналогии права, так и по аналогии закона, было равносильно правотворчеству (ст. 1, 9, 10)⁵.

В.Л. Исаченко подчеркивал, что под Уставом гражданского судопроизводства подразумевался ряд законоположений и правил, определявших систему судебных действий, понимавшуюся как гражданский процесс, по-

средством которых охраняются гражданские права в случае их нарушения. В зависимости от цели деятельности гражданского суда различалось судопроизводство исковое и охранительное⁶.

Первому съезду юристов 1875 г. предлагалось обсудить в т.ч. вопросы понимания гражданского права и судопроизводства, а также применения соответствующего законодательства. Отделение гражданского и торгового права обсуждало вопросы соотношения обычного права и законодательства, об изменениях в т. X Свода законов Российской империи, о необходимости кодификации материального гражданского права взамен ч. 1 Т.Х Свода законов Российской империи, унификации гражданского права в России. В отделении гражданского судопроизводства и нотариальной части обсуждались лишь отдельные статьи Устава гражданского судопроизводства. Съезд был созван в связи с юбилеем Судебной реформы 1864 г. и принятием Закона о печати 1865 г., позволившего юридическому сообществу обсудить действующее законодательство и обнародовать распоряжение правительства. Проблемы систематизации действующего гражданского законодательства определялись особенностями и различием источников права. С точки зрения большинства участников дискуссии задача создания всероссийского гражданского уложения была более сложной, чем усовершенствование национального великорусского гражданского права⁷.

Судебная власть, по мнению Д. Азаревича, призвана окончательно и принудительно применять закон к частным случаям с целью сохранения правового порядка. Управление или исполнительная власть призвана действовать в интересах внутригосударственного правового порядка, т.к. речь идет об охране публичного интереса. Суд призван охранять право. Соответственно, с его точки зрения, теория и законодательство различали две сферы прав: публичных и частно-гражданских. Первые выражали интересы всего общества, вторые — интересы отдельного лица. Лишь нарушение интересов частного лица дает право на защиту путем т.н. гражданского процесса. Нарушение публичного права ведет к деятельности органов государственной власти в рамках уголовного процесса⁸.

Совокупность форм, которым должны следовать все тяжущиеся стороны (истец и ответчик) претендующие на получение правосудия, и суды, призванные его осуществить, носили название судопроизводства, или процесса.

В римском праве отсутствовал термин, обозначающий судопроизводство. Римляне не знали понятия «процессуальное право» как самостоятельной его части. В обыденной жизни на уровне практики и в науке процесс понимался как совокупность процессуальных законов страны, как наука гражданского процесса и как отдельный правовой спор.

Гражданский процесс рассматривался не только как совокупность действий и как совокупность правовых норм, т.е. гражданское процессуальное право, но и как их систематическое изложение в рамках теории граждан-

ского процесса. Процессуальные законы в широком смысле слова регламентировали судебную организацию, теорию исков, их подсудность, доказательства и производство в собственном смысле слова. В тесном смысле слова они ограничивались только двумя последними вопросами⁹.

Рассуждая о публичной и частной природе гражданского процесса, Д.А. Азаревич подчеркивал, что гражданское процессуальное право соприкасается с областью государственного и гражданского права. Вопрос принадлежности гражданского процессуального права к публичному праву широко обсуждался в научной литературе второй половины XIX в.

В юриспруденции сложились три точки зрения по поводу гражданского процесса в системе права: 1) относится к публичному праву; 2) относится к частному праву; 3) относится как к публичному, так и к частному праву.

Д. Азаревич писал, что различие гражданского процессуального права следует искать в различии правовых норм. Так, гражданское процессуальное право имеет дело только с такими правовыми нормами о судоустройстве и судопроизводстве, предназначенными для разрешения гражданских правовых споров, т.е. с предположениями, содержанием, формой осуществления, развитием и удовлетворением притязаний на защиту.

Гражданское право содержит правовые нормы, определяющие то правоотношение, которое может составить предмет процессуального спора, т.е. его формы, содержание, изменение и прекращение. При этом гражданское и процессуальное право тесно взаимосвязаны. Изменения в Уставе были вызваны политическими условиями, административными особенностями и состоянием российского гражданского права¹⁰.

В процессе пересмотра Т.Х. Свода законов Российской империи возникли существенные затруднения при согласовании гражданских законов и Судебных уставов. Сущность, форма и содержание действующего гражданского законодательства изменялись в условиях либеральных реформ по мере постепенного перераспределения прав и обязанностей лиц, в рамках сословного строя. Законодатель выбрал путь постепенных преобразований действующего гражданского законодательства в рамках отдельно взятых правовых институтов и разделов права. Так, в ходе либеральных реформ 60–70-х гг. XIX в. были созданы вневедомственные комитеты и комиссии: об опеке и попечительстве; о давности владения; об экспроприации; о вознаграждении лиц, потерпевших несчастья на железной дороге; об укреплении прав на недвижимое имущество; об акционерных компаниях; о личном найме; о векселях; о торговом судопроизводстве и торговой несостоятельности; о казенных подрядах и поставках; о договорных обязательствах и т.д.¹¹

Реформа гражданского судопроизводства способствовала развитию общества. Однако не все либеральные основы начала гражданского судопроизводства нашли последовательное отражение в деятельности суда по гражданским делам (гласность, состязательность и др.). В ходе Судеб-

ной реформы стало очевидно, что реорганизованный суд не получил нового законодательства, а должен был руководствоваться устаревшим материальным правом. Отечественное гражданское право требовало не дополнения, а коренных преобразований¹².

Е.А. Нефедьев подчеркивал, что при составлении уставов учитывался соответствующий французский, австрийский, прусский правовой опыт и труды западноевропейских юристов. Однако многие постановления российского устава отличались от западноевропейских аналогов.

Реформа коснулась только ч.2 Т. X Свода законов Российской империи 1857 г., т.е. прежней редакции законов о судопроизводстве. Между тем некоторые нормы материального гражданского права были связаны с нормами права, регламентировавшими порядок гражданского судопроизводства. Поэтому изменения гражданского судопроизводства невозможны без соответствующих поправок в гражданском материальном праве. И все же в ходе судебной реформы законодатель не тронул ч.1 Т. X Свода законов Российской империи. Некоторые его части имели значение для гражданского судопроизводства, прежде всего, для охранительного порядка¹³.

В соответствии с уставом деятельность суда преследует двоякую цель: восстанавливать и утверждать права. Система судебных действий имела целью охранение гражданских прав по поводу нарушения или спора о праве или установления и ограничения гражданских прав в случае их нарушений, что и называлось гражданским судопроизводством¹⁴.

К.Н. Анненков подчеркивал, что, несмотря на все положительные стороны создания таких законодательных актов, как Судебные уставы, они не были лишены недостатков. Содержание Устава гражданского судопроизводства имело недостатки в редакции его правил (правовых норм). Недостаточность некоторых разделов Устава не была восполнена при помощи аналогии права и научного толкования. Многие его положения не разъяснялись судебной практикой.

В 70-е гг. XIX в. Устав по-прежнему требовал дополнительного толкования многих правовых норм в кассационном департаменте сената. Основным недостатком устава по содержанию являлось отсутствие в нем законоположений о санкциях для точного исполнения установленных им правил производства дел в судах. Устав содержит правила гражданского судопроизводства, но не уточнял порядок их восстановления при допущенных нарушениях в рамках судопроизводства. Во многих случаях есть только одни предписания о порядке совершения действий, но нет правил, которые гарантировали бы порядок соблюдения правил, предписанных уставом. Многие положения имели редакционные неточности. Толкование Устава гражданского судопроизводства, с исторической точки зрения, затруднено. По сравнению с предыдущей редакцией, изменились обряды и формы гражданского судопроизводства. С точки зрения К.Н. Анненкова, наиболее приемлемым являлся сравнительный метод познания устава и теории гражданского судопроизводства. В качестве образца для сравнительного

анализа предлагалось взять устав французского гражданского судопроизводства как повлиявшего на законы о судопроизводстве Италии, Бельгии, Голландии и Швейцарии¹⁵.

Итак, Устав гражданского судопроизводства в редакции 1857, 1864 и 1876 гг. являлся относительно самостоятельным законодательным актом в системе действующего законодательства. По форме систематизации Устав представлял собой результат консолидации правовых норм, требовал его теоретического осмысления с формальной точки зрения. Изменения в Уставе гражданского судопроизводства требуют сравнительно-правового анализа.

¹ См.: Гольмстен А. Об отношении гражданского судопроизводства к гражданскому праву // Журнал гражданского и уголовного права. 1879. Кн. 4. Июль и август; Змирлов К. Вопросы гражданского права и судопроизводства. Из судебной практики // Юридический вестник. 1885. Январь. С. 152–167 и др.

² См.: Васьковский Е. Недостатки устава гражданского судопроизводства // Журнал юридического общества. 1894. Ноябрь–декабрь. № 9–10; Вербловский Г.Л. Гражданское судопроизводство (к пересмотру судебных уставов) // Журнал Министерства юстиции. 1895. № 8. С. 1–38; Зубарев А. Заметки и вопросы по гражданскому судопроизводству // Журнал министерства юстиции. 1865. № 10. С. 29–48; Гасман А.Г. Устав гражданского судопроизводства за 50 лет // Журнал Министерства юстиции. СПб., 1914. С. 32–100; Рихтер А.К. О системе гражданского судопроизводства по уставу 1864 года // Журнал министерства юстиции. 1909. № 8. С. 1–64; Фальковский А.М. Лекции судоустройства и гражданского судопроизводства преподавателя Московского университета А.М. Фальковского. 1874–1875 // Юридический вестник. 1875. Январь–сентябрь. № 1–9.

³ См.: Захаров В.В. Реформирование отечественного гражданского судопроизводства в конце XIX века // История государства и права. 2012. № 15. С. 18–22; Борисова Е.А. Общая характеристика гражданского судопроизводства по Своду законов Российской империи // Законодательство. 2004. № 10. С. 11; Её же. Общая характеристика гражданского судопроизводства по Уставу гражданского судопроизводства от 20 ноября 1864 г. // Законодательство. 2005. № 2–5; Лукин Ю.М. Устав гражданского судопроизводства от 20 ноября 1864 г.: история создания и вехи развития (вступительная статья) // Вестник гражданского процесса. 2012. № 1. С. 147–156; Назарова Н.А. Понятие гражданского судопроизводства дореволюционной России // История государства и права. 2007. № 2. С. 18–20; Решетникова И.В. Эволюция гражданского судопроизводства в России // Российская юстиция. 2013. № 1. С. 36–39; Стасюк И.В. По Уставу гражданского судопроизводства 1864 г. // История государства и права. 2012. № 15. С. 24–28.

⁴ См.: ПСЗ РИ-2. Собрание 1825–1881. Т. 39. 1864. Ч. 2. № 41473. Именной указ, данный Сенату от 20 ноября 1864 г. «Об учреждении судебных установлений и о Судебных уставах» // Там же. № 41477: Устав гражданского судопроизводства от 20 ноября 1864 г.

⁵ См.: Устав гражданского судопроизводства // Судебные уставы. СПб., 1864; Васьковский Е.В. Учебник гражданского права. СПб., 1894. С. 35–36 и др.

⁶ См.: Исаченко В.Л. Русское гражданское судопроизводство. Т. 1: Судопроизводство исковое. Минск, 1901. С. 3.

⁷ См.: Первый съезд русских юристов в Москве в 1875 г. / под ред. С.И. Баршева, Н.В. Калачева, С.А. Муромцева и А.М. Фальковского. М., 1882. С. 6–12, 29–34, 50–70, 75–76.

⁸ См.: Азаревич Д. Судоустройство и судопроизводство по гражданским делам. Университетский курс. Т. 1. Варшава, 1891. С. 9–10.

⁹ См.: Там же. С. 16.

¹⁰ См.: Там же. С. 23–24, 28, 64–70.

¹¹ См.: РГИА. Ф.1261. Оп. 4. Ед. хр. 37. Л. 104–105.

¹² См.: Берендтс Э.Н. Связь судебной реформы с другими реформами императора Александра II и влияние ее на государственный и общественный быт России. Пг., 1915. С. 146, 160.

¹³ См.: Нефедьев Е.А. Учебник русского гражданского судопроизводства. 3-е изд. М., 1908. С. 30–31.

¹⁴ См.: Яблочков Т.М. Учебник русского гражданского судопроизводства. 2-е изд., доп. Ярославль, 1912. С. 8–39.

¹⁵ См.: Анненков К.Н. Опыт комментария к Уставу гражданского судопроизводства. Т. 1: Подсудность. Общий порядок производства дел. СПб., 1878. С. 1–6.

А.В. Воронин*

РЕАЛИЗАЦИЯ ОГРАНИЧИТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ПРАВА В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ОБ ОТБОРЕ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ (СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Одним из методов сравнительно-исторического правоведения является установление целей законодательных актов, отстоящих друг от друга по времени, но созданных в сопоставимых социально-экономических условиях для выявления на этой основе общих закономерностей развития конкретных правовых норм и институтов.

Отечественное законодательство об отборе присяжных, как дореволюционное, так и современное, было направлено на достижение двух главных целей: во-первых, на создание постоянно действующей системы отбора и призыва присяжных заседателей в суд; во-вторых — на определение круга субъектов, подлежащих обременению присяжной обязанностью.

Тождественность целей нормативно-правовых актов различных периодов служит основанием при сопоставлении комплекса функций, используемых в указанных актах для достижения заявленных целей. В свою очередь содержательное единство соответствующих функций нормативно-правовых актов прошлого и нынешнего периодов позволяет применять в процессе познавательной деятельности современные критерии, определяющие сущность сравниваемых функций.

Приведенные положения допускают использование сущностных признаков любой функции права, которыми располагает современное правоведение, в т.ч. и признаков ограничительной функции, в качестве основания сравнительного анализа дореволюционного и действующего российского законодательства о суде присяжных. Достижению указанных целей в российских нормативно-правовых актах об отборе присяжных прошлого и современного периодов способствуют разнообразные функции права: регулятивная, охранительная, ограничительная и др.

По мнению С.С.Алексеева, регулятивная функция права выражается в правовых нормах в виде позитивного обязывания, состоящего в возложении на лиц обязанности к активному поведению¹. В отечественном законодательстве о суде присяжных регулятивная функция могла реализовываться в виде норм, регламентирующих обязанность уполномоченных должностных лиц составлять списки кандидатов в присяжные. Например, ст. 90 Учреждения судебных установлений 1864 г. возлагала обязанность составлять общие списки присяжных заседателей на должностных лиц временных комиссий². Аналогичная обязанность по составлению списков кандидатов в присяжные возложена сегодня ст. 4 Федерального закона РФ

* Воронин Александр Викторович — кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия».

от 20 августа 2004 г. № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции» (в ред. от 29 декабря 2010 г.) на высшие исполнительные органы субъектов РФ³.

Другая функция права — охранительная — направлена на обеспечение неприкосновенности конкретных общественных отношений. В законодательстве о суде присяжных охранительная функция реализуется в виде норм, устанавливающих юридическую ответственность за уклонение от выполнения обязанностей присяжного заседателя. Например, в дореволюционном российском законодательстве предусматривался штраф в отношении присяжного «за неявку в суд по вызову без законных причин» в размере от 10 до 300 руб. (ст. 651—652 Устава уголовного судопроизводства 1864 г.)⁴. Подобная норма предусмотрена и действующим законодательством РФ. Так, в соответствии с п. 3 ст. 333 и ст. 117—118 УПК РФ за уклонение от исполнения обязанностей присяжного на виновного может быть наложен штраф в размере до 2500 руб.

Ограничительная функция является одной из основных функций права на протяжении всего периода его исторического развития. В наши дни она играет ключевую роль в правовом регулировании организации и деятельности российского общества. На важность ограничительной функции права указывают положения ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, устанавливающей, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом.

В юридической литературе содержание понятия «ограничительная функция права», как правило, сводится к установлению законодательных границ права. Так, Д.В. Карпов полагает, что ограничение права выражается в сужении его объема предписаниями закона. Ряд исследователей проблем гражданского права рассматривают вышеуказанную категорию как условия запрещения, стесняющие правообладателя, а также как границы, пределы, установленные на основании закона для осуществления субъективного права⁵.

На наш взгляд, более предпочтительна позиция М.В. Новикова, который в качестве признаков ограничительной функции рассматривает такие признаки, как воздействие права на сознание, волю и поведение людей посредством установления правовых запретов, ограничений, обязываний и предписаний⁶.

Полагаем, что тождественность целей и функций правового регулирования порядка отбора присяжных дореволюционного и современного периодов может служить основанием применения содержательных признаков ограничительной функции, предложенных М.В. Новиковым для исследования вопроса о формах ее реализации.

Одной из форм реализации ограничительной функции являются нормы, в которых перечислены основания возложения и освобождения от обязанностей присяжного. Так, согласно ст. 81 Учреждения судебных установлений призыву в качестве присяжных заседателей подлежали местные

обыватели всех сословий. При этом устанавливались ограничения, в соответствии с которыми обязанность присяжного распространялась только на лиц, состоявших в русском подданстве, возрастом от 25 до 70 лет и «жи-тельствующих не менее двух лет в том уезде, где производится избрание в присяжные заседатели»⁷.

Аналогичная норма современного российского законодательства о суде присяжных, а именно, ст. 3 Федерального закона «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции» распространяет обязанность быть присяжным на лиц, имеющих гражданство Российской Федерации и достигших 25-летнего возраста. Как следует из содержания данной статьи, ограничительная функция права реализуется в запрете возложения присяжной обязанности на лиц, не имеющих гражданства либо являющихся иностранными гражданами, а также моложе указанного возраста. Вместе с тем согласно подп. «в» п. 2 ст. 7 указанного Закона граждане, достигшие 65 лет, на основании собственного заявления могут быть исключены из списка кандидатов в присяжные.

Таким образом, ограничительная функция по российскому дореволюционному и современному законодательству об отборе присяжных состояла, прежде всего, в запрете привлекать к исполнению присяжной обязанности лиц моложе 25 лет, а также иностранцев. Ограничительная функция имеет некоторые расхождения в определении верхней возрастной границы кандидатов в присяжные. Если дореволюционное законодательство содержало категорический запрет на возложение присяжной обязанности на лиц старше 70 лет, то аналогичные нормы современного периода указывают лишь на обязанность исполнительного органа исключить из списков кандидатов в присяжные лиц, чей возраст более 65 лет, подавших заявление о невозможности участия в составе суда присяжных.

Позиция современного законодателя по поводу частичного распространения ограничительной функции на верхнюю возрастную границу кандидатов в присяжные представляется вполне обоснованной. Очевидно, что буквальное применение дореволюционного опыта в части, касающейся запрета возлагать присяжную обязанность на лиц, достигших определенного возраста, приведет к исключению из состава судов присяжных социально активных лиц, обладающих большим жизненным опытом. При этом современное законодательство защищает интересы тех представителей данной возрастной группы, для которых выполнение присяжной обязанности является непосильным бременем, возлагает запрет на привлечение их к участию в разрешении уголовных дел при наличии соответствующего заявления.

При всех положительных сторонах подобной формы реализации ограничительной функции верхний возрастной предел (65 лет), установленный современным законодательством, представляется недостаточно обоснованным. Действительно, данный показатель не коррелируется ни с возрастом, указанным в дореволюционном российском законодательстве (70 лет), ни с возрастом выхода на пенсию (для женщин 55 лет, для мужчин

60 лет), установленным в п. 1 ст. 7 Федерального закона РФ от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» (с изм. от 4 июня 2014 г.)⁸.

Полагаем, что право субъекта отказаться от исполнения присяжной обязанности должно предоставляться по достижению возраста назначения пенсии по старости. При этом необходимо строго придерживаться правила гендерной дифференциации и предоставлять это право субъектам мужского и женского пола по достижению возраста, указанного в законодательстве о социальном обеспечении.

В связи с приведенными положениями представляется целесообразным изложить соответствующие разделы ст. 7 Федерального закона РФ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции» в следующей редакции:

«Граждане, включенные в общий или запасной список кандидатов в присяжные заседатели, исключаются из указанных списков высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации в случаях:

2) подачи гражданином письменного заявления о наличии обстоятельств, препятствующих исполнению им обязанностей присяжного заседателя, если он является:

в) лицом, достигшим возраста назначения пенсии по старости».

Внедрение указанных изменений позволит не только повысить эффективность деятельности судов присяжных на основе научно обоснованных возрастных критериев, но и станет определенным шагом по унификации отечественного законодательства.

К числу проявлений ограничительной функции права, безусловно, относятся и ценз оседлости. Составители Судебных уставов рассматривали данный ценз как достоинство суда присяжных, указывая, что вердикт присяжных, которые могли руководствоваться «ближайшей известностью им поведения и наклонностей подсудимого, а равно местных нравов, обычаев и порядков домашней жизни» во всяком случае будет более справедлив⁹.

Современные присяжные также ограничены требованиями оседлости. Так, в ст. 4 Федерального закона РФ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции» указывается на обязанность исполнительного органа субъекта федерации включать в списки кандидатов в присяжные «граждан, постоянно проживающих на территории субъекта Российской Федерации». Однако необходимо отметить, что форма реализации ограничительной функции права в пределах данной нормы представляется не вполне определенной. Проблема заключается в следующем. Если в дореволюционном законодательстве, как было указано, существовали четкие критерии отнесения лица к числу оседлых (проживание не менее двух лет в конкретном уезде), то в современном законодательстве подобные критерии отсутствуют. Поэтому существуют известные трудности относительно определения круга лиц, «постоянно проживающих на терри-

тории субъекта», на которых распространяется присяжная обязанность. Например, по словам первого заместителя председателя Ставропольского краевого суда М.Т. Тащилина, современные списки кандидатов в присяжные содержат имена сотен неправомерно внесенных граждан, в т.ч. и тех, которые давно выехали с территории данного субъекта РФ¹⁰.

Очевидно, что одной из мер повышения эффективности привлечения граждан к участию в суде присяжных могло бы стать определение срока проживания на территории субъекта, по истечении которого гражданин считается оседлым. В связи с этим необходимо исследовать исторические условия, в которых осуществлялось воздействие правовых ограничений на общественные отношения, связанные с определением круга субъектов, подлежащих привлечению в качестве присяжных заседателей. Иными словами, следует рассмотреть формы реализации ограничительной функции права в конкретной исторической обстановке применительно к вышеуказанному аспекту правового регулирования. В данном аспекте ограничительная функция может применяться как основание сравнительного исследования.

Нормативные положения Судебных уставов 1864 г. разрабатывались еще до отмены крепостного права, когда миграционная активность русского населения, основная масса которого относилась к категории феодално зависимых, была очень низкой. Данная конкретная историческая обстановка не могла не отразиться на нормативном содержании уставов, в частности, на установлении правового ограничения в виде двухгодичного срока оседлости для кандидатов в присяжные. Во второй половине XIX – начале XX в., несмотря на усиление миграционной активности вследствие отмены крепостного права, а позднее проведением переселенческих мероприятий в ходе аграрной реформы 1906–1910 гг., двухлетний срок оседлости, установленный для кандидатов в присяжные ст. 81 Учреждения судебных установлений, не пересматривался.

В советский и постсоветский периоды миграционная активность населения неуклонно возрастала¹¹. В настоящее время в связи с действием Закона РФ от 25 июня 1993 г. № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» (в ред. от 31 декабря 2014 г.), ликвидированы нерациональные ограничения в сфере внутренней и внешней миграции (главным образом, политического характера, унаследованные от эпохи «железного занавеса»)¹². Указанные процессы не могли не сказаться на сокращении правовых ограничений в сфере нормативного регулирования правил оседлости. Поэтому в связи с изменением конкретной исторической обстановки использование дореволюционного опыта определения сроков оседлости кандидатов в присяжные в нынешних условиях представляется нецелесообразным.

На наш взгляд, для решения этой проблемы необходимо обратиться к нормам оседлости, присутствующим в современном российском законодательстве. При этом следует исходить из того, что в связи с возросшей

миграционной активностью населения сроки оседлости не должны быть более длительными, чем дореволюционные. Поэтому представляется не рациональным устанавливать для призываемых в присяжные лиц срок оседлости, к примеру, в 10 лет, как это предусмотрено для кандидатов, претендующих на избрание (назначение) в Совет Федерации в соответствии с ч. 2 ст. 1 Федерального закона РФ от 5 августа 2000 г. № 113-ФЗ «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» (в ред. от 1 декабря 2014 г.)¹³.

По нашему мнению, для установления сроков оседлости кандидатов в присяжные следует воспользоваться опытом реализации ограничительной функции права в действующем законодательстве о положении иностранных граждан в Российской Федерации. В соответствии с п. 2 ст. 8 Федерального закона РФ от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» приобретение иностранным гражданином статуса постоянно проживающего неразрывно связано с условием его проживания на территории Российской Федерации не менее одного года¹⁴. Очевидно, что данная норма, детерминированная существующей миграционной ситуацией, отражает позицию законодателя, состоящую в том, что в нынешних условиях вполне достаточно годичного пребывания на территории Российской Федерации для ознакомления с политическими устоями, спецификой жизненного уклада, особенностями национально-культурных традиций и т.п.

Процеируя данные положения на современное законодательство о присяжных, необходимо отметить, что годичного проживания на территории субъекта РФ также вполне достаточно для формирования адекватного представления о специфике локальной системы социальных ценностей. Гражданин, удовлетворяющий требованию годичного проживания, вполне обоснованно может считаться пригодным для исполнения присяжной обязанности на территории данного субъекта РФ.

В связи с вышеизложенным предлагаем внести изменения в действующее законодательство РФ, изложив ст. 4 Федерального закона РФ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции» в следующей редакции:

«Статья 4. Общий и запасной списки кандидатов в присяжные заседатели

1. Высший исполнительный орган государственной власти субъекта Российской Федерации каждые четыре года составляет общий и запасной списки кандидатов в присяжные заседатели, включая в них необходимое для работы соответствующего суда число граждан, проживающих на территории субъекта Российской Федерации не менее одного года.

2. Число граждан, подлежащих включению в общий список кандидатов в присяжные заседатели субъекта Российской Федерации от каждого муниципального образования, должно примерно соответствовать соотношению числа постоянно проживающих в муниципальном образовании гражд-

дан с числом граждан, проживающих в субъекте Российской Федерации не менее одного года».

Полагаем, что внесенные изменения будут не только способствовать привлечению в состав присяжных граждан, обладающих представлениями о специфике локальных общественных отношений, но и повысят эффективность деятельности исполнительных органов субъектов федерации по призыву присяжных за счет установления более точных оснований возложения присяжной обязанности.

Подводя итог рассмотрению вопроса об оседлости присяжных, необходимо упомянуть о важной, на наш взгляд, методологической особенности исследования проблемы реализации ограничительной функции в нормах об оседлости современных кандидатов в присяжные.

Применение метода сравнительно-исторического правоповедения в значительной мере способствует достижению позитивного результата в форме конкретных рекомендаций об улучшении современного законодательства, заимствованных из анналов исторического опыта. Однако исследование вопроса о пределах оседлости присяжных доказывает, что данный метод может применяться и для обоснования выводов о целесообразности использования некоторых достижений прошлого в современных условиях. Приведенные положения, по нашему мнению, значительно расширяют сферу применения сравнительно-исторического метода в правовых исследованиях, что в конечном итоге способствует формированию более объективных научных представлений о предмете научного анализа.

В целом необходимо отметить, что исследование форм реализации функций права, в т.ч. и ограничительной, имеет большое значение для развития научных представлений о способах правового регулирования отношений, связанных с формированием состава присяжных заседателей. Сравнительный анализ показывает, что ограничительная функция реализовывалась и в дореволюционном, и в ныне действующем российском законодательстве о суде присяжных. Тожественность форм и методов осуществления данной функции в дореволюционной и современной России во многом была обусловлена сходством целей правового регулирования.

Тем не менее, было бы неверным считать, что тождественность форм реализации ограничительных функций права в отечественном законодательстве о суде присяжных различных периодов означает полное совпадение данных функций. Исследование показывает, что взгляды законодателя на основания и степень правовых ограничений имеют прямую зависимость от конкретной социально-экономической ситуации. Так, например, взгляды дореволюционного законодателя на предельный возраст присяжного точно так же, как и на ценз оседлости, были более категоричны, чем сегодня. Проводить научную оценку применимости исторического опыта к сегодняшним отношениям возможно только на прочной методологической основе. Использование сравнительно-исторического метода правоповедения позволяет учитывать изменившуюся историческую обстановку, критиче-

ски оценивать как исторический опыт, так и реалии современной правовой жизни, и, исходя из этого, предлагать научно обоснованные рекомендации по совершенствованию действующего законодательства.

¹ См.: Алексеев С.С. Общая теория права: В 2-х т. М., 1981. Т. I. С. 296–297.

² См.: Учреждение судебных установлений. 20 ноября 1864 г. // Полн. собр. законов Российской империи (далее – ПСЗ). Собр. 2-е. № 41475.

³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 34, ст. 3528; 2011. № 1, ст. 45.

⁴ См.: Устав уголовного судопроизводства. 20 ноября 1864 г. // ПСЗ. Собр. 2-е. № 41476.

⁵ См.: Карлов Д.В. Критерии правомерности ограничения прав и свобод человека и гражданина // Теория и практика ограничения прав человека по российскому законодательству и международному праву: сборник научных трудов / под ред. В.М. Баранова. Н.Новгород, 1998. Ч. II. Т. 2. С. 133; Постатейный комментарий к Федеральному закону «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» / под ред. П.В. Крашенинникова. М., 1999. С. 60; Аккуратов И.Ю., Коршунов Н.М., Хорев А.А. К вопросу об ограничениях и обременениях права собственности // Государство и право. 2000. № 10. С. 70.

⁶ См.: Новиков М.В. Ограничительная функция права и ее реализация в российском законодательстве: дис... канд. юрид. наук. Владимир, 2004. С. 45.

⁷ Учреждение судебных установлений 20 ноября 1864 г. // ПСЗ. Собр. 2-е. № 41475.

⁸ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52, ч. I, ст. 4920; 2014. № 23, ст. 2930.

⁹ См.: Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений на коих они основаны: в 2 ч. СПб., 1867. Ч. 2. С. 97.

¹⁰ См.: Костылева Т. Суду с участием присяжных заседателей – пятнадцать лет. Текст интервью с М.Т. Тащиным // Все о праве: Информационно-образовательный юридич. портал. URL: <http://www.allpravo.ru/library/doc117p0/instrum6976/print6977.html> (дата обращения: 21.11.2014).

¹¹ См.: Алешковский И.А. Детерминанты внутренней миграции населения в России: автореф. дис... канд. экон. наук. М., 2007. С. 20–23.

¹² См.: Российская газета. 1993. № 152; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 1, ч. 1, ст. 78.

¹³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. № 32, ст. 3336; 2014. № 49, ч. 4, ст. 6936.

¹⁴ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30, ст. 3032.

Е.Г. Стребкова*

ТРАНСПАРЕНТНОСТЬ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ ЕЕ РАЗВИТИЯ

Судебная власть играет важную роль в демократическом правовом государстве, которым в соответствии с Конституцией 1993 г. является Россия. На нынешнем этапе развития общества особую актуальность приобретает транспарентность судебной власти, т.е. прозрачность, открытость информации о ней. Этим понятием охватываются все стороны организации и деятельности «третьей власти» — от порядка отбора и назначения на должность судей до порядка принятия и опубликования для широкого круга лиц текстов принимаемых решений.

* Стребкова Елена Геннадьевна — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного и международного права ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия».

Следует отметить, что, помимо транспарентности, существуют такие понятия, как «гласность», «публичность», которые в правовой науке трактуются неоднозначно. Нередко понятия «гласность», «открытость», «транспарентность» рассматриваются как синонимы, но это не так. Термин «транспарентность» среди всех вышеуказанных понятий является наиболее широким и охватывает все стороны организации и деятельности судебной власти, в т.ч. публичность, гласность судопроизводства. «Публичность» более точно отражает существо взаимоотношений суда как органа государственной власти и общества¹. Гласность же означает открытость судебного заседания и другой информации о суде и больше относится к процессуальной стороне транспарентности.

В современном обществе информация распространяется с молниеносной скоростью. Как отмечал американский адвокат и политический активист Ральф Нейдер, «информация — основная валюта демократии». Нельзя не отметить важную роль в этом современных информационных технологий. В 2014 г. исполняется 15 лет со дня проведения первого в мировой практике судебного процесса с использованием технологии видеоконференцсвязи. Тогда кассационную жалобу некоего осужденного Муртазина рассмотрел Челябинский областной суд. С тех пор опыт в организации телекоммуникационной среды для видеоконференции Верховного Суда России стали перенимать во многих странах.

5 ноября 2014 г. Президиумом Верховного Суда РФ был утвержден временный порядок передачи документов в электронном виде². Речь идет о подаче электронных исков в Экономическую коллегия Верховного Суда.

После объединения двух высших судов многие практики волновались за судьбу системы «Мой арбитр», однако в обычных арбитражных судах все осталось по-прежнему. Некоторые технические проблемы возникли с подачей электронных исков в Экономическую коллегия Верховного Суда России, рассматривающую дела, которыми раньше занимался Высший Арбитражный Суд. Принятый документ подробно разъясняет, как подать документы в Верховный Суд России через Интернет.

В перспективе можно будет не только подавать через Интернет иски в суды общей юрисдикции, но и использовать цифровые документы в качестве доказательств в суде. Указанным вопросам посвящен проект поправок в Уголовно-процессуальный, Гражданский процессуальный и Арбитражный процессуальный кодексы.

Например, в УПК РФ вводится новая статья «Порядок использования электронных документов в уголовном судопроизводстве». Ее нормы дают возможность участникам процесса направлять ходатайства, заявления, жалобы и прилагаемые к ним документы в электронном виде через заполнение специальной формы документа на официальном интернет-сайте органа следствия, прокуратуры или суда. Иными словами, по Сети можно будет направить официальную бумагу не только в суд, но даже следователю или прокурору.

Участники процесса смогут представлять суду доказательства в виде электронного документа. Такие документы могут быть представлены на

любом носителе информации, но должны быть также подписаны электронной подписью их отправителя.

Предусматривается, что приговор, определение, постановление и иные процессуальные решения также могут быть изготовлены в электронной форме. Участники процесса смогут представлять суду доказательства в виде электронного документа. Такие документы могут быть представлены на любом носителе информации, но должны быть, как говорится в проекте, также подписаны электронной подписью их отправителя. Срок вступления в силу будущего федерального закона предлагается установить с 1 января 2016 г.

Несмотря на нововведения, уровень доверия россиян к суду по-прежнему невысок. Как показывают опрос, проведенный Левада-центром в сентябре 2014 г., 17 % россиян придерживаются мнения, что суд совсем не заслуживает доверия, 45 % россиян считают, что суд не вполне заслуживает доверия, лишь 26 % опрошенных ответили, что суд вполне заслуживает доверия. Для сравнения 79 % опрошенных доверяют Президенту. Прослеживается незначительный рост уровня доверия к суду, по сравнению с 2013 г.³ А, например, в США на суд готовы положиться от 60 до 80 % граждан в зависимости от штата⁴.

Правда, нельзя не отметить, что в ряде случаев такой показатель уровня доверия к судам обусловлен наличием у россиян стереотипов о суде и судьях, вызванных отсутствием достоверной информации, а в ряде случаев и фактической дезинформацией о положении дел в судах со стороны отдельных недобросовестных представителей СМИ. Очевидны и определенные недоработки со стороны самих работников судебной системы, порой недооценивающих значение открытости и гласности судопроизводства для повышения уровня доверия общества к судебной власти.

Недостойное поведение некоторых представителей судейского сообщества, получающее широкую огласку в СМИ, не способствует повышению уровня общественного доверия к суду. Так, например, Квалификационная коллегия судей Краснодарского края досрочно прекратила полномочия судьи Белоглинского районного суда И. Парфеновой, разместившей в социальной сети фотографии, на которых она изображена в пикантных позах на фоне символов государственной власти и в судейском кресле. Жалобу подала недовольная вынесенным И. Парфеновой решением. Она переслала фотографии, размещенные на личной странице судьи на сайте «Одноклассники», причем в открытом доступе.

Должность судьи является одной из наиболее сложных и важных среди юридических профессий и отличается повышенной ответственностью перед обществом и гражданами, особенно в настоящее время, когда формируются новые экономические и социальные отношения, интенсивно реформируется законодательство. Несмотря на требования времени, не потеряли своей актуальности по сей день слова древнегреческого философа Сократа «Четыре качества принадлежат судье: учтиво слушать, мудро отвечать, трезво размышлять и беспристрастно решать».

Ни в России, ни в какой другой стране нет структуры, нет силы, кроме суда, способной защитить права человека, его законные интересы. Но для этого суд должен быть открытым, независимым, состязательным. В XXI в. в современном информационном обществе судебная власть не должна оставаться в стороне от реализации транспарентности, т.к. закрытость рождает информационный вакуум, который заполняется недостоверными сведениями. Однако следует помнить, что совершенствование деятельности судебной власти — дело не одного дня. Важно сочетать стабильность той судебной системы, которая сложилась в стране, с ее постепенным развитием и совершенствованием.

¹ См.: Открытость правосудия в России: проблемы и перспективы правового регулирования / под ред. С.В. Кабышева и Н.Н. Чучелиной. М., 2007. С. 6.

² См.: Российская газета (столичный выпуск). 2014. 7 нояб.

³ URL: <http://www.levada.ru/13-11-2014/doverie-institutam-vlasti> (дата обращения 30.10.2014).

⁴ URL: <http://www.ncsc.org> (дата обращения 15.12.2010 г.)

Н.М. Селезнева*

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ В ЗЕРКАЛЕ РЕФОРМ

Судебная реформа 60-х гг. XIX столетия занимает исключительное место среди реформ Александра II. Она была продиктована необходимостью отделить судебную власть от административной и законодательной, привести «на место прежних крючковедов-кривосудов, взяточников, без стыда и совести позоривших саму идею юстиции и опозоренных народной молвой и общественным мнением, пришли люди, смотревшие на свое звание как на высокое и почетное призвание...»¹. Действительно, для дореформенного суда характерна множественность судебных органов, сложность и запутанность процессуальных требований, невозможность порой определить круг дел, который должен подлежать рассмотрению того или иного судебного органа. Недостатки судебной системы и судопроизводства вызывали недовольство даже привилегированных сословий. Волокита и бюрократизм принимали ужасающий характер.

«В судах черна неправдой черной и игом рабства клеймена;

Безбожной лести, лжи тлетворной, и лени мертвой и позорной,

И всякой мерзости полна!» — такими словами охарактеризовал в 1856 г. дореформенное правосудие А.С. Хомяков в стихотворении «России».

Власть вполне осознавала пороки созданной системы. За короткий период были проведены грандиозные преобразования. Утверждая 20 ноября 1864 г. в Царском селе Судебные уставы, император подписал Указ Правительствующему сенату, в котором, в частности, говорилось: «Рас-

* Селезнева Наталья Михайловна — кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорского надзора и организации правоохранительной деятельности ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия».

смотрев сии проекты, мы находим, что они вполне соответствуют желанию нашему водворить в России суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных наших, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить в народе нашем то уважение к закону, без коего невозможно общественное благосостояние и которое должно быть постоянным руководителем действий всех и каждого, от высшего до низшего»².

Александр II удалось возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и утвердить в народе уважение к закону. Суд перестал ориентироваться на сословный принцип, и все граждане страны теперь имели равные права перед законом. Среди прогрессивных преобразований достаточно назвать следующие:

создание *мировой юстиции* как самостоятельной ветви российской судебной власти;

учреждение равного для всех сословий суда с участием *присяжных заседателей*;

судьи стали несменяемы и формально *независимы*;

несовпадение судебных округов с территорией губерний и др.

Проведенная судебная реформа в свою очередь играла важную роль в культурной жизни России. Независимый от внешних и случайных влияний, пользующийся общественным доверием, новый суд воспитывал русское общество в уважении к закону, к личности и интересам ближнего, возвышал человека в собственных глазах, служил сдерживающим началом одинаково как для властвующих, так и для подчиненных.

Исторические и правовые аспекты проведения Судебной реформы 1864 г. послужили неким образцом и источником идей, легших в основу Концепции судебной реформы 1991 г., в которой было записано: «Мы намеревались совершить мужественный акт самоотрицания, превратившись из политического государства в правовое. Мы рассчитывали, что на арену общественной жизни выйдет независимый, свободный от корыстных интересов, политических симпатий суд, выступающий гарантом законности и справедливости, призванный выполнять в государстве ту же роль, что и совесть у человека»³. В качестве приоритетных были определены следующие задачи:

утверждение *судебной власти* как самостоятельной влиятельной силы, независимой в своей деятельности от власти законодательной и исполнительной;

создание федеральной судебной системы и судебной системы субъектов РФ;

возрождение *мировой юстиции*;

признание права каждого лица на разбирательство его дела *судом присяжных* в случаях, установленных законом;

обеспечение независимости судей;

несовпадение судебных округов с административно-территориальным делением РСФСР;

децентрализация судебной системы за счет формирования специализированных судов (арбитражных, ювенальных, административных и др.).

Налицо сходство задач, стоявших перед реформаторами второй половины XIX и конца XX в., что указывает на определенную преемственность и традиционность развития Российского государства.

В результате первого т.н. «романтического» этапа судебной реформы многие задачи концептуально были решены, однако реформаторам «не дали довести до конца их замыслы: добиться возвращения в страну судебной власти как самостоятельной влиятельной силы и утверждения в судах «правды и милости»⁴.

К сожалению, при возрождении мировой юстиции не были учтены ее специфические особенности:

- осуществление судопроизводства судьями-непрофессионалами;
- избрание судей населением судебного участка;
- ограничение подсудности несложными спорами;
- упрощенный порядок судопроизводства;

осуществление судопроизводства с применением примирительной процедуры, местных обычаев, представлений о справедливости;

наличие в судебной системе специального звена проверки законности судебных актов, вынесенных мировыми судьями, и др.

Современная мировая юстиция встроена в систему судов общей юрисдикции, а мировые судьи совсем не похожи на участковых и почетных мировых судей (например, Л. Толстой, И. Тургенев и А. Фет были мировыми судьями). Тем не менее, мировые судьи выполнили свои главные задачи: приблизили правосудие к населению и настолько разгрузили районные суды, что им самим приходится рассматривать по 7–8 дел (а иногда и больше) ежедневно. Серьезной проблемой остается отсутствие соответствующих помещений для работы мировых судей.

Одним из главных достижений судебной реформы было закрепление формы участия граждан в отправлении правосудия в качестве присяжных заседателей. К сожалению, ни власть, ни юридическая общественность так и не приняли этот демократический институт, не осознали его целесообразность. Вот почему сегодня с участием присяжных заседателей рассматривается незначительное количество дел, что, безусловно, снижает контроль общественности за осуществлением правосудия.

Остается нерешенной и задача обеспечения независимости судей. По мнению Т.Г. Морщаковой, «эта независимость ограничивается с разных сторон»⁵. О каком единстве статуса судей можно говорить, когда судьи находятся в зависимом положении от своего руководства и от квалификационных коллегий судей? Очевидно, следует установить выборность председателей (их заместителей) судов всех уровней самими судьями на срок не более 3-х лет и наделить их только организационными полномочиями. Что касается квалификационных коллегий судей, то вопросы их организации и деятельности чрезвычайно актуальны для всех судей. Квалификационные

коллегии судей являются одними из наиболее закрытых корпораций среди органов судейского сообщества, а ведь именно от них зависит качество формирования и самоочистки судейского сообщества. Как свидетельствует практика квалификационных коллегий последних лет, при наличии политической воли можно легко получить положительную рекомендацию на должность судьи «нужному» кандидату и лишит полномочий неугодного судью.

Предметом острой дискуссии остаются вопросы построения судебной системы. Если ее дальнейшее развитие должно осуществляться преимущественно в русле специализации, то почему до сих пор не созданы административные, ювенальные и другие специализированные суды? Пока на судебную систему не будет хватать денег, эти вопросы так и останутся без ответа.

В этот юбилейный год мы стали свидетелями очередной «перезагрузки» судебной системы: по инициативе Президента РФ В.В. Путина произошло объединение высших судов. Это событие вызвало крайне неоднозначную реакцию в российском юридическом сообществе. Целесообразность данной инициативы вызывает сомнения с управленческой, правовой и финансовой точек зрения и может иметь негативные последствия как для граждан, так и судебной системы в целом. Обращает на себя внимание следующее:

- преобразования готовятся анонимно, без участия институтов гражданского общества и юридического сообщества;
- проводятся поспешно и бессистемно;
- не подготовлена нормативно-правовая база.

Прекрасным образцом того, как следует готовить и проводить реформу правосудия, остается исторический опыт подготовки и проведения реформ 1864 г. Судебная реформа Александра II носила системный и комплексный характер, затрагивала различные сферы общественной жизни и государственного устройства. Она готовилась виднейшими представителями правовой науки, в числе которых были Н.А. Буцковский, Н.И. Стояновский, К.П. Победоносцев, Д.Н. Замятин, Д.А. Ровинский и другие, при самом активном участии фактически всей юридической общественности тогдашней России. Практическим шагам судебной реформы предшествовали длительные дискуссии. В многочисленных и разносторонних обсуждениях проектов Уставов участвовали не только члены Государственного совета, министры, сенаторы и профессора, но и представители всего юридического сообщества России, вплоть до секретарей уездных судов.

Для проведения судебной реформы 1991 г. также был создан отдел судебной реформы ГПУ Президента РФ. В состав авторского коллектива вошли известные юристы: профессора С.Е. Вицин, А.М. Ларин, И.Б. Михайловская, Т.Г. Морщакова, И.Л. Петрухин, Ю.И. Стецовский, С.А. Пашин и др. При подготовке Концепции использовались достижения мировой правовой мысли и, естественно, российской дореволюционной правовой науки.

Назвать поименно авторов современных преобразований не представляется возможным. К сожалению, мы имеем очередную реформу в России, которая не стала предметом широкой общественной дискуссии, не была

основана на социально-экономических исследованиях и не обсуждалась с органами судейского сообщества.

Основой для успешного проведения реформ в судебной системе является качественный уровень нормативно-правовой базы. «Неужели законы должны писаться сперва похуже, получше и наконец хорошо?» — вопрошал С.И. Зарудный. Вот и нашим реформаторам следовало бы сначала подготовить качественную правовую базу, а потом добиваться единообразия практики судов.

Следует обозначить и другие отрицательные стороны реформы по объединению судов. Во-первых, объединение судов — это потеря специализации. Специализация судебной деятельности — характерная черта организации судебной власти в мире.

Во-вторых, объединение судов и переезд в северную столицу потребует огромных финансовых затрат. Если объем финансирования судебной системы на 2013—2020 гг. составляет 90,6 млрд руб., то стоимость переезда оценивается в 50 млрд руб.⁶

В-третьих удаленность Верховного Суда РФ от центра затруднит доступ к правосудию. Вопросы организации новых судов должны решаться с учетом того, насколько они удобны для граждан с точки зрения территориального расположения, динамики движения дела и др.

И, наконец, суд численностью 170 судей неизбежно столкнется с трудностями его организации и управления. Автору статьи не удалось найти аналога такого суда ни в одной стране мира, где такое количество регионов и такое количество споров.

Таким образом, инициатива с переездом и слиянием высших судов приводит к выводу, что в России до сих пор отсутствует четкая научная концепция о будущем российской судебной системы. Судебная система в современных российских условиях превратилась в мощный политический фактор, своего рода социальный регулятор. Тот, кто имеет возможность влиять на нее, получает в руки инструмент, явно превышающий по своей значимости ресурсы политической партии. И это объективно делает достижение реальной независимости судей вопросом отдаленного будущего.

По пути реформ следует двигаться не революционным, а исключительно эволюционным путем, без резких рывков, не отвергая имеющегося накопленного положительного опыта и сохраняя преемственность в важнейших вопросах функционирования судебной власти.

¹ Судебная реформа / под ред. Н.В. Давыдова и Н.Н. Полянского. М., 1915. С. 351.

² Указ Правительствующему Сенату (Царское Село, 20 ноября 1864 г.). URL: consultant.ru/sudeb_ustav/ (дата обращения: 10.11.2014).

³ Концепция судебной реформы в Российской Федерации / сост. С.А. Пашин. М., 1992. С. 5.

⁴ Пашин С.А. Преобразование судебной системы России на романтическом этапе судебной реформы // Вестник Европы. 2013. URL: <http://vestnik-evropy.squarespace.com/all-articles/2011/3/10/555899024048.html> (дата обращения: 10.11.2014).

⁵ Сегодня не решена задача обеспечения самостоятельности судебной власти и независимости судей. Интервью с Тамарой Морщаковой. URL: <http://www.polit.ru/article/2008/12/08/sud/> (дата обращения: 10.11.2014).

⁶ Такую цифру назвал управделами Президента РФ Владимир Кожин / Управление Делами Президента Российской Федерации. См.: Кузьмин В. Меняют адрес // Российская газета. 2012. 16 нояб.

Б.Т. Разгильдиев *

СОЦИАЛЬНАЯ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ И ЕЕ ВИДЫ

В теории уголовного права вопрос о социальной результативности УК РФ, ее уголовно-правовом обеспечении вообще не ставился. На наш взгляд, это можно рассматривать как недоработку правовой наукой одного из существенных аспектов реализации права. Считаем ее актуальной по трем причинам: 1) удовлетворение уголовно-правовой теории; 2) социальный результат «работы» уголовного законодательства должен выступать объективным критерием оценки его эффективности; 3) она высвечивает особенности исторических этапов развития законодательства, указывает направления его совершенствования на ближайшую и отдаленную (историческую) перспективу.

Под социальной результативностью права вообще и уголовного права в частности мы понимаем позитивное явление, непосредственно наступившее вследствие реализации соответствующих отраслей права, объективно удовлетворяющее личность, общество и государство, обосновывающее возникновение соответствующей правовой отрасли, ее содержание.

Считается, что право социально, поскольку регулирует и охраняет социальные отношения, отношения, посредством которых проявляет себя человек. Констатация этого факта важна, однако недостаточна. На самом деле регулирование отношений, их охрана важны не сами по себе, а применительно к тому, насколько они позволяют удовлетворять личность, общество и государство, и в зависимости от степени удовлетворения уместно говорить о качестве права. Можно предположить, что качество права прямо пропорционально его эффективности, а эффективность определяется уровнем удовлетворения им интересов личности, а через нее — интересов общества и государства. Удовлетворение интересов названных субъектов, на наш взгляд, и следует рассматривать как социальный результат регулятивных отраслей права. Потребность такого рода удовлетворения послужила основанием формирования и содержания регулятивных отраслей права.

Иная ситуация, как представляется, складывается в отношении уголовного законодательства. В теории уголовного права отсутствует единство мнений по поводу отнесения уголовного права к регулятивным отраслям права. Одни авторы считают его регулятивным¹, другие — регулятивно-охранительным², третьи — охранительным³.

Вопросы социальной результативности уголовного права непосредственно законодательством не решаются, не содержит их решения и доктрина уголовного права. Руководствуясь определенной логикой уголовного

* Разгильдиев Бяшир Тагирович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия».

законодательства, можно было бы предположить в качестве социального результата, например, наказание лиц, совершивших преступления. Однако такой вывод противоречит системности действующего уголовного законодательства. Как известно, УК РФ предусматривает не только наказания, но и принудительные меры воспитательного воздействия, иные меры уголовно-правового характера. Получается, что следствием совершенного преступления может выступать не только наказание, но и иные меры. Более того, возможны ситуации, когда по УК РФ лица, совершившие преступления, освобождаются не только от наказания, но и от уголовной ответственности вообще. Получается, что уголовно-правовые меры, не связанные с наказанием, социального результата не образуют. Такой вывод не правомерен и исключает возможность отнесения назначения наказания к социальному результату.

Уголовное законодательство России содержит положение, смысл которого, на наш взгляд, охватывает социальный результат. Оно представлено в ст. 2 «Задачи уголовного Кодекса Российской Федерации» УК РФ. В ней законодатель сформулировал задачи (ч. 1) и определил уголовно-правовой инструментарий их решения (ч. 2): охрана личности, общества, государства, мира и безопасности человечества⁴ от преступных посягательств; предупреждение преступлений. Вряд ли правильно относить задачи к социальному результату. Сами по себе они — не ожидаемый обществом и государством результат реализации УК РФ, а задания, стоящие перед уголовным законодательством. Следовательно, решение этих заданий в виде определенных итогов можно оценивать как социальный результат. Законодатель этих итогов не формулирует, однако, определяя инструментарий решения задач, он фактически представил формулу, исходя из которой, следует их решать, обеспечивая социальный результат. Она включает в себя все уголовно-правовые средства, представленные в ч. 2 ст. 2 УК РФ. Это основания и принципы уголовной ответственности, составы преступлений, виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за совершение деяний, установленных составами преступлений. Формула не безупречна. Например, иные меры уголовно-правового характера могут возлагаться не только на лиц, совершивших преступления, но и на субъектов, совершивших общественно опасные деяния, не образующие преступления. Кроме того, задачи решаются не только привлечением виновных к уголовной ответственности, но и освобождением от нее. Более того, уголовно-правовая логика подсказывает, что задачи могут успешно решаться не отдельными положениями, указанными в ч. 2 ст. 2 УК РФ, а в целом всей отраслью права, для чего необходимо оптимизировать названную часть ст. 2 УК РФ⁵.

Реализация представленной идеи позволит более точно определить законодательную формулу решения задач, обеспечивая тем самым социальный результат «работы» уголовного законодательства.

Будет правильным определиться с научным пониманием уголовно-правовой задачи и содержанием ее видов, прежде чем сформулировать

социальный результат, в доктрине задачи отождествляют с социально полезным результатом. Получается, что сама по себе уголовно-правовая задача — это социально полезный результат. В действительности же результатом выступает не сама задача, а ее решение, в связи с чем нуждается в корректировке высказанное нами ранее понимание задачи как предусмотренного уголовным законом социально полезного результата, обеспечиваемого на определенной территории, в течение определенного времени всей отраслью права, обосновывающего ее социальное предназначение и уголовно-правовое содержание⁶. Представленная дефиниция неточна. Социально полезный результат непосредственно уголовным законодательством не предусмотрен. Закон регламентирует социально направленный вариант его реализации, а не результат. В этом качестве выступают задачи, решение которых и предполагает социально полезный результат. С учетом названных обстоятельств можно сформулировать следующее определение задачи: это предусмотренный уголовным законодательством социально направленный вариант, посредством решения которого всей отраслью права в течение определенного времени и на определенной территории достигается социально полезный результат, обосновывающий социальное предназначение уголовного права и определяющее его содержание.

Из определения видно, что задачи представлены в виде социально направленных вариантов. Их социальная природа применительно к УК РФ выражается в том, чтобы охранять соответствующие объекты от преступных посягательств, с одной стороны, и предупреждать совершение новых преступлений, с другой. Оба направления являются законодательными вариантами и реализуются всей отраслью уголовного законодательства на территории России в течение определенного времени.

Вариативность социальной направленности задач наиболее отчетливо выражается в видах задач, предусмотренных уголовным законодательством. Видами задач, предусмотренных УК РФ, выступают охрана соответствующих объектов от преступных посягательств и предупреждение преступлений⁷. Полагаем, что позиция законодателя на этот счет основательна. Уголовный закон, определяя охрану и предупреждение преступлений в качестве задач УК РФ, не раскрывает их содержания, обоснованно относя это к компетенции науки. В теории разработано их понимание. Ранее мы увязывали охрану с результатом в виде сохранения личности, общества, государства, мира и безопасности человечества от преступного воздействия на них, а предупреждение преступлений с защитой перечисленных ценностей от общественно опасных посягательств⁸. Думается, что связывать охрану с сохранением объектов от преступных посягательств и их защитой вряд ли правильно. Сохранность и защита объектов могут рассматриваться социальными результатами, однако их связь с уголовным законодательством не непосредственная, а опосредованная. В этом смысле они напрямую не вытекают из законодательства, не обуславливают ни его возникновения, ни его содержания. Представляется обоснованным к со-

циальным результатам решения обеих задач относить уголовно-правовое удержание лиц от совершения общественно опасного деяния. Этот вывод основывается на следующих аргументах. Предметом уголовного законодательства выступает человек в части его удержания от совершения преступления⁹. Само удержание осуществляется уголовно-правовыми статусами субъектов правоотношений, содержательно определяемыми всей отраслью уголовного законодательства¹⁰. Удержание непосредственно выступает следствием осуществления задач по охране соответствующих объектов от преступных посягательств и их предупреждению.

Закон регламентирует две разные по форме задачи: охрану ценностей от преступных посягательств и предупреждение преступлений. Обе задачи дают результат в виде удержания лица от совершения преступления, поскольку имеют единую социальную основу. Она характеризуется поведением человека в виде общественно опасного деяния, которое в одних случаях образует преступление, а в других — не образует. Названная основа вызывает один и тот же для обеих задач социальный результат в виде уголовно-правового удержания лица от совершения общественно опасного деяния. Разница состоит лишь в том, что решение первой задачи (охрана) осуществляется не персонифицированным удержанием, а второй (предупреждение) — персонифицированным¹¹. Оба удержания взаимообусловлены. Так, уголовно-правовая охрана личности, общества, государства, мира и безопасности человечества удерживает лиц от посягательств, персонифицированной угрозы наказанием, а предупреждение преступлений осуществляется персонифицированно.

Что означает привлечение виновного к конкретной уголовной ответственности либо иного уголовно-правового воздействия на лиц, совершивших преступления или общественно опасного деяния, не образующего преступления. Логика их взаимообусловленности такова: уголовный закон, не обеспечивший удержания от преступного посягательства угрозой наказания, начинает удерживать конкретное лицо (уже совершившее общественно опасное деяние) от посягательств на другие охраняемые объекты привлечением его к ответственности или иным мерам уголовно-правового воздействия. Последнее обстоятельство удерживает от совершения преступлений персонифицированных лиц, обязанных воздерживаться от общественно опасных посягательств под угрозой уголовного наказания.

Обобщая изложенное, уместно констатировать: социальная результативность УК РФ — это уголовно-правовое удержание человека от совершения общественно опасных посягательств путем решения отрасли права в течение определенного времени и на определенной территории задач УК РФ, обуславливающее возникновение и содержание уголовного законодательства.

Вторая часть исследования направлена на уяснение видов уголовно-правового обеспечения социальной результативности¹². Отметим, что все виды уголовно-правового обеспечения результативности уголовного

законодательства охватываются понятием «уголовно-правовое воздействие». Категория «уголовно-правовое воздействие» теории уголовного права известна¹³. Уместно отметить, что по наиболее существенным ее аспектам, среди ученых-криминалистов единства не достигнуто. На наш взгляд, уголовно-правовое воздействие — это понуждение лиц к исполнению обязанностей по воздержанию от совершения преступлений угрозой уголовной ответственности, а в случае их нарушения — принуждение к несению уголовной ответственности¹⁴. Из определения следует, что уголовно-правовое воздействие реализуется понуждением¹⁵ и принуждением¹⁶. Понуждение предполагает неперсонифицированную и персонифицированную угрозу наказанием, а принуждение — персонифицированную уголовную ответственность либо иное персонифицированное уголовно-правовое воздействие. И то и другое направлено на социальный результат в виде удержания лица от совершения общественно опасного деяния, образующего или не образующего преступление. Рассмотрим каждый из видов. Понуждение, осуществляемое неперсонифицированной угрозой наказанием, работает на уровне санкций. Любое лицо, замышляющее совершение преступления, осознает, что за его совершение санкция соответствующей нормы угрожает привлечением его к уголовной ответственности. Одних она удерживает, других нет. Понуждение может быть персонифицированным, когда лицо, совершившее преступление, освобождается от уголовной ответственности. Оно освобождается от уголовной ответственности, однако при этом осознает реальность привлечения его к ответственности в случае совершения им нового преступления. Ситуация, связанная с освобождением от уголовной ответственности, порождает впечатление об отсутствии какого-либо понуждения виновного. На самом деле впечатление обманчиво. Освобождение представляет уголовно-правовой интерес не само по себе, а когда предупреждает совершение новых преступлений со стороны виновного. Такое освобождение порождает социальный результат в виде удержания от совершения деяния. Здесь имеет место понуждение виновного, оно конкретизировано лицом и совершенным преступлением. Другим видом персонифицированного побуждения выступает судимость лица, совершившего преступление. Институт судимости выступает адаптационной мерой, регламентированной уголовным законодательством. Судимость является неким переходом лица от преступного в законопослушное состояние. В таком состоянии еще велик соблазн совершить новое преступление, поэтому, для его нейтрализации нужен уголовно-правовой инструментарий. В эту же группу видов следует отнести освобождение от наказания в связи с изменением обстановки (ст. 80.1 УК РФ), освобождение от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора суда (ст. 83 УК РФ). Названные виды, если они отражают природу уголовного права, обеспечивают его социальную результативность. По УК РФ перечисленные виды социальной результативности основываются на понуждении. Представляется, что для большей их

эффективности требуется придание некоторым из них отдельных «мягких» принудительных свойств. Особенно это относится к уголовно-правовым мерам, применяемым к несовершеннолетним.

К принудительным видам персонифицированного характера, образующим социальную результативность, относятся следующие: для лиц, совершивших преступления — назначение наказания и его исполнение; освобождение от наказания, в т.ч. отсрочка отбывания наказания; условное осуждение; условно-досрочное освобождение от наказания; замена неотбытой части наказания более мягким видом; конфискация имущества, принудительные меры медицинского характера для лиц, совершивших общественно опасные деяния, не образующие преступлений.

Известно, что уголовное законодательство содержит положения, регламентирующие амнистию и помилование (ст. 84, 85 УК РФ). Они образуют правовые основания для освобождения от уголовной ответственности, наказания, его снижения, замены более мягким видом, снятия судимости (ст. 84 УК РФ), освобождения от наказания, его снижения, снятия судимости (ст. 85 УК РФ). На наш взгляд, они не образуют социального результата реализации уголовного законодательства, поскольку их природа носит не уголовно-правовой, а социально-политический характер.

Обобщая изложенное, сформулируем несколько выводов: 1) социальной результативностью реализации законодательства является уголовно-правовое удержание лица от совершения преступления; 2) видами обеспечения социального результата выступает уголовно-правовое воздействие в виде угрозы наказанием, вытекающей из санкции норм, назначения наказания и его исполнения, условного осуждения, отсрочки исполнения наказания, освобождения от уголовной ответственности и наказания, условно-досрочного освобождения от наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом, принудительных мер медицинского характера, конфискации имущества, судимости; 3) эффективность уголовного законодательства следует определять исходя из его возможностей по удержанию лиц от совершения преступления; 4) развитие уголовного законодательства и его институтов следует осуществлять исходя из его возможности удерживать лиц от совершения преступлений.

Таким образом, представленные варианты социальной результативности уголовного законодательства России развивают теорию уголовного права, унифицируют судебную практику.

¹ См.: Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т. 1 / отв. ред. Н.А. Беляев, М.Д. Шаргородский. Л., 1968. С. 9; Уголовное право России: учебник. Общая часть / под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. СПб., 2006. С. 29.

² См.: Фролов Е.А. Объект уголовно-правовой охраны и его роль в организации борьбы с посягательствами на социалистическую собственность: дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1971. С. 7–8; Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М., 1996. С. 6–8; Уголовное право. Общая часть / под ред. И. Я. Козаченко, З.А. Незнамовой (автор главы — И.Я. Козаченко). М., 1997. С. 15. Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. М., 2002. С. 3.

³ См.: *Разгильдиев Б.Т.* Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация / под ред. Р.Р. Галиакбарова. Саратов, 1993. С. 5; *Его же.* Уголовно-правовое воздействие и его пределы. // Правоведение. 2011. № 2. С. 175.

⁴ В теории права признается, что обеспечение мира и безопасности выступает не самостоятельной задачей, наряду с охраной и предупреждением, а объектом охраны и предупреждения преступлений. См.: *Мальцев В.В.* Уголовно-правовая политика и задачи уголовного права как социально-правовые понятия. Философская и правовая мысль. Саратов, СПб., 2004. С. 19; Уголовное право России: курс лекций: в 6 т. Т. 1, кн. 1: Введение в уголовное право / под ред. Б.Т. Разгильдиева. 2004. С. 77 (автор главы – Б.Т. Разгильдиев).

⁵ Ее примерная редакция. См.: Уголовное право России: курс лекций: в 6 т. Т. 1, кн. 1: Введение в уголовное право России / под ред. Б.Т. Разгильдиева (автор раздела – Б.Т. Разгильдиев). Саратов. 2004. С. 72–73.

⁶ См.: Там же. С. 71.

⁷ Подробнее об этом см.: *Наумов А.В.* Применение уголовно-правовых норм. Волгоград, 1973. С. 16; *Бойко А.С.* Задачи и принципы Уголовного кодекса Российской Федерации // Комментарий к Уголовному кодексу РФ / под ред. А.И. Бойко. Ростов н/Д, 1996. С. 30, *Мальцев В.В.* Указ. раб. С. 19, *Разгильдиев Б.Т.* Задачи уголовного права России, их виды и уголовно-правовая характеристика // Уголовное право России: курс лекций: в 6 т. Т. 1: Введение в уголовное право России / под ред. Б.Т. Разгильдиева. Саратов, 2004. С. 76–89.

⁸ См.: Там же. С. 112, 120.

⁹ По рассматриваемой проблеме в теории нет единства мнений. См.: *Генрих Н.В.* Предмет уголовного права: генезис научной мысли и проблемы современной интерпретации. М., 2010. С. 48–105; *Разгильдиев Б.Т.* Предмет отрасли уголовного права // Уголовно-правовая защита прав и свобод личности: материалы международной научной конференции, посвященной 85-летию со дня рождения А.Н. Игнатова. М., 2013. С. 270–277.

¹⁰ Подробнее об этом см.: *Разгильдиев Б.Т.* Задачи Уголовного кодекса РФ и механизм их решения // INTERNATIONAL PRACTICAL CONFERENCE. THE RUSSIA IN THE CRITICAL PERIODS OF ITS DEVELOPMENT. Volzsku 22 marc 2013 st. 38–43.

¹¹ Подробнее об этом см.: Уголовное право России: курс лекций в 6 т. Т. 1. Кн. 1: Введение в уголовное право России / под ред. Б.Т. Разгильдиева. С. 31–60.

¹² Работа не предполагает уголовно-правовую характеристику видов уголовно-правового обеспечения социальной результативности. Каждый из них требует самостоятельного исследования и отдельного изложения.

¹³ См.: *Дуюнов В.К.* Уголовно-правовое воздействие: теория и практика. М., 2003. *Лопашенко Н.А.* Основы уголовно-правового воздействия. СПб., 2004; *Мирошниченко Д.В.* Уголовно-правовое воздействие на коррупцию. М., 2010; *Чучаев А.И.*, *Фирсова А.П.* Уголовно-правовое воздействие: сущность и характеристика // Lex Ryssica. 2008. № 6 и др.

¹⁴ См.: *Разгильдиев Б.Т.* Уголовно-правовое воздействие и его пределы // Правоведение. 2011. № 2. С. 178.

¹⁵ Понуждение — это воздействие на сознание и волю правоисполнителя, без ограничения его прав, свобод, законных интересов.

¹⁶ Принуждение — воздействие на сознание и волю правоисполнителя, осуществляемое ограничением его прав, свобод, законных интересов.

В.А. Абалдуев*

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА КАК НЕНОРМАТИВНЫЙ РЕГУЛЯТОР ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ТРУДА: СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ

В отрасли трудового права судебная практика занимает весьма значимое место, являясь ненормативным регулятором общественных отношений. Несмотря на то, что до настоящего времени теория права и отраслевые научные школы так и не выработали единого понимания самой

* *Абалдуев Владимир Александрович* — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой трудового права ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»

категории «судебная практика», роль данного явления в механизме правового регулирования вполне ясна и выражается во многих аспектах судебной деятельности и актах, оформляющих эту деятельность.

Применительно к сфере трудового права наиболее верным является широкое понимание категории «судебная практика», охватывающее все виды деятельности органов, составляющих судебную систему России¹, органов международного правосудия по правам человека, а также все формализованные результаты этой деятельности.

Следует заметить, что судебная практика, имеющая значение для трудовых и связанных с ними отношений, давно вышла за рамки деятельности судов общей юрисдикции² и (или) мировых судей. Она представлена и актами арбитражных судов о признании гражданско-правовых сделок трудовыми отношениями, хозяйственными спорами, связанными с налогообложением доходов работников и работодателей и т.д. Есть примеры арбитражных разбирательств, касающиеся статуса руководителей коммерческих организаций.

Регулятивное значение постановлений судов по конкретным трудовым спорам проявляется, прежде всего, в том, что они юрисдикционными средствами обеспечивают осуществление правомочий субъектов трудового права, защиту нарушенных прав и гарантируют их восстановление. Сложившаяся судебная практика обеспечивает (должна обеспечивать) единство правоприменения в тех или иных жизненных обстоятельствах. Судебная практика, представленная в официальных обзорах и обобщениях, постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, служит основой для принятия решений нижестоящими судами.

Особое место в судебной практике, определяющей содержание правового регулирования труда, занимает Конституционный Суд РФ. Его постановления о признании актов или норм трудового права не действующими и (или) позиции по отклоненным заявлениям имеют решающее значение в формировании практики применения трудового законодательства.

Главной проблемой в части осуществления регулятивной роли судебной практики в сфере труда следует признать *отсутствие в ней единства, последовательности и необходимой стабильности.*

Работодатели и иные субъекты правоприменения часто не могут с использованием имеющегося судебного опыта принять правильных решений по сложным вопросам трудового права, поскольку этот опыт не дает им такой возможности. Обычным явлением стали противоположные выводы и постановления судов одного уровня по идентичным правовым казусам. Суды различных уровней современного российского правосудия неоднократно меняли существо решения по одному и тому же трудовому спору.

Все это дезорганизует деятельность работодателей, стремящихся соблюдать закон. Хорошо известно, что в большинстве случаев при принятии сложных кадровых решений разумные руководители (да и представители государственного надзора) весьма внимательны к судебным материалам,

связанным с рассмотрением аналогичных ситуаций. К сожалению, ознакомление с такими материалами все чаще завершается тем, что правоприменитель открывает для себя массу несовпадающих и по существу, и по обоснованию выводов судов одной или нескольких инстанций.

Приведем примеры такого рода материалов.

Специалистам-трудоустроителям хорошо известна продолжавшаяся не один год «дискуссия» в форме судебных решений о том, следует ли работодателям применять постановление ЦК КПСС, Совета министров СССР и ВЦСПС от 12 февраля 1987 г. №194 о надбавках за работу в вечернюю или ночную смену. До отмены данного акта Правительством РФ позиция Верховного Суда РФ на этот счет менялась неоднократно.

Отсутствует единое принципиальное понимание судами вопроса о том, должен ли работодатель мотивировать и доказывать в суде обоснованность сокращения штатов или численности работников. Закон не содержит никаких указаний на этот счет. Пленум Верховного Суда РФ³ также не требует проверки такой мотивированности. Однако решениями коллегии Верховного Суда РФ⁴ в период экономического кризиса 2008–2010 гг. обоснование сокращения персонала признано важнейшим условием законности увольнения работников. Регулятивная роль судебной практики в данном примере очевидна. Нижестоящие суды в ходе различных совещаний с участием членов Верховного Суда РФ были ориентированы на эту позицию, которая, тем не менее, признается не всеми судами.

Отсутствие последовательности в разъяснительной практике проявилось и в судьбе пункта 3 Обзора законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за четвертый квартал 2009 г. В нем было указано на то, что месячный оклад работника не может быть ниже минимального размера оплаты труда. Спустя три месяца, без каких либо объяснений, это разъяснение было отозвано органом его издавшим - Президиумом Верховного Суда РФ⁵.

Очевидным примером противоречивой позиции высших судебных инстанций России стал опыт признания недействующими правовых актов советского трудового права, касающихся компенсаций работникам, занятым во вредных и (или) опасных условиях труда. Речь идет о Списках работ с особыми условиями труда 1974–1975 гг., дающих право на дополнительный отпуск и сокращенный рабочий день, а также об актах Госкомтруда СССР (1986 г. и др.) о повышенной оплате труда при выполнении таких работ.

Начиная с 2008 г., с принятием Постановления Правительства РФ № 870⁶, определившего минимальные размеры компенсаций за работу в особых условиях, вопрос о юридической силе указанных актов СССР решался судами РФ не один раз. Определением коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 4 апреля 2012 г. указанные акты были признаны недействующими. Однако уже 1 декабря 2012 г. определением апелляционной инстанции Верховного Суда РФ определение от 4 апреля 2012 г. было отменено. Определением Конституционного Суда РФ от 7 февраля 2013 г. советские правовые акты о компенсациях за труд в особых условиях

были еще раз признаны действующими. После этого решение Верховного Суда РФ от 14 января 2013 г., хотя и подтверждает возможность их применения, но только в связи с аттестацией рабочих мест по условиям труда и при наличии локальных актов работодателя.

Определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 28 марта 2013 г. подтверждено решение от 14 января 2013 г., но данная инстанция дополнительно указала, что работодатель вправе предоставлять соответствующие компенсации при наличии экономических возможностей, что само по себе не согласуется с Трудовым кодексом РФ (далее – ТК РФ) в редакции от 28 декабря 2013 г.

Должное единство отсутствует не только по вопросам трудового права, имеющим широкое значение, но и по более частным аспектам правоприменения, которые, думается, для сторон таких отношений не менее важны. В числе таких вопросов несовпадающие позиции судов о законности обоснования сроков трудового договора при фактически одних и тех же обстоятельствах найма работников, о праве работодателя продлевать срок трудового договора по соглашению с работником⁷.

Много лет существует проблема различного судебного толкования ситуации, когда период отсутствия работника на работе, рассматриваемый как прогул, прерывается (или не прерывается) временем обеденного перерыва. Как известно, существует два противоположных мнения судов на этот счет. Какой же из них является верным? Работодателю, видимо, придется выбирать в зависимости от позиции судов своего региона. Как в связи с этим не вспомнить В.И. Ленина⁸, который справедливо указывал на то, что государственный надзор, правосудие и законность не могут быть местными.

С проблемой неоправданного многообразия судебной практики, думается, связана иная современная *тенденция принятия так называемых «политизированных» судебных решений*, которые не безупречны с точки зрения нормативно-правового обоснования, но отражают некую направленность регулирования, которую суд в том или ином вопросе считает верной. Такая направленность чаще всего проявляется в обеспечении интересов работников.

Негативный характер такого рода решений выражается двояко. Эти примеры вызывают сомнения в качестве правосудия, осуществляемого на самом высоком уровне. Они не обеспечивают правильное понимание и применение закона работодателями и всеми нижестоящими судами.

В настоящее время эта проблема наиболее выражена в решениях о применении ст. 134 и 142 ТК РФ.

В части реализации на практике положений ст. 134 ТК РФ закон не дает ясного ответа на три вопроса: о том, по каким правилам должна индексироваться оплата труда в бюджетных организациях; обязательна ли индексация для коммерческих работодателей, если да, то по каким локальным правилам она должна проводиться?

На обязательность индексации для всех работодателей, ссылаясь на ст. 2, 130 и 134 ТК РФ, указал Конституционный Суд РФ в определении от 17 июня 2010 г. № 913-О-О⁹.

В настоящее время ученые и практики, являющиеся сторонниками индексации как универсальной обязанности работодателей, придерживаются следующего мнения: в силу предписаний ст. 2, 130 и 134 ТК РФ индексация заработной платы должна обеспечиваться всем лицам, работающим по трудовому договору. Конституционный Суд РФ также признал, что нормативные положения ст. 134 ТК РФ *не могут рассматриваться как неопределенные* и нарушающие конституционные права работодателей.

Общий вывод определения Конституционного Суда РФ от 17 июня 2010 г. таков: индексация обязательна для всех работодателей; нормы ст. 134 ТК РФ вполне определены, они никаких сомнений в обязательности индексации не вызывают, а различие состоит лишь в том, что бюджетные работодатели индексируют оплату по централизованным правилам, а коммерческие на основании принятых ими локальных источников, позволяющих учесть особенности организации труда и «иную совокупность обстоятельств».

Многие экономисты признают индексацию обязанностью всех работодателей¹⁰. Они, как и Конституционный Суд РФ, не видят в этих нормах никакой неопределенности и ссылаются на Письмо Роструда от 19 апреля 2010 г. № 1073-6-1, обязывающее коммерческих работодателей локально регулировать индексацию оплаты труда. С позиций науки трудового права и текущей судебной практики применения ст. 130 и 134 ТК РФ оценка указанных норм выглядит иначе. Статья 130 ТК РФ действительно требует обеспечивать реальный уровень содержания оплаты труда, имея в виду ее индексацию.

Однако нормы ст. 134 ТК РФ никаких ответов на этот счет не дают и не могут дать, поскольку это требует принятия развернутых правил, алогичных тем, которые содержатся в Законе РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1799-1 «Об индексации денежных доходов и сбережений граждан в РСФСР»¹¹, который утратил силу в 2005 г. Поэтому в целом нельзя согласиться с выводами Конституционного Суда РФ насчет правил индексации оплаты труда, присутствующих в ТК РФ.

Нормы ст. 134 ТК РФ *ни в коем случае нельзя считать определенными*, поскольку они не предусматривают правил индексации для бюджетных работодателей¹², не содержат конкретизированной обязанности небюджетных организаций индексировать оплату труда, они не дают никаких указаний работодателям насчет критериев и правил такой индексации. Более того, следуя позиции Конституционного Суда РФ, можно прийти к неоднозначному выводу, что бюджетные работодатели оказываются в более выгодном положении, т.к. сами ничего не должны решать на этот счет. И если законодатель для них не предусмотрит никаких правил, что они свободны от обязательств по индексации оплаты труда.

При этом коммерческие работодатели согласно позиции Конституционного Суда РФ и Письму Роструда в любом случае обязаны индексиро-

вать оплату, но как они это будут делать — их исключительное право. То есть любой механизм индексации, в т.ч. фактически позволяющий никогда реально не индексировать оплату (например, один раз в 5 лет и (или) при инфляции 50 или 100%), в принципе соответствует закону.

О какой однозначности правил ст. 134 ТК РФ можно говорить при таком положении дел? Неопределенность этих правил, думаем, очевидна для всех правоприменителей, за исключением судей Конституционного Суда РФ.

Чем еще можно объяснить такое судебное регулирование, кроме как стремлением Конституционного Суда РФ политически обеспечить интересы работников, несмотря на то, что действующие нормы ТК РФ такой возможности, по сути, не гарантируют.

Посмотрим, что происходит в судах общей юрисдикции. Неопределенность норм трудового права об индексации заработка, даже при соответствующей поддержке Конституционного Суда РФ, не обеспечила единства судебной и реальной хозяйственной практики. На сегодняшний день принято два десятка постановлений судов различного уровня как обязывающих работодателей индексировать оплату труда, так и считающих индексацию исключительным правом коммерческих работодателей.

В субъектах РФ и даже в различных судах одного уровня сложилась кардинально противоположная судебная практика на этот счет.

В одних субъектах РФ иски работников и прокуроров в интересах неопределенного круга работников судами массово удовлетворяются¹³. При этом не имеет значения, какие правила индексации укажут работодатели в локальных актах. В других субъектах в удовлетворении таких исков суды отказывают, ссылаясь на право работодателей самостоятельно принимать решения на этот счет. Обязывание работодателей к индексации рассматривается как незаконное вмешательство в их хозяйственную деятельность¹⁴.

Аналогичным образом обстоит дело с судебной практикой по применению ст. 142 ТК РФ, который не предусматривает обязанности работодателей оплачивать время приостановления работы на основании указанной статьи. Исходя из буквального прочтения норм закона, никакой объективной связи между ст. 234 и 142 ТК РФ не существует. Более того, ст. 234 ТК РФ во всех случаях оплаты вынужденного прогула основанием такой оплаты считает волевые действия работодателя, лишаящие работника возможности трудиться. Статья 142 ТК РФ не предусматривает такого ограничения права на фактический труд, поскольку работник по своей воле принимает решение работать ему или нет.

Несмотря на отсутствие прямого указания в законе на оплату периода приостановления работы и отсутствие формальной связи между статьями 142, 234, 157 ТК РФ, Верховный Суд РФ принимает «политизированное в интересах работников» решение об оплате таких периодов по правилам вынужденного прогула¹⁵. Позиция Верховного Суда РФ в этом вопросе поддержана Министерством труда и социальной защиты РФ (письмо от 25 декабря 2013 г. № 14-2-337)¹⁶.

Думается, что если законодатель действительно (вместо него этот вывод сделал Верховный Суд РФ) намеревался обеспечить имущественные интересы работника, приостановившего работу по основанию ст. 142 ТК РФ, то это было бы прямо предусмотрено законом. Пока такого указания в ТК РФ нет.

Разумеется, лучшим решением в целях устранения противоречивых примеров судебной практики по трудовым делам могло бы стать внесение устраняющих имеющиеся неясности изменений и дополнений в трудовое законодательство. Полагаем, что давно настало время для однозначного законодательного решения этих вопросов¹⁷.

Вместе с тем, имея в виду ненормативную регулируемую роль судебной практики, думаем, было бы полезно проведение региональных и (или) федеральных обобщений материалов правосудия по рассмотренным выше и иным проблемным ситуациям, а также разъяснение их в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ. Это особенно актуально для упорядочения отношений, регулируемых нормами института оплаты труда. Данные нормы и сами отношения претерпели кардинальные изменения в современной России, и правоприменение в указанной сфере уже не может обеспечиваться устаревшим Постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 24 ноября 1978 г. № 10 «О применении судами законодательства, регулирующего оплату труда рабочих и служащих»¹⁸.

В актуализации многих терминологических и содержательных категорий нуждается и основное отраслевое Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2. Речь идет о понятийном аппарате, связанном с введением в действие законодательства о специальной оценке условий труда, новых правил о применении дистанционного труда, а также об упорядочении весьма противоречивой практики срочных трудовых договоров, заключаемых на время исполнения определенной работы.

¹ См. ст. 4 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (в ред. от 5 февраля 2014 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 1, ст. 1; 2014. № 6, ст. 551.

² См.: Федеральный конституционный закон от 7 февраля 2011 г. №1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» (в ред. от 21 июля 2014 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 7, ст. 898; 2014. № 30, ч. 1, ст. 4204.

³ См.: Постановление Пленума Верховного Суда от 17 марта 2004 г. «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 3.

⁴ См.: Горохов Б.А. Трудовые споры. Чему не учат студентов: учебно-практическое пособие. М., 2011.

⁵ См.: Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 10 марта 2010 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 5; Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 16 июня 2010 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 9.

⁶ Постановление Правительства РФ от 20 ноября 2008 г. № 870 «Об установлении сокращенной продолжительности рабочего времени, ежегодного дополнительного оплачиваемого отпуска, повышенной оплаты труда работникам, занятым на тяжелых работах, работах с вредными и (или) опасными и иными особыми условиями труда» (утратило силу в связи с изданием Постановления Правительства РФ от 30 июля 2014 г. № 726).

⁷ Многочисленные примеры различных выводов судов по этим и другим вопросам, связанным со сроками трудового договора, можно встретить в справ.-правовой системе «КонсультантПлюс».

⁸ См.: Ленин В.И. О двойном подчинении и законности // Полн. собр. соч. Т. 45. С. 198.

⁹ Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системе «КонсультантПлюс».

¹⁰ См., например: Орлова Е. Индексация зарплаты // Налоговый вестник. 2013. №1; Егорова Н. Зарплата... с поправкой на инфляцию // Информационный бюллетень «Экспресс бухгалтерия». 2014. № 28.

¹¹ См.: Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 45, ст. 1488.

¹² В настоящее время индексация оплаты труда в бюджетной сфере определяется нормами не трудового, а бюджетного законодательства.

¹³ См.: Кассационные определения Верховного суда Республики Башкортостан от 9 февраля 2012 г. по делу № 33-1256/2012г., Волгоградского областного суда от 24 ноября 2011 г. по делу № 33-14941/2011; Апелляционное определение Волгоградского областного суда от 5 июля 2012 г. по делу № 33-6662/12; Кассационное определение Верховного суда Республики Карелия от 4 мая 2010 г. № 33-1248/2010; Апелляционное определение Брянского областного суда от 7 августа 2012 г.; определение Московского городского суда от 30 ноября 2011 г. по делу № 33-39027 и др. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс»

¹⁴ См.: Апелляционное определение Московского городского суда от 20 июня 2013 г. по делу № 11-19001/2013; Апелляционное определение Московского городского суда от 4 июля 2012 г. по делу № 11- 9132; Определение Санкт-Петербургского городского суда от 10 июля 2012 г. по делу № 33-8880/2012 и др. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

¹⁵ См. п. 4 Обзора законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за IV квартал 2009 г., утв. Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 10 марта 2010 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 5; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 3 сентября 2010 г. № 19-В10-10. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁶ См.: Акты и комментарии для бухгалтера. 2014. № 9.

¹⁷ Представляется, что законодатель не стремится внести ясность в правила индексации оплаты труда, поскольку это создаст реальную обязанность бюджета, обеспечивать повышение оплаты труда работников государственных или муниципальных организаций.

¹⁸ Документ официально опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

С.Ф. Афанасьев*

О СПЕЦИАЛИЗАЦИИ СУДОВ И СУДЕЙ: ОТ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА ДО СОВРЕМЕННОСТИ

Как известно, серьезный кризис в сфере судопроизводства был преодолен либеральными реформами XIX в. Император Александр II своим высочайшим повелением «О введении в действие судебных уставов» от 19 октября 1865 г. коренным образом изменил всю судебную систему Российской империи. Согласно судебным уставам на территории империи за некоторыми исключениями организовывались мировые суды, избираемые органами местного самоуправления; уездные съезды мировых судей, являвшиеся апелляционной инстанцией для дел, разрешенных мировыми судьями; окружные суды, рассматривавшие юридические коллизии, неподсудные мировому суду; судебные палаты, которые были апелляционной инстанцией для окружного суда; кассационные департаменты Сената. Другими словами, правительство Александра II, последовательно реализуя концепцию установления в России подлинно демократического судопроиз-

* Афанасьев Сергей Федорович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия».

водства, выстроило единую и жестко централизованную систему судов, в т.ч. и по гражданским делам.

Исходя из указанного, возможно было бы сделать вывод о том, что со специализированными судами покончено раз и навсегда. Вместе с тем это не совсем так. Как и ранее, большим влиянием на общество и государство обладали специализированные духовные суды. К ведомству духовных судов относились брачно-семейные дела, правовые конфликты между духовными лицами и иные споры. Причем на практике прослеживалась конкуренция церковных и светских законов, вследствие чего по многим делам возникали коллизии, связанные с подведомственностью и подсудностью дел¹.

Наряду с обыкновенными и духовными судами наличествовали также специализированные или, как их называл Е.В. Васьковский, «особенные суды»². К таковым относились коммерческие, волостные и однородные с волостными станичные, инородческие и иные суды. К примеру, коммерческие суды разрешали торговые споры на сумму свыше 150 руб., вексельные дела на сумму свыше 500 руб. и дела о торговой несостоятельности. Справедливости ради следует отметить, что коммерческие суды имелись в крупных городах и к началу XX в. стали стремительно терять свою практическую значимость. В остальных местностях дела, подведомственные коммерческим судам, рассматривались судами общей юрисдикции с применением норм устава гражданского судопроизводства, а также торгового устава.

В отличие от коммерческих пределы ведомства волостных судов основывались *не на предметном признаке, а, скорее, на субъектном*, поскольку законодатель описывал три основных субъектных критерия, дающих право обратиться в волостной суд. Во-первых, волостные суды разрешали исковые споры ценой до 100 руб. между крестьянами, касающиеся прав на движимое и недвижимое имущество; во-вторых, дела ценой свыше 100 руб. между крестьянами и лицами других сословий; в-третьих, все дела без ограничения в цене как между крестьянами, так и между крестьянами и лицами других сословий при условии, что стороны согласились передать спор на разрешение волостного суда³.

Таким образом, история развития русской судебной системы показывает, что на протяжении многих веков, несмотря на свою некоторую изолированность от Западной Европы, в рамках данной системы существовали специализированные суды (государственные и негосударственные), которые изначально создавались в зависимости от субъектного состава, принимавшего участие в разбирательстве правовых конфликтов. В XVII в. специализация судов впервые стала проходить по предметному признаку, т.е. во главу угла ставился характер спора, хотя вплоть до 1917 г. специализированные судебные инстанции выделялись и функционировали при использовании обоих названных признаков, а также их смешении.

Присутствие специализированных судов в Российской империи, на наш взгляд, объясняется совокупностью взаимосвязанных причин, таких как наличие феодальных пережитков, необходимость учета определен-

ных местных традиций и обычного права, огромное влияние на государство и общество института церкви, неразделенность судебных и административных функций и многим др. С одной стороны, специализированные судебные учреждения были эффективны, поскольку позволяли (что было особенно важно в тех исторических условиях) не оставлять без внимания сложившиеся веками устои и традиции. Но, с другой стороны, тем самым тормозили создание монолитного эффективного судебного механизма, способного оперативно и, главное, единообразно реагировать на тот или иной юридический спор, вытекавший из различных частных либо публичных материально-правовых отношений (тем более, что имели место многочисленные споры по подсудности и подведомственности дел).

В результате известных событий октября 1917 г. вся царская судебная система была уничтожена. Декретом № 1 от 24 ноября 1917 г. упразднению подверглись мировые (в тех губерниях, где они оставались, например, в Саратовской губернии мировой суд продолжал существовать и после проведения контрреформы в 70—80 гг. XIX в.) и окружные суды, судебные палаты, сенат, а также специализированные суды. Вместо них создавались местные судебные учреждения, судьи которых избирались районными, волостными, уездными, городскими и губернскими местами. Вышестоящий судебной инстанцией был верховный судебный контроль. Никакие специализированные суды различными декретами не предусматривались, а целесообразность их образования отрицалась⁴. Так, Е.К. Носов писал, что для советского государства характерна целостная юстиция, никакой иной, в частности административной юстиции, быть не может⁵.

Посредством первых законодательных актов, в т.ч. ГПК РСФСР 1923 г., было сформулировано универсальное правило о единстве и неделимости всей судебной системы. Государственные, а тем более негосударственные специализированные учреждения не вписывались в единое системное судебное пространство. Правда, с провозглашением новой экономической политики в судебной системе наличествовали также арбитражные комиссии, в компетенцию которых входило разрешение споров между государственными предприятиями⁶. Однако уже к началу 30-х гг. данные специализированные органы были выведены за рамки судебной вертикали, в связи с чем создавался государственный арбитраж, занимавшийся одновременно административно-хозяйственной и посреднической деятельностью, касавшейся урегулирования конфликтных правовых ситуаций между государственными предприятиями и учреждениями.

Институт специализированных судов не содержался и в ГПК РСФСР 1964 г. В Кодексе отмечалось, что все гражданские дела разрешаются в рамках искового производства, производства по делам, возникающим из административно-правовых отношений и особого производства. Несмотря на это, некоторые формы специализированных судов все-таки существовали. Очевидно, что к специализированным судам относились военные трибуналы, но они занимались рассмотрением преступлений, совершен-

ных военнослужащими, гражданско-правовых конфликтов они практически не затрагивали⁷.

Как уже говорилось, современная юридическая мысль вновь обратилась к проблеме специализированных судов. Думается, в этой связи можно выделить два основных направления. Часть ученых и практиков полагают, что в настоящее время необходимо стремиться к правовой унификации, а значит нецелесообразно допускать создание различных специальных судебных учреждений. Напротив, в ГПК РФ следует отказаться от производства по делам, возникающим из административно-правовых отношений, и сосредоточить все спорные дела в исковом производстве, сохранив при этом и особое. Именно поэтому первый вариант проекта нового ГПК РФ в свое время предусматривал наличие только двух видов судопроизводства по гражданским делам⁸.

Другие правоведы считают, что специализированные суды — это универсальное средство повышения качества рассмотрения гражданских дел, т.к. судьи будут заниматься лишь специфическими категориями дел, что, безусловно, отразится на судейской квалификации. Одновременно количество предлагаемых специализированных судов неуклонно растет. Чаще всего в литературе к специализированным судам в рамках гражданской юрисдикции относят арбитражные суды. При этом некоторые авторы подчеркивают, что арбитражный суд «не является специализированным в том смысле, в каком употребляется данный термин в Федеральном конституционном законе “О судебной системе Российской Федерации”»⁹.

Третья группа ученых доказывает возможность фиксирования на законодательном уровне административной юстиции. Так, Ю.А. Тихомиров предлагает создать систему административных судов, опираясь на следующие доводы: в Конституции РФ отмечается, что судебная власть осуществляется с помощью конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства¹⁰. Подобной позиции придерживаются еще ряд авторов, приводящих дополнительные аргументы, в числе которых можно назвать ссылки на те или иные исторические аналогии, перегруженность судов общей юрисдикции, тяготение к континентальной системе права и др.¹¹

Безусловно, в связи с принятием в 2013 г. Государственной Думой РФ в первом чтении Кодекса административного судопроизводства РФ интерес к административной юстиции достаточно высок как в процессуальной науке, так и на практике. Означает ли это, что в течение длительного времени многие важнейшие проблемы, непосредственно соотносящиеся с административной юстицией, окончательно решены? На этот вопрос следует ответить отрицательно. Так, до сих пор не ясно, каково содержательное наполнение термина «административная юстиция». В частности, ряд авторов полагают, что к органам административной юстиции можно отнести специальные юрисдикционные учреждения, создаваемые для урегулирования правовых споров¹². Другими словами, содержание рассматриваемой

категории трактуется в широком смысле, в связи с чем административная юстиция охватывает собой деятельность не только судебных органов.

Иные правоведы наоборот подчеркивают, что «административная юстиция — это деятельность судов (общей юрисдикции или специальных административных) по разрешению публично-правовых споров в сфере государственного управления, возникающих по поводу законности актов органов государственного управления или должностных лиц, осуществляемая в соответствии со специальными процессуальными правилами и имеющая целью прекращение действия незаконных актов управления»¹³.

Последнее определение, на наш взгляд, страдает некоторой односторонностью, поскольку содержит в себе указание на то, что функционирование судов соединено с разрешением конфликтной ситуации вследствие издания государственным органом или должностным лицом незаконного акта. На самом деле публично-правовые отношения не ограничиваются изданием каких-либо управленческих актов. В этой связи Д.Н. Бахрах под административной юстицией предлагает понимать деятельность суда по поводу законности действий (бездействий) органов государственного управления и должностных лиц при наличии соответствующего заявления, а также правосудие по жалобам граждан на акты этих органов и должностных лиц¹⁴.

Несмотря на некоторые различия в приведенных трактовках, в целом из них следует, что административная юстиция нуждается в выработке специальных процедурных правил и форм рассмотрения публично-правовых споров, а также в установлении хотя бы примерного перечня споров, относящихся к публично-правовой сфере.

Нет единства среди сторонников создания административных судов также и по вопросам правил и форм деятельности таковых, в то время как большинство из них сходятся во мнении, что разбирательство административно-правовых коллизий должно происходить на основе принципов гласности, равенства, состязательности, независимости суда и подчинения его лишь закону. Отдельные авторы указывают, что в спорах, вытекающих из властных отношений, не могут применяться принципы устности, состязательности, равенства¹⁵.

Еще сложнее дело обстоит с отнесением споров к публичным или частноправовым. Сначала надлежит установить, какие права характеризуются как публичные (*jus publicum*), а какие как частные (*jus privatum*). Пока более или менее четкого критерия не существует. По общепринятому положению спор относится к публично-правовым в том случае, когда в нем задействованы органы государственной власти и управления, а также преследуется государственный интерес. И наоборот, частноправовой спор возникает между частными лицами относительно их частного интереса. Однако такая классификация является упрощенной, например, трудно себе представить, что при признании нормативного правового акта недействующим защищается только публично-правовое отношение. Скорее, суд, прежде всего, восстанавливает субъективное право конкретного лица

и одновременно право неопределенного круга лиц, принимающих участие в данном публичном правовом отношении.

Одновременно с целесообразностью введения административных судов и административного судопроизводства в юридической литературе широко обсуждается и проблема, связанная с созданием т.н. «семейных» судов. Причем одни теоретики и практики говорят просто о семейных судах, другие утверждают, что целесообразно создать суды по делам несовершеннолетних (ювенальная юстиция) ввиду совершенствования судебной защиты прав и интересов детей.

Существенная разница между судами для несовершеннолетних и семейными судами видится в том, что первые будут рассматривать только дела по поводу совершенных несовершеннолетними правонарушений, тогда как в компетенцию семейного суда входит комплекс вопросов не обязательно уголовно-правового характера. Например, семейные суды могли бы разрешать дела относительно преступной деятельности несовершеннолетних, преступных деяний взрослых, наносящих ущерб несовершеннолетним, споры, вытекающие из гражданских, семейных правоотношений с участием детей и др.¹⁶ Р. Хисматуллин в этой связи пишет, что семейные суды должны действовать наряду с судами общей юрисдикции в каждом районе (городе). Если же суд общей юрисдикции в процессе рассмотрения спора установит, что в деле затрагиваются интересы лиц, не достигших 18-летнего возраста, то он обязан вынести определение о направлении дела в семейный суд по делам несовершеннолетних. Более того, таким судам, как считает автор, будут подсудны дела об административных правонарушениях, совершенных несовершеннолетними лицами¹⁷.

Подобный подход вызывает целый комплекс вопросов. Каков будет коэффициент полезного действия судов со смешанной юрисдикцией, т.е. сможет ли семейный суд функционировать эффективно по различным направлениям (гражданско-правовым и уголовно-правовым) одновременно? Если нет, то означает ли это необходимость создания и введения в действие узко специализированных судов по гражданским, административным и уголовным делам? Вследствие чего ювенальные суды будут разрешать споры, затрагивающие права и интересы лиц, не достигших 18-летнего возраста, связанные с административными правонарушениями, ведь предлагается задействовать механизм административных судов? Проще говоря, уже на уровне теоретических посылов зарождается проблема разграничения подсудности гражданских дел, которая на практике, вне всякого сомнения, приобретет еще более сложные формы и существенно обострит и без того имеющиеся противоречия.

Примечательно, что многие правоведы не ограничиваются предложениями о целесообразности существования административных, семейных (ювенальных) судов. Имеют место радикальные точки зрения о создании и включении в судебную систему также Патентного суда РФ, пенитенциарных судов, судов по налоговым, трудовым, земельным и прочим спорам¹⁸.

Не ставя под сомнение то, что подробно описанное направление юридической мысли, касающееся развития концепции специализации судов и приобретающее в последнее время все большее количество сторонников, действительно содержит в себе множество рациональных моментов, все же в корне не согласимся с ним. По нашему мнению, как было показано выше, в результате образования системы специализированных судов возникнет большое количество вопросов, начиная с технических, организационных и заканчивая сугубо правовыми, в частности процессуальными. Разрешение многих из них в сложившихся экономических, политических и правовых условиях просто невозможно, иные нуждаются в детальной проработке.

Аргументация сторонников специализации судов сводится по существу к двум аспектам. Во-первых, специализация, по их мнению, создаст предпосылки к ускорению осуществления правосудия. Во-вторых, судьи специализированных судов, имея специальную подготовку, будут качественнее рассматривать гражданские дела. Однако не стоит забывать и слова крупного отечественного ученого, представителя науки административного права А.И. Елистратова. В своем монографическом труде «Основные начала административного права», вышедшем в свет в 1914 г. и посвященном догматической разработке русского административного права, он сделал вывод о том, что необходимую подготовку «можно одинаково потребовать и от членов специального суда, и от членов того отделения общего суда, которое было бы предназначено для рассмотрения административных исков (а также и иных категорий дел. — С.А.): ведь вырабатываются в настоящее время в общих судах одни судьи — специалисты по гражданским и другие — по уголовным делам. Что же касается ускорения судопроизводства по административным делам, то для этого общий суд вряд ли может оказаться помехой: у нас и по гражданским делам производство в соответствующих случаях бывает и сокращенным, и упрощенным»¹⁹.

Необходимо создавать дополнительные судебные системы и подсистемы, когда в Российской Федерации существует единый судебный механизм, который проще подвергнуть усовершенствованию, чем кардинальной ломке. Вследствие этого законодателю следует остановиться не на концепции специализации судов, а на тезисе о специализации судей, работающих в судах общей юрисдикции. В связи с этим полностью поддерживаем высказывание Д.Н. Бахраха, который пишет: «А почему не специализация судей? Мало кому приходит в голову идея создать специальные уголовные или гражданские суды, хотя многие уголовные и гражданские дела намного сложнее административных. Опыт арбитражных судов, в которых за несколько лет сложилась система коллегий по административным делам, свидетельствует о преимуществах такого пути. К тому же общение с коллегами, рассматривающими иные категории дел, только расширит кругозор судей»²⁰.

Исходя из этого, полагаем, что нет никакой надобности вообще в специализированных судах в Российской Федерации, ГПК РФ и АПК РФ в целом вполне соответствуют потребностям практики. Следует придерживаться

централизации и единства судебной системы, в противном случае новеллы, связанные с внедрением специализированных судебных учреждений приведут к разрушению судебной вертикали, к размыванию единообразия в правоприменительной практике, а также к существенному повышению затрат государства, а значит налогоплательщиков, на организацию правосудия.

¹ См.: Оршанский И.Г. Исследования по русскому праву: обычному и брачному. СПб., 1879. С. 240–241.

² Васильковский Е.В. Курс гражданского процесса. Т. I. М., 1913. С. 32.

³ Там же. С. 500–510.

⁴ См.: Клейнман А.Ф. Гражданский процесс. М., 1936. С. 11–12.

⁵ См.: Носов Е.К. К вопросу о теории советской административной юстиции // Советское право. 1925. № 4. С. 83–84.

⁶ См.: Гойхбарг А.Г. Курс гражданского процесса. М.;Л., 1928. С. 160–161.

⁷ См.: Петухов Н., Жудро К. Военная юстиция: новые решения старых проблем // Российская юстиция. 2000. № 11. С. 16.

⁸ См.: Российское государство и правовая система. Современное развитие, проблемы, перспективы / под. ред. Ю.Н. Старилова. Воронеж, 1999. С. 619.

⁹ Ярков В.В. Влияние реформы частного права на развитие системы и форм гражданской юрисдикции // Теоретические и прикладные проблемы реформы гражданской юрисдикции. Екатеринбург, 1998. С. 68.

¹⁰ См.: Тихомиров Ю.А. Административное судопроизводство в России: перспективы развития // Российская юстиция. 1998. № 8. С. 35–37.

¹¹ См.: Пилипенко А.Н. Административная юстиция в зарубежных государствах // Законодательство и экономика. 1996. № 3–4. С. 80–81.

¹² См.: Чечот Д.М. Административная юстиция. Л., 1973. С. 29.

¹³ Соловьева А.К. Перспективы развития административной юстиции в России: организационный и формальный подход // Правоведение. 1999. № 1. С. 69.

¹⁴ См.: Бахрах Д.Н. Административное право. М., 1993. С. 53.

¹⁵ См.: Демин А.А. Понятие административного процесса и Административно-процессуальный кодекс Российской Федерации // Вестник МГУ. Сер. 11, Право. 1998. № 4. С. 18–32.

¹⁶ См.: Мельникова Э.Б. Ювенальная юстиция. Проблемы уголовного права и уголовного процесса и криминологии. М., 2000. С. 100–103.

¹⁷ См.: Хисматуллин Р. Семейные суды по делам несовершеннолетних // Российская юстиция. 2000. № 3. С. 37.

¹⁸ См., например: Дикусар В. Земельные суды — в России? // Российская юстиция. 2000. № 11. С. 53.

¹⁹ Цит. по: Российское полицейское (административное) право: Конец XIX – начало XX века: хрестоматия / сост. и вступит. статья Ю.Н. Старилова. Воронеж, 1999. С. 584.

²⁰ См.: Бахрах Д. Нужна специализация судей, а не судов // Российская юстиция. 2003. № 2. С. 19.

С.А. Белоусов*

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РФ КАК СРЕДСТВО ПРЕОДОЛЕНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ДИСБАЛАНСА

Законодательный дисбаланс как комплексное, многоаспектное явление, выражающееся в несогласованности образующих его форму и содержание элементов либо в неравновесии используемых им средств, «отравляет» всю правовую систему, препятствует правореализации, создает

* Белоусов Сергей Александрович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия».

юридические конфликты на всех стадиях действия права. Устранить законодательный дисбаланс (посредством правотворчества) возможно далеко не во всех случаях либо же возможно, но не одновременно, поэтому в противодействии негативным проявлениям законодательного дисбаланса немаловажную роль играют акты толкования высших судебных инстанций, в частности постановления Пленума Верховного Суда РФ. Необходимо оговориться, что высшие судебные инстанции посредством принятия своих актов могут именно *преодолеть* законодательный дисбаланс. Не следует путать термины «преодоление» и «устранение». Судебные органы даже высшего звена как представители судебной ветви власти не обладают полномочиями правотворческих органов, не могут и не должны их подменять. А устранение законодательного дисбаланса — прерогатива именно правотворческих органов.

Судебное толкование чаще всего порождается такими формами проявления законодательного дисбаланса, как пробелы в праве (отрицательный дисбаланс) или же, напротив, избыточное правовое регулирование, в т.ч. коллизии, прямые противоречия (положительный дисбаланс). Т.В. Соловьева предлагает классифицировать постановления Пленума Верховного Суда РФ в зависимости от их содержательной направленности на три группы: 1) акты, цель принятия которых состоит в выявлении смысла нормативных правовых предписаний, 2) направленные на преодоление пробелов в законодательстве, 3) призванные устранять противоречия между положениями различных нормативных правовых актов¹.

Что касается пробелов как формы проявления законодательного дисбаланса, то здесь значение постановлений Пленума Верховного Суда РФ весьма существенно. Так, специалистами отмечается, что правовая база института особого порядка судебного разбирательства (гл. 40 ГПК РФ) явно недостаточна². Преодолеть сложившийся отрицательный дисбаланс в рассматриваемой сфере было призвано Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 декабря 2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел»³.

Еще одним примером акта толкования высшей судебной инстанции, направленного на преодоление отрицательного законодательного дисбаланса, в чрезвычайно важной, «злободневной» сфере общественных отношений можно считать Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»⁴. Законодательный дисбаланс в рассматриваемой сфере объективно детерминирован недостаточностью «объема» регулирующего ее нормативного материала (к которому относятся Конституция РФ, Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»⁵, Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»⁶), многообразием и, главное, динамикой развития данных отношений.

Попытка устранения законодательного дисбаланса в сфере борьбы с коррупцией уже предпринималась ранее. С этой целью было принято Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе»⁷, которое в свое время достаточно эффективно реализовывало поставленные перед ним задачи. Однако изменения в исследуемой области общественных отношений детерминировали реформирование опосредующего его законодательства об ответственности, которое оказалось далеко не сбалансированным. Здесь мы еще раз убеждаемся в верности тезиса об объективной неизбежности появления законодательного дисбаланса и отнесенной «недолговечности» любого из методов противодействия ему.

В Постановлении 2013 г. затронуты такие вопросы, как субъект получения взятки, момент окончания преступления, особенности квалификации получения взятки группой лиц или по предварительному сговору, законодательное регулирование которых до момента его принятия нельзя было назвать сбалансированным, а толкование — единообразным. При этом, в частности, в вопросе определения субъекта получения взятки Постановление 2013 г. сбалансировано с уже принятыми актами, в частности, с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий»⁸ в том смысле, что не содержит излишнего дублирования приведенного в последнем перечне субъектов.

Специфика преодоления законодательного дисбаланса путем принятия высшим судебным органом акта толкования, по сравнению с иными способами борьбы с данным негативным явлением правовой действительности, выражается в ряде факторов, например, в том, что в разработке Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. приняли участие известные криминалисты, в т.ч. специализирующиеся в изучении проблем применения законодательства об ответственности за преступления против интересов службы. Участие заключалось как в подготовке рецензии на первый вариант проекта Постановления, подготовленного рабочей группой Верховного Суда РФ, так и в дискуссии относительно представленного варианта в рамках научно-практической конференции, организованной Верховным Судом РФ (март 2013 г.)⁹.

Постановления Пленума Верховного Суда РФ способствуют преодолению законодательного дисбаланса. Законодательство об исполнении приговора оценивается как крайне нестабильное ввиду постоянного появления все новых и новых норм, далеко не всегда согласованных друг с другом¹⁰. В частности, в гл. 47 УПК РФ «Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора» с момента введения ее в действие внесено около 40 изменений и дополнений, постоянно «совершенствуются» и нормы Уголовно-исполнительного кодекса РФ в данной сфере. Результат образовавшегося в законодательстве дис-

баланса — стихийная и противоречивая практика его применения. В качестве способа исправления сложившейся ситуации было использовано издание специального акта толкования¹¹.

Особенность рассматриваемого способа преодоления законодательного дисбаланса состоит в том, что акты высших судебных инстанций тематически направлены на наиболее «болезненные точки» правового регулирования, «обострившиеся» именно на данном этапе развития общества. Противоречивость правоприменительной практики на определенном участке правового регулирования свидетельствует об актуализации соответствующих отношений, что требует дополнительного урегулирования со стороны права. При этом, к сожалению, законодатель не всегда способен разрешить ситуацию с должной степенью оперативности, а образовавшийся дисбаланс тем временем только прогрессирует и создает все новые и новые трудности в правоприменении. И помощь, пусть в какой-то степени и временную, способны оказать правоинтерпретационные акты.

Таким образом, постановления Пленума Верховного Суда РФ можно рассматривать как оперативный, но при этом (что является неизбежной «обратной стороной» их природы) временный способ борьбы с различными формами законодательного дисбаланса, направленный на его преодоление в определенных сферах правового регулирования общественных отношений, актуализация которых порождает проблемы в правоприменении. При этом постановления Пленума Верховного Суда РФ в равной мере могут способствовать преодолению как отрицательного (выражающегося в недостаточности законодательного урегулирования), так и положительного (предстающего в виде избыточности законодательной регламентации, порождающей прямые противоречия юридических норм) дисбаланса.

¹ См.: Соловьева Т.В. Соблюдение постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации судами общей юрисдикции // Право. Законодательство. Личность. 2012. № 1 (14). С. 158–159.

² См.: Ежеленко Ю.А. Значение постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации об особом порядке судебного разбирательства // Lex Russica = Русский закон. 2007. Т. LXVI. № 6. С. 1199.

³ См.: Российская газета. 2006. 20 дек.

⁴ См.: Российская газета. 2013. 17 июля.

⁵ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 52, ч. 1, ст. 6228.

⁶ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 33, ч. 1, ст. 3418.

⁷ См.: Российская газета. 2000. 23 февр.

⁸ См.: Российская газета. 2009. 30 окт.

⁹ См.: Яни П. Новое Постановление Пленума Верховного Суда о взяточничестве // Законность. 2013. № 9. С. 35.

¹⁰ См.: Николюк В.В. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21: все ли разъяснения даны? // Научный вестник Омской академии МВД России. 2012. № 2. С. 71–74.

¹¹ См.: О практике применения судами законодательства об исполнении приговора: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21 // Российская газета. 2011. 30 дек.

Т.В. Соловьева*

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ВЫСШИХ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ В НОВОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Одной из многочисленных целей деятельности высших судебных органов¹ выступает толкование нормативных предписаний, содержащихся в законодательных актах. При этом единое нормативное регулирование характера постановлений, содержащих разъяснения относительно порядка применения определенных норм, в законодательстве Российской Федерации отсутствует.

Применительно к деятельности Верховного Суда РФ отметим, что за последние годы было принято два основных федеральных конституционных закона (далее — ФКЗ). Так, в 2011 г. был принят ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации»², который определил порядок функционирования данного Суда, но позднее глава, регулирующая деятельность Верховного Суда РФ, была исключена из указанного нормативного акта, поскольку в 2014 г. был принят ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации»³, в котором получили закрепление основные правила деятельности Верховного Суда РФ как единого вышестоящего судебного органа в сфере гражданского процесса, после объединения Верховного Суда РФ (ранее действовавшего как высшего судебного органа в системе судов общей юрисдикции) и Высшего Арбитражного Суда РФ (ранее действовавшего как высшего судебного органа в системе арбитражных судов). Несмотря на детальное регулирование деятельности нового Верховного Суда РФ, за рамками остались достаточно важные вопросы, а именно, понятие актов Верховного Суда РФ, их виды, характер для нижестоящих судов и порядок реализации.

Общее правило, касающееся характера судебных постановлений судов общей юрисдикции, в настоящее время содержится в ч.8 ст.5 ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации». Оно закрепляет обязательность вступивших в силу судебных актов судов общей юрисдикции для всех субъектов права. Кроме того, на обязательность судебных постановлений указывает ст. 13 ГПК РФ. Вряд ли можно говорить о применимости названных положений к постановлениям Пленума Верховного Суда РФ, содержащим толкование норм права.

Несколько иная ситуация сложилась в период существования Высшего Арбитражного Суда РФ. Так, в ст. 7 ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации»⁴ указывается на обязательность всех актов арбитражных судов для всех субъектов права. Данный Закон содержал четкое указание на обязательность для арбитражных судов в Российской Федерации постановлений Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ (ч. 2

* Соловьева Татьяна Владимировна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия».

ст. 13). Кроме того, в ч. 4 ст. 170 АПК РФ устанавливалась возможность указания в мотивировочной части решения на постановления Пленума и Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ. В настоящее время ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» и АПК РФ претерпели существенные изменения. В частности, ст.13 ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» утратила силу, а с 28 июня 2014 г. ч. 4 ст. 170 АПК РФ изменена с учетом объединения судов и теперь она содержит указание на возможность включения в мотивировочную часть решения ссылок на постановления Пленума и Президиума Верховного Суда РФ и сохранивших силу постановлений Пленума и Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ по вопросам судебной практики.

Таким образом, можно констатировать различный подход законодателя к установленному характеру постановлений Верховного Суда РФ для судов общей юрисдикции и арбитражных судов.

Что касается характера постановлений Конституционного Суда РФ, отметим, что ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» закрепляет их обязательный характер для всех субъектов на всей территории Российской Федерации (ст. 6). Данная статья уже подразумевает необходимость реализации постановлений Конституционного Суда РФ. Кроме того, ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» содержит статьи, в которых устанавливается юридическая сила решения (ст. 79), обязанность государственных органов и должностных лиц по приведению законов и иных нормативных актов в соответствие с Конституцией РФ в связи с решением Конституционного Суда РФ (ст. 80), а также закреплены последствия неисполнения решения Конституционного Суда РФ. Все это свидетельствует о необходимости материализации предписаний Конституционного Суда РФ в правоприменительной и законодательной деятельности определенных субъектов. В данном Законе также определены некоторые формы реализации решений Конституционного Суда РФ, а именно внесение необходимых изменений и (или) дополнений в нормативный акт, признанный неконституционным в отдельной его части (ст. 79), пересмотр дела компетентным органом в обычном порядке (ст. 100). На обязательность актов толкования Конституционного Суда РФ указывает ст. 106 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации».

При этом в отраслевое законодательство, в частности ГПК РФ и АПК РФ, не включены ссылки на обязательность постановлений Конституционного Суда РФ, содержащие толкование законодательства при рассмотрении и разрешении дел судами, за исключением существующей возможности пересмотра судебных постановлений, вступивших в законную силу по новым обстоятельствам (п. 3 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ, п. 3 ч. 3 ст. 311 АПК РФ) на основании постановлений Конституционного Суда РФ. Однако это лишь частные правила судопроизводства, применяемые к конкретным заинтересованным субъектам, судебные постановления по жалобам которых были предметом рассмотрения в Конституционном Суде РФ.

Несмотря на то, что Европейский суд по правам человека не входит ни в одну судебную систему государств, он все же оказывает влияние на судопроизводство посредством постановлений, содержащих толкования норм Конвенции о защите прав и основных свобод человека и гражданина. Кроме того, Европейский суд по правам человека выступает высшим органом в сфере международной юрисдикции.

Анализ международных актов, в частности Конвенции о защите прав и основных свобод человека и гражданина, позволяет говорить о том, что в ней порядок реализации постановлений Европейского суда по правам человека определен в общих чертах (ч. 1 ст. 46). При этом обязательность исполнения (приведения в действие) таких постановлений государствами-ответчиками не ставится под сомнение. Отсутствие в Конвенции норм, подробно регламентирующих порядок реализации постановлений Европейского суда по правам человека, оправдано и обусловлено самой их природой, а также разноплановостью мер принуждения, применяемых в отношении различных государств.

Если же мы обратимся к мнению Верховного Суда РФ, то увидим достаточно неопределенную позицию. Так, Верховный Суд РФ указывает, что суду также следует учитывать постановления Конституционного Суда РФ о толковании норм Конституции РФ или о признании не соответствующими Конституции РФ определенных норм; постановления Пленума Верховного Суда РФ, принятые по результатам судебного надзора и дачи разъяснений по вопросам судебной практики (ст. 126 Конституции РФ); постановления Европейского суда по правам человека, содержащие толкование норм Конвенции⁵. Из Постановления «О судебном решении» не ясной остается формулировка «следует учитывать» по определенным причинам. Во-первых, слово «следует» означает «поступать согласно чему-либо», оно не обязывает выбирать определенный тип поведения, а лишь позволяет или дает возможность поступать тем или иным образом. Во-вторых, слово «учитывать» означает «принимать во внимание», т.е. не предполагает совершения каких-либо конкретных действий, из чего можно сделать вывод, что судье предлагается сделать выбор относительно того, принимать ли во внимание определенное постановление высшего судебного органа при рассмотрении и разрешении конкретного дела. При этом выбор средств и способов «учета» остается также за судьей.

Некоторую ясность в определение сущности и значения постановлений Европейского суда по правам человека для судов РФ внес Пленум Верховного Суда РФ путем принятия постановления от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней»⁶, где закрепил, что «... правовые позиции Европейского суда по правам человека, которые содержатся в окончательных постановлениях суда, принятых в отношении Российской Федерации, являются обязательными для судов».

Несмотря на то, что законодатель не относит к источникам права постановлений высших судебных органов, они в определенных случаях выполняют такую роль (устраняют пробел, наполняют иным смыслом норму права и т.д.) и их игнорирование судьями может повлечь вынесение незаконного и необоснованного итогового постановления. Законодатель в ГПК РФ установил норму, позволяющую отменять или изменять судебные постановления, которые вынесены ввиду нарушения или неправильного применения норм права (ст. 330), с нарушением норм материального или процессуального права (ст. 387) и единообразия в толковании и применении судом норм права (ст. 391.1). Данные нормативные положения, по нашему мнению, являются специфическим видом ответственности за ненадлежащую реализацию постановлений высших судебных органов судами общей юрисдикции.

Все это свидетельствует о необходимости приведения законодательства и разъяснительной практики высших судебных органов относительно характера и значения постановлений Верховного Суда РФ, Конституционного Суда РФ и Европейского суда по правам человека к единообразию с целью недопущения появления противоречивых судебных решений при рассмотрении гражданских дел судами общей юрисдикции, арбитражными судами и обеспечения надлежащей судебной защиты прав и законных интересов заинтересованных субъектов.

После объединения Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ возникла необходимость в разработке единых правил судопроизводства в судах общей юрисдикции и арбитражных судах. Было предложено в одном нормативном акте объединить судопроизводственные правила по рассмотрению гражданских, административных и экономических дел⁷. В рабочем варианте концепции Кодекса гражданского судопроизводства в настоящее время предусматривается предписание, дополняющее содержание ч.4 ст. 170 АПК РФ. Так, предлагается, что в мотивировочной части судебного решения могут содержаться ссылки на постановления Пленума и Президиума Верховного Суда РФ и сохранившие силу постановления Пленума и Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ по вопросам судебной практики; постановления и решения Европейского суда по правам человека; решения Конституционного Суда РФ.

Думается, данное предписание свидетельствует о развитии и укоренении в законодательстве РФ судебного прецедента, однако не в полном объеме, а лишь в отношении постановлений Высших судебных органов. Такое решение вопроса относительно значения постановлений Высших судебных органов является логичным и целесообразным по своему характеру, поскольку направлено на придание завершенности деятельности высших судебных органов, направленной на толкование нормативных предписаний, в противном случае — непризнания за указанными актами обязательного характера для судов, рассматривающих и разрешающих дела в гражданском и арбитражном судопроизводстве — цель толковательной деятельности Верховного Суда РФ, Конституционного Суда РФ и Европейского суда по правам человека теряет смысл.

Полагаем, что при включении данного положения в содержание нового Кодекса гражданского судопроизводства необходимо внести некоторые дополнения, а именно включить в содержание ГПК РФ статью, устанавливающую, что постановления Пленума и Президиума Верховного Суда РФ и сохранившие силу постановления Пленума и Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ по вопросам судебной практики; постановления и решения Европейского суда по правам человека; решения Конституционного Суда РФ являются обязательными для судов при рассмотрении и разрешении гражданских дел, экономических и иных споров, связанных с предпринимательской деятельностью.

¹ К высшим судебным органам мы относим Верховный Суд РФ, Конституционный Суд РФ и Европейский суд по правам человека. Несмотря на различную сферу правового регулирования и характер полномочий перечисленных судебных органов, они выступают высшими органами в той системе, к которой относятся.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 7, ст. 898.

³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 6, ст. 550; № 45, ст. 6130.

⁴ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 18, ст. 1589.

⁵ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» // Российская газета. 2003. 26 дек.

⁶ См.: Российская газета. 2013. 5 июля.

⁷ См.: От концепции единой науки процессуального права до создания нового «единого» Гражданского процессуального кодекса. URL: <http://pro-sud-123.ru> (дата обращения: 21.11.2014).

И.В. Ефимова*

ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ ГРАЖДАНСКИХ ДЕЛ В АПЕЛЛЯЦИОННОМ ПОРЯДКЕ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Апелляция представляет собой одну из форм проверки законности и обоснованности судебных актов, не вступивших в законную силу. Необходимость осуществления такой проверки судом вышестоящей инстанции обусловлена возможностью совершения судебных ошибок.

Право на обжалование судебных актов неразрывно связано с правом на судебную защиту, гарантированным ст. 46 Конституции РФ, поскольку данное право не может быть реализовано в полном объеме при отсутствии возможности проверки судебных актов.

Развитие института обжалования судебных актов в Российской империи осуществлялось в несколько этапов¹. Период с момента появления первых правовых актов (XI в.) и до момента издания первых Судебников (конец XV в.) характеризовался отсутствием какой бы то ни было возможности обжаловать решение суда.

Период с конца XV — второй половины XIX в. ознаменовался появлением возможности обжалования судебных актов. Апелляционное производство того времени носило ревизионный характер. Вышестоящий суд, как правило, не выносил решение по существу и, отменив судебные акты, возвращал дело в суд первой инстанции для повторного рассмотрения, что приводило к волоките, значительному увеличению сроков рассмотрения дел, судебных расходов тяжущихся сторон и, как следствие, к недовольству судебной системой среди различных слоев населения Российской империи.

Судебная реформа 1864 г. существенным образом изменила судебную систему империи, в результате чего была упрощена и упорядочена процедура обжалования судебных актов, что позволило значительно сократить сроки рассмотрения гражданских дел.

20 ноября 1864 г. были утверждены и вступили в силу основные акты судебной реформы, в т.ч. Устав гражданского судопроизводства. Период с 1864 г. по 1917 г. (год отмены апелляционного производства) является третьим этапом развития института обжалования судебных актов, в течение которого действовали положения Устава гражданского судопроизводства (далее — по тексту УГС).

Одним из прогрессивных шагов судебной реформы 1864 г. было создание двух судебных систем, которые функционировали параллельно: местной (наиболее приближенной к населению) и общей.

Местные суды включали в себя волостные суды, мировых судей, и съезды мировых судей, являвшиеся апелляционной инстанцией для мировых судей. Судопроизводство мировых судей носило упрощенный, публичный и преимущественно устный характер (ст. 68 УГС)². При явке сторон мировой судья обязан был немедленно приступить к рассмотрению спора (ст. 57, 60 УГС).

Уездный съезд мировых судей как вторая инстанция действовал коллегиально в составе не менее трех судей. Съездом рассматривались дела по жалобам на решения мировых судей в апелляционном порядке, проверка решений осуществлялась в полном объеме. Стороны вправе были представлять в суд апелляционной инстанции новые доказательства, но не вправе были предъявлять новые требования, которые не были предметом рассмотрения в суде первой инстанции.

Система общих судов включала в себя окружные суды, которые создавались в округах и рассматривали дела по первой инстанции, не отнесенные к подсудности мировых судей, а также судебные палаты, являвшиеся апелляционной инстанцией по отношению к окружному суду. В отличие от мировых судей судьи окружных судов назначались императором по представлению министра юстиции и должны были иметь профессиональное образование.

Характерной особенностью апелляционного рассмотрения дел стала невозможность возвращения гражданского дела в суд первой инстанции для нового рассмотрения. Вышестоящий суд обязан был разрешить спор по существу, исходя из всей совокупности доказательств и установленных обстоятельств дела.

В УГС был закреплён принцип смешанной состязательности, который характерен и для современного судопроизводства. Данный принцип предполагал, с одной стороны, наличие у сторон обязанности доказывать обстоятельства, на которых они основывают свои требования (ст. 366, 367), с другой стороны, предусматривал активность суда в установлении фактических обстоятельств дела (предусматривалось право суда назначить осмотр на месте или экспертизу — ст. 507, 515).

Если провести историческую параллель между формированием апелляционного производства в России во второй половине XIX в. и в XXI в., то можно увидеть очень много общего. Введение института апелляции в современной России было обусловлено необходимостью совершенствования судебной системы. После 1917 г. была создана новая форма обжалования судебных актов, получившая в правовой науке название «советская кассация», которая отличалась как от классической кассации, так и от апелляции. Отличие от кассации заключалось в том, что при обжаловании актов, не вступивших в законную силу, вышестоящий суд проверял не только правовую сторону решения, но и полноту установления судом первой инстанции обстоятельств дела. В отличие от апелляции установление обстоятельств по делу могло осуществляться только судом первой инстанции.

Политические и экономические преобразования, произошедшие в России в конце XX в., обусловили необходимость проведения судебной реформы. Первым шагом в реформировании судебной системы стало введение института мировых судей. 17 декабря 1998 г. был принят Федеральный закон № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации» (в ред. от 21 июля 2014 г.)³.

Введение института мировых судей потребовало создания новой системы обжалования судебных актов, принимаемых мировыми судьями. В 2000 г. ГПК РСФСР был дополнен гл. 35.1, предусматривавшей апелляционный порядок обжалования решений и определений, выносимых мировыми судьями. Функции апелляционной инстанции были возложены на районные (городские) суды. При издании ГПК РФ в текст Кодекса была включена гл. 39, которая также регламентировала порядок обжалования решений мировых судей. Апелляционные жалобы рассматривались судьями районных (городских) судов единолично, в режиме полной апелляции, решения районных (городских) судов, принятые по результатам апелляционного рассмотрения, не подлежали кассационному обжалованию и вступали в законную силу немедленно.

Для решений, принимаемых судьями районных судов, до 2012 г. сохранялся кассационный порядок обжалования. Существование в рамках одной судебной системы апелляционного и кассационного порядка обжалования судебных актов, не вступивших в законную силу, ставило участников гражданского процесса в неравное положение. Одним из недостатков кассационного обжалования являлась возможность отмены решения суда с возвращением дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции, что

значительно увеличивало сроки рассмотрения дела. Кроме того, в связи с ратификацией Российской Федерацией в 1998 г. Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г., признанием Россией юрисдикции Европейского суда по правам человека граждане России стали обращаться в Европейский суд по правам человека с исками против Российской Федерации, связанными с необоснованно длительным судебным разбирательством.

Первые решения Европейского суда по правам человека об удовлетворении исковых требований и взыскании сумм с Российской Федерации за нарушение разумных сроков рассмотрения дел подтолкнули к дальнейшему реформированию судебной системы России и распространению апелляционного производства на решения районных (городских) судов.

Одной из сложнейших задач, которая стоит перед законодателем при формировании апелляционного производства, является выбор вида апелляционного производства — полная либо неполная апелляция.

Основной особенностью полной апелляции является право стороны при рассмотрении дела судом апелляционной инстанции сослаться на новые факты, представлять новые доказательства, суд апелляционной инстанции не связан результатами рассмотрения дела в суде первой инстанции.

При неполной апелляции вышестоящим судом проверяется сам процесс в суде первой инстанции и решение. Стороны не вправе сослаться на новые факты, представлять новые доказательства. Производство в суде апелляционной инстанции направлено не на новое разбирательство дела по существу, а на проверку принятого решения.

Положительным чертой полной апелляции является возможность установления объективной истины по делу, поскольку суд апелляционной инстанции вправе самостоятельно устанавливать новые факты. Это имеет значение, когда сторона по каким-либо объективным причинам не могла реализовать свои процессуальные права (участвовать в рассмотрении дела, представлять доказательства, защищаться от предъявленного иска).

С другой стороны, возможность пересмотра решения суда по правилам полной апелляции ведет к злоупотреблению сторонами своими процессуальными правами, к нежеланию участвовать в процессе, представлять доказательства, занимать активную позицию при рассмотрении дела в суде первой инстанции. Представление сторонами новых доказательств в суде апелляционной инстанции приводит к увеличению сроков рассмотрения дела, к удорожанию процесса для сторон, к уменьшению роли суда первой инстанции при осуществлении правосудия.

К положительным чертам неполной апелляции можно отнести больший процент утверждаемости судебных актов, усиление роли суда первой инстанции в рассмотрении дела. Невозможность представления новых доказательств в суд апелляционной инстанции вынуждает стороны проявлять большую процессуальную активность в суде первой инстанции,

разбирательство в апелляционной инстанции характеризуется меньшими материальными и временными затратами.

Как уже отмечалось, в результате судебной реформы 1864 г. в России была введена система полной апелляции, допускавшая возможность представления сторонами новых доказательств в суде первой инстанции. Вследствие изменений, внесенных в гл. 39 ГПК РФ Федеральным законом от 9 декабря 2010 г. № 353-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации»⁴, в России было создано уникальное в своем роде апелляционное производство, которое имеет черты как неполной, так и полной апелляции.

По общему правилу, закрепленному в ст. 327 и 327.1 ГПК РФ, в суде апелляционной инстанции не применяются правила о соединении и разъединении исковых требований, об изменении предмета или основания иска, об изменении размера исковых требований, о предъявлении встречного иска, о замене ненадлежащего ответчика, о привлечении к участию в деле третьих лиц. Суд апелляционной инстанции рассматривает дело в пределах доводов, изложенных в апелляционной жалобе, представлении и возражениях относительно жалобы, представления. Дополнительные доказательства принимаются судом апелляционной инстанции, если лицо, участвующее в деле, обосновало невозможность их представления в суд первой инстанции по причинам, не зависящим от него, и суд признает эти причины уважительными. Закон не содержит категоричного запрета представлять новые доказательства в суд апелляционной инстанции, но для принятия их судом апелляционной инстанции сторона должна обосновать невозможность представления доказательств в суд первой инстанции.

Ограничения, предусмотренные ст. 327 и 327.1 ГПК РФ, не распространяются на случаи, когда суд апелляционной инстанции в соответствии с ч. 4 и 5 ст. 330 ГПК РФ переходит к рассмотрению дела по правилам производства в суде первой инстанции без учета особенностей, предусмотренных гл. 39 ГПК РФ. Имеются в виду случаи, когда судом первой инстанции было допущено существенное нарушение норм процессуального права, включая случаи, когда дело рассмотрено в отсутствие лиц, участвующих в деле, не извещенных надлежащим образом о времени и месте рассмотрения дела, и когда судом принято решение о правах и обязанностях лиц, не привлеченных к участию в деле. При переходе суда апелляционной инстанции к рассмотрению дела по правилам полной апелляции возможно не только представление новых доказательств, но и привлечение к участию в деле новых лиц, изменение требований, предъявление встречного иска.

Нормы о полной апелляции в ГПК РФ существенно отличаются от норм, закрепленных в УГС 1864 г., поскольку в апелляционном производстве послереформенной России не допускалось изменение исковых требований и привлечение к участию в деле новых лиц.

Подводя итог, необходимо отметить, что возрождение апелляционного производства в современной России во многом связано с использовани-

ем опыта апелляционного производства, введенного судебной реформой 1864 г. Вместе с тем апелляционное производство в современной России отличается от ранее существовавшего производства. Законодателем создана система апелляционного производства, позволяющая рассматривать гражданские дела как в рамках неполной апелляции, так и (при наличии предусмотренных законом оснований) по правилам полной апелляции. Дальнейшее применение законодательных нововведений покажет эффективность созданной системы и соответствие ее задачам, поставленным перед правосудием на современном этапе развития общества.

¹ О классификации периодов см.: Борисова Е.А. Проверка судебных актов по гражданским делам. М., 2005.

² См.: Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. 1. СПб., 1866.

³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 51, ст. 6270; 2014. № 30, ч. 1, ст. 4277.

⁴ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 50, ст. 6611.

П.П. Царенко*

СТАНОВЛЕНИЕ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В УСЛОВИЯХ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 ГОДА

Началом практической реализации Судебной реформы принято считать открытие окружных судов в Петербурге 17 апреля и Москве 23 апреля 1866 г.

В Саратове одновременно с введением судебно-мировых учреждений 1 июня 1869 г. были упразднены палаты уголовного и гражданского суда и заменены одной «объединенной палатой», которая по своему составу, подсудности, порядку ведения и производства дел являлась преддверием окружного суда, ближайшим этапом к введению общих судебных учреждений.

В 1870 г. «состоялось Высочайше утвержденное мнение Государственного совета о введении в действие судебных уставов в губерниях Казанской, Симбирской, Самарской, Саратовской, Пензенской, Тамбовской, Смоленской и Костромской»¹. Первые шесть губерний образовали два новых округа — Казанской и Саратовской судебных палат.

Открытие Казанской судебной палаты и Казанского окружного суда состоялось 8 ноября 1870 г.²

Для Саратовского судебного округа в это время набирали сотрудников. Высочайшим приказом от 13 марта 1871 г. член Консультации при министре юстиции действительный статский советник Герман Густавович Лерхе был назначен председателем Саратовского окружного суда. По отзывам современников, Г.Г. Лерхе «был уже немолодой, заслуженный генерал... небольшого роста, сухопарый немец с жиденькими баками, юркий, светливый, иногда резкий до грубости. Он был, по-видимому, неважный

* Царенко Павел Павлович — кандидат юридических наук, судья Саратовского областного суда.

судья и юрист, т.к. в течение двух лет управления и заведования судом не сумел наладить дело и установить надлежащие порядки»³.

1 марта 1871 года Г.Г. Лерхе было предложено министром юстиции до открытия новых судебных учреждений состоять в распоряжении ревизовавшего прежние судебные учреждения Саратовского округа сенатора М.К. Катакази и принимать участие в разборе дел старых судебных мест. 15 апреля 1871 г. состоялось распоряжение о сдаче в новый окружной суд из числа решенных старой судебной палатой дел — гражданских, решенных за последние 6 лет, уголовных — за последние 3 мес., предшествовавших упразднению палаты. Остальные дела было приказано сдать в архив⁴. Для реализации этой сложной задачи состав старой палаты был увеличен.

Параллельно в Санкт-Петербурге искали подходящие кадры для новых судебных учреждений Саратовской губернии. В архивах сохранился «Высочайший приказ по Министерству юстиции от июня 23-го июля 5-го 1871 года № 18», подписанный статс-секретарем графом К.И. Паленом о назначении, в частности, Саратовского губернского прокурора, членов Саратовской судебной палаты, товарищей председателя Саратовского окружного суда, членов суда с 1-го июля 1871 г.⁵

30 июня 1871 г. столоначальник уже бывшей Саратовской («объединенной») судебной палаты Адриановский и и.д. секретаря вновь образованного суда Дроздов подали председателю окружного суда Г.Г. Лерхе последний рапорт о передаче всех наличных дел, чем было завершено существование в Саратовской губернии старого суда, уступившего свое место новому, устроенному по Судебным уставам 20 ноября 1864 г.⁶

Торжественное открытие новых судебных учреждений в Саратове состоялось 1 июля 1871 г. в зале уголовных заседаний окружного суда — это бывший частный дом купца Артамонова на углу улиц Московской и Приютской (ныне ул. Комсомольская) — в присутствии митрополита Саратовского и Царицынского Иоанникия, губернатора М.Н. Галкина-Враского, заступившего на должность городского головы А.Д.Горбунова, депутатов городской думы, гласных и других высокопоставленных лиц при большом стечении публики.

Право открытия было доверено назначенному по этому торжественному поводу императором Александром II сенатору, тайному советнику М.К. Катакази, который в своей речи особенно подчеркнул, что «при... вести о готовящемся преобразовании судебной части все сословия выразили свое полное сочувствие к делу нового суда ...что высказалось значительными пожертвованиями в видах скорейшего устройства необходимых помещений для судебных мест»⁷. В частности, земство Саратовской губернии пожертвовало 15 000 руб., городское общество — 10 000 руб. и место для сооружения здания судебных установлений. Здание Саратовского окружного суда было выстроено в 1878 г. на углу улиц Московской и Никольской (ныне — ул. Радищева), где окружные суд и палата размещались до их упразднения Декретом Совета Народных Комиссаров 24 ноября 1917 г. В этом же здании впоследствии разместился и съезд мировых судей с каме-

рами председателя и неперменного члена съезда⁸. Саратовское городское общество через своих выборных доставило из Москвы св. Евангелие и Крест, перед которыми служители Фемиды приняли судебскую присягу.

Первым старшим председателем Саратовской судебной палаты был назначен Семен Александрович Мордвинов, он не присутствовал на церемонии торжественного открытия новых судебных учреждений в Саратове, и судебную палату представлял председатель департамента А.О. Пржецславский.

А.С. Мордвинов — петербургский чиновник, «умный, знающий, трудолюбивый судья, который внимательно относился к каждому гражданскому делу; ... держал себя с большим достоинством; спокойный, сдержанный, он каждым словом, каждым взглядом, жестом давал понять окружающим, какое расстояние его отделяет от них, но при этом он не был напыщен и горделиво высокомерен»⁹. А.С. Мордвинов работал в Саратове до перевода весной 1876 г. в Сенат, когда ему на смену был назначен Н.И. Янг, чиновник почтенных лет «симпатичный, тихий, скромный, небожий, крепотливый судья, внимательно и добросовестно относившийся к делам», ничего не менявший из устоявшегося порядка¹⁰.

В Государственном архиве Саратовской области сохранилось «Дело о жительнице слободы Александрова Гая Новоузенского уезда Самарской губернии Скоковой П.И., обвиняемой в оскорблении станового пристава», которое слушалось 20 декабря 1878 г. в Саратовской судебной палате под председательством Н.И. Янга¹¹.

45-летняя солдатка Прасковья Скокова не подчинилась решению Новоузенского по крестьянским делам присутствию о продаже с публичного торга всего имущества ее первого покойного мужа Ермолая, опекуншей детей которого она состояла. Мало того, что Скокова не пустила во двор своего дома пристава 5-го стана, она еще «ругала поносительными словами («негодник, распутник»), хватала руками за плечо, трясла его и сорвала шинель». Так вот эту отчаянную бабу судья Н.И. Янг определил «без всякого ограничения в правах заключить в смиренный дом, а за неимением оного в тюрьму на два месяца, а в оскорблении станового пристава поносительными словами признать Скокову по суду оправданной»¹². Пожалел, видимо, малых деток старший председатель Саратовской судебной палаты.

Саратовская судебная палата была образована как апелляционная инстанция для рассматриваемых в окружных судах гражданских и уголовных дел, решенных без присяжных заседателей. Она же являлась судом первой инстанции по делам о государственных преступлениях. Судебная палата разделялась на департаменты уголовных и гражданских дел, каждый из которых состоял из председателя и членов, назначавшихся императором по представлению министра юстиции. При судебной палате состояли прокурорский надзор, совет присяжных поверенных и канцелярия.

Действия Саратовской судебной палаты распространялись на Саратовский судебный округ, в который входили: Астраханский, Оренбургский, Пензенский, Самарский, Саратовский, Тамбовский, Троицкий, Уральский

окружные суды. Палата была упразднена в феврале 1918 г. на основании Декрета Совета Народных Комиссаров от 24 ноября 1917 г. «О суде» с передачей функций Саратовскому губернскому комиссару юстиции, в дальнейшем нерешенные дела были распределены между местными и окружными народными судами¹³.

Решением Государственного совета Судебная реформа 1864 г. должна была быть реализована на территории Российской империи в течение 5 лет, но на практике этот процесс растянулся на 25 лет (до 1889 г.). В 1866 г. Судебные уставы были введены в Санкт-Петербурге и Москве, в следующем году — в судах Харьковской судебной палаты, в 1869 г. — Одесской, 1870 г. — Казанской. Таким образом, открытие Саратовской судебной палаты стало шестым шагом реализации Судебных уставов 1864 г. в России.

Судебным органом, юрисдикция которого распространялась на все уезды Саратовской губернии, стал Саратовский окружной суд. Состав суда при первом председателе Г.Г. Лерхе был следующий: 3 товарища председателя окружного суда (т.е. заместители), 11 членов суда, 3 секретаря суда, заведующий делами по канцелярии председателя. Кроме того, в состав Саратовского окружного суда входили прокуроры, судебные следователи и приставы, нотариусы и присяжные поверенные.

Должность прокурора была утверждена для осуществления надзора за соблюдением законов в округе Саратовского окружного суда. Прокурор Саратовского окружного суда находился в подчинении прокурора Саратовской судебной палаты и его товарищей, утверждался в должности императором по представлению министра юстиции. Прокурор руководил следствием, составлял обвинительные акты, выступал обвинителем на суде, контролировал исполнение приговоров и правильное ведение судопроизводства. Товарищи прокурора осуществляли надзор в отделениях окружного суда, на съезде мировых судей, в губернском правлении.

Первым прокурором окружного суда стал Г.Н. Юрнев, который, по мнению И.Я. Славина, «мог быть хорошим, корректным судьей, но не государственным обвинителем, не оком государевым, или, вернее говоря, министерским»¹⁴.

Почти одновременно с окружной палатой и судом 15 июня 1871 г. были открыты конторы нотариусов. Нотариусы удостоверяли подлинность документов и подписей, составляли описи имущества, выдавали свидетельства, выписки из актов книг, копии документов. Старший нотариус руководил нотариальным архивом, в который поступали на хранение книги, реестры, акты, печати нотариусов и т.д. Нотариусы назначались и увольнялись старшим председателем Судебной палаты по представлению председателя окружного суда на основании образовательного имущественного ценза.

С образованием окружных судов неразрывно связано создание нового правового института — суда присяжных. По этой форме судопроизводства в окружных судах, в т.ч. и в Саратовском, рассматривались уголовные дела, санкция закона по которым наряду с тюремным заключением, каторжными

работами предусматривала наказание в виде лишения или ограничения прав состояния (потеря сословных привилегий, лишение чинов, званий и др.).

Первое публичное судебное заседание в Саратовском окружном суде состоялось 12 июля 1871 г. по гражданскому отделению, которое проходило по вторникам и пятницам. Слушалось всего 2 дела — «оба о вводе, из них первое из дворян жены губернского секретаря Е.И. Баталиной, урожденной Юрасовой».

По уголовному отделению первые слушания без участия присяжных прошли 21 сентября 1871 г. Дело о мещанах Михаиле и Ольге Смирновых по обвинению их в истязании своего сына впоследствии было направлено для решения с участием присяжных¹⁵. С 8 ноября 1871 г. начались уголовные выездные сессии, сначала на неделю судьи окружного суда выезжали в Хвалынский, затем сессии длились и месяц, и полтора¹⁶.

По Судебным уставам 1864 г. право уголовной защиты было предоставлено всякому совершенно свободно и неограниченно: существовал только «образовательный ценз» — защитник должен был знать грамоту. Из-за отсутствия профессионально подготовленных присяжных поверенных в первые годы открытия судебных учреждений появились добровольцы-защитники, которые работали преимущественно в уездных городах. Случалось, что в качестве защитников в судебных заседаниях участвовали проторговавшиеся купцы, почтово-телеграфные чиновники, бывшие сельские учителя и простые люди без определенных занятий, которые не имели юридического образования и навыков публичных выступлений.

Особо значимый след в истории становления судебной системы Саратовской губернии оставил В.Р. Завадский (1836—1910) — выпускник юридического факультета Московского университета, который, будучи председателем Саратовского окружного суда в период с 1873 по 1879 г., добился получения судебными местами авансов для уплаты вознаграждения свидетелям, настаивал на проведении закона о суточном довольствии присяжным заседателям. Под руководством В.Р. Завадского был разработан и издан в 1873 г. «Особый наказ Саратовского окружного суда»¹⁷, регламентировавший структуру, внутреннюю деятельность учреждения, в т.ч. по отделениям с учетом территориальной подсудности. В нем определялась численность по отделениям, порядок судебных заседаний, дежурств, хранения вещественных доказательств, ведения канцелярии, содержание кассы, приводились правила поведения для каждого сотрудника суда и т.д.

Существующий в нынешней России регламент судебного разбирательства и правила поведения в суде, которые кажутся элементарными современным людям, вырабатывались в 70-е гг. позапрошлого века. «Все объясняющиеся с судом обращаются к лицу председательствующего. Причем, входящие в состав присутствия, кроме секретаря, и присяжные заседатели могут делать свои заявления сидя, секретарь же суда и все прочие лица, обращаясь к суду, встают со своих мест». Стоя присутствующие встречают и провожают судей, выслушивают слова присяги, вердикт присяжных, ре-

волюцию суда, приговор в его окончательной форме. Оглашение вердикта присяжных выслушивают стоя и члены суда.

Саратовские судебные учреждения, введенные Судебными уставами 20 ноября 1864 г., постепенно накапливали опыт и обретали доверие населения. Сменивший В.Р. Завадского на посту председателя Николай Иванович Непорожнев 19 февраля 1885 г. в ознаменование 25-й годовщины отмены крепостного права в России и начала «великих реформ» императора Александра II составил «Записку о деятельности Саратовского окружного суда в 1885 году», по содержанию которой можно составить представление о результатах реализации судебной реформы в Саратовской губернии¹⁸. Записка на 35 листах содержала подробные сведения о личном составе суда, количестве и качестве рассмотренных дел и поданных жалоб, сроках нахождения дел в суде, о работе судебных следователей, нотариусов и приставов, жалобах на состоящих при суде присяжных и частных поверенных, статистический раздел по канцелярии, судебному и нотариальному архивам и кассе.

Созданная судебная система в основе своей просуществовала до февраля, а затем и до октября 1917 г., когда «суды продолжали существовать ... в соответствии со сложившимися ранее формами судоустройства и судопроизводства»¹⁹.

Судебная реформа 1864 г. в России имела как положительные стороны, так и недостатки. С одной стороны, «личная свобода, полученная в результате великих реформ, дорого обошлась обществу — она привела почти к четырехкратному росту преступности»²⁰. С другой стороны, были созданы рациональные судебные институты для борьбы с традиционным правовым нигилизмом.

¹ См.: Министерство юстиции за сто лет. 1802–1902. Исторический очерк. М., 2002. С. 141.

² См.: Казанский окружной суд: 140 лет. Казань, 2010.

³ Славин И.Я. Минувшее-пережитое // Волга. 1998. №2/3. С. 148.

⁴ См.: Банцегов В.В. Записки о прошлом Саратовского окружного суда за первые XXV лет. Саратов, 1896. С. 3.

⁵ См.: Государственный архив Саратовской области. Ф. 9 Оп. 2. Д. 6. Л. 27 об. — 28.

⁶ См.: Суды Саратовской области: из прошлого в настоящее: к 140-летию Саратовского окружного суда / редкол.: А.В. Глухов [и др.]; ред.-сост. А.В. Воронихин. Саратов, 2011. С. 61.

⁷ См.: Саратовский Справочный листок. № 139.

⁸ См.: Славин И.Я. Указ. раб. С. 132.

⁹ Цит. по: Суды Саратовской области: из прошлого в настоящее: к 140-летию Саратовского окружного суда. / редкол.: А.В. Глухов [и др.]; ред.-сост. А.В. Воронихин. Саратов, 2011. С. 62.

¹⁰ См.: Там же. С. 62.

¹¹ См.: Государственный архив Саратовской области. Ф. 7. Оп. 1. Д. 104.

¹² Государственный архив Саратовской области. Ф. 7. Оп. 1. Д. 104. Л. 45.

¹³ См.: Путеводитель по фондам Государственного архива Саратовской области периода до 1917 года / отв. ред. Г.В. Захарова. Саратов, 2009. С. 57.

¹⁴ Славин И.Я. Указ. раб. С. 148.

¹⁵ См.: Там же. С. 11.

¹⁶ Цит. по: Суды Саратовской области: из прошлого в настоящее: к 140-летию Саратовского окружного суда / редкол.: А.В. Глухов [и др.]; ред.-сост. А.В. Воронихин. Саратов, 2011. С. 64–65.

¹⁷ См.: Особый наказ Саратовского окружного суда. Саратов, 1875.

¹⁸ См.: Записка о деятельности Саратовского окружного суда в 1885 году. Саратов, 1886.

¹⁹ Немытина М.В. Суд в России: вторая половина XIX — начало XX в. Саратов, 1999. С. 6.

²⁰ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. Т. 2. С. 97.

Ю.Н. Царев*

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ НЕКОТОРЫХ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПРИ РАССМОТРЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Изменения, произошедшие в нашей стране в конце XX в. в экономической, политической, идеологической и других сферах жизни общества, повлекли за собой изменения в правовой области. Начавшаяся в 90-х гг. судебная реформа, которая по своей значимости сопоставима с реформой второй половины XIX в., коренным образом изменила роль государственно-правовых институтов в жизни нашего общества. Это было обусловлено в первую очередь тем, что действовавшее на то время законодательство уже не отвечало новым потребностям, новым общественным отношениям.

Изменения коснулись и уголовно-процессуального законодательства. В частности, 22 ноября 2001 г. был принят Государственной Думой, 5 декабря одобрен Советом Федерации и 18 декабря того же года подписан Президентом РФ Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее — УПК РФ), который вступил в законную силу поэтапно с 1 июля 2002 г. Одним из новшеств данного Закона явилось закрепление в гл. 2 принципов уголовного судопроизводства, в т.ч. таких как законность, состязательность сторон, неприкосновенность личности, охрана прав и свобод человека и гражданина, презумпция невиновности, обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту и некоторых др. Большинство из этих принципов и ранее в той или иной мере существовали и применялись в уголовном судопроизводстве, однако в УПК РФ 2001 г. они наполнились новым содержанием. Так, принцип состязательности сторон получил свое законодательное закрепление во многом благодаря решениям Конституционного Суда РФ, в которых последовательно проводилась мысль о том, что функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела должны быть отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо, а суд не может являться органом уголовного преследования и выступать на стороне обвинения или защиты. Он должен лишь создавать необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав¹.

Реальное воплощение данного принципа и механизм, при помощи которого суд создает необходимые условия для состязательности сторон, содержатся в ч. 3 УПК РФ, а именно в гл. IX, посвященной судебному разбирательству, основной частью которого является судебное следствие. Именно здесь проверяют и оценивают доказательства, представляемые сторонами, на основании которых суд в дальнейшем сделает вывод о вино-

* Царев Юрий Николаевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия».

вности либо невиновности лица. Согласно ч. 1 и 2 ст. 274 УПК РФ первой представляет доказательства сторона обвинения и она же определяет очередность исследования своих доказательств. После исследования доказательств, представленных стороной обвинения, исследуются доказательства, представленные стороной защиты. Таким образом, доказательства должны быть представлены суду сторонами.

Развивая тезис о состязательности, ст. 246 УПК РФ установлено, что участие в судебном разбирательстве обвинителя обязательно. По делам публичного, частно-публичного, а также частного обвинения, если последние были возбуждены следователем либо дознавателем с согласия прокурора, бремя доказывания обвинения возложено на прокурора, который и должен представить свои доказательства суду в очередности, которую он сам определил.

Согласно ст. 74 УПК РФ доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенным действующим уголовно-процессуальным законодательством, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. В свою очередь доказательства это сведения, содержащиеся в источниках доказательств, перечисленных в ч. 2 ст. 74 УПК РФ: показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля и др. Необходимо ответить на вопрос: как обвинитель может представить доказательства (сведения), содержащиеся в показаниях тех или иных лиц, определить порядок их исследования, если тот же прокурор не наделен какими-либо полномочиями по организации и обеспечения их явки в суд? В соответствии со ст. 232 УПК РФ не обвинитель, а судья дает распоряжение о вызове на определенный день, в установленное время в суд лиц, указанных в его постановлении о назначении судебного разбирательства. Таким образом, не прокурор, не обвинитель, а суд, судья, вызывая потерпевшего, свидетелей, совершая иные процессуальные действия, обеспечивают представление доказательств участникам судебного разбирательства, вместо того, чтобы по закону именно стороны представляли эти самые доказательства суду. Может случиться так, что какого-либо свидетеля обвинитель хотел бы допросить в один день, а судья при назначении уголовного дела к судебному разбирательству вызвал его на другую дату. В связи с этим можно обратиться к положениям Гражданско-процессуального кодекса РФ, где в ст. 56 и 57 обязанность представления доказательств в подтверждение своих требований также возложена на стороны, однако эти обязанности в отличие от процесса уголовного фактически исполняются именно сторонами, а не судом.

В целях наиболее полной реализации принципа состязательности сторон в уголовном судопроизводстве полагаем необходимым расширить полномочия прокурора в судебном производстве, добавив в содержание ст. 35 Закона «О Прокуратуре Российской Федерации»² и ч. 5 ст. 246 УПК РФ

указание на то, что именно на обвинителя (по делам публичного, частного-публичного, а также частного обвинения, если последние были возбуждены следователем либо дознавателем с согласия прокурора, — на прокурора) возлагается обязанность не только представления доказательств, т.е. допроса потерпевших, свидетелей, и т.д., но и реальное обеспечение их явки в судебное заседание.

Особое внимание обращает на себя и качество представления доказательств, особенно стороной обвинения, поскольку имеют место случаи, когда обвинитель недостаточно активно и убедительно представляет доказательства суду, в т.ч. и присяжным заседателям, что явилось бы невозможным в ситуациях, когда судьи-присяжные заседатели были бы лишены правомочия задавать вопросы. Такое положение заставляло бы обвинителя более активно участвовать в процессе доказывания, применяя для этого различные приемы убеждения, в т.ч. и с использованием технических средств.

Другим важным принципом уголовного судопроизводства является закрепленное в ст. 16 УПК РФ обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту, что тесно переплетается с принципом законности. Из содержания ч. 1 и 2 ст. 16 УПК РФ следует, что подозреваемому и обвиняемому обеспечивается право на защиту. При этом суд, прокурор, следователь и дознаватель не только разъясняют подозреваемому и обвиняемому их права, но и обязаны обеспечить им возможность защищаться всеми не запрещенными законом способами и средствами. Таким образом, именно на государственные органы и их должностных лиц возлагается обязанность в необходимых случаях обеспечивать подозреваемого и обвиняемого защитником, что в свою очередь должно гарантировать реализацию принципа законности, закрепленного в ст. 7 УПК РФ. Необходимость соблюдения данного принципа, в т.ч. и на стадии предварительного расследования, обусловлена тем обстоятельством, что в силу требований ч. 1 ст. 75 УПК РФ доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ, являются недопустимыми. По смыслу закона недопустимость доказательств означает, что они не имеют юридической силы, не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания обстоятельств, составляющих предмет доказывания.

Воплощение принципа права на защиту находит свое выражение не только в ст. 16 УПК РФ, но и ряде других статей, регулирующих уголовное судопроизводство, в т.ч. определяющих правовой статус участников, а также определяющих порядок производства процессуальных и следственных (судебных) действий.

Рассмотрим некоторые аспекты реализации данных принципов при производстве некоторых следственных действий, в частности, обыска.

Согласно ст. 46, 47 УПК РФ подозреваемый и обвиняемый имеют право пользоваться помощью защитника, иметь свидание с ним наедине и конфиденциально. Причем данное право возникает у указанных лиц по новому уголовно-процессуальному закону на самых ранних стадиях: с момента воз-

буждения уголовного дела в отношении конкретного лица, фактического задержания, осуществления иных мер процессуального принуждения или иных процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, подозреваемого в совершении преступления, начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении и др. (ч. 3 ст. 49 УПК РФ).

Необходимо иметь в виду, что лицо приобретает статус подозреваемого не только при возбуждении в отношении него уголовного дела, но и тогда, когда к нему применены иные меры процессуального принуждения (ст. 111–118 УПК РФ), или его права и свободы затронуты действиями, связанными с его уголовным преследованием. Как указал Конституционный Суд РФ, факт уголовного преследования и, следовательно, направленная против конкретного лица обвинительная деятельность могут подтверждаться не только актом о возбуждении в отношении данного лица уголовного дела, но и проведением в отношении него следственных действий (обыск, опознание, допрос и др.) и иными мерами, предпринимаемыми в целях его изобличения; выявлением фактов и обстоятельств, уличающих лицо, в отношении которого ведется уголовное преследование, или свидетельствующих о наличии подозрений против него (в частности, разъяснением в соответствии с ч. 1 ст. 51 Конституции РФ права не давать показаний против себя самого). Поскольку такие действия направлены на выявление уличающих лицо, в отношении которого ведется уголовное преследование, фактов и обстоятельств, ему должна быть безотлагательно предоставлена возможность реализовать право на защиту, включая обращение за помощью к адвокату (защитнику). Тем самым обеспечиваются условия, позволяющие этому лицу получить должное представление о своих правах и обязанностях, о выдвигаемом против него обвинении³.

При этом необходимо иметь в виду, что в соответствии с ч. 2 ст. 53 УПК РФ защитник, участвующий в производстве следственного действия, в рамках оказания юридической помощи своему подзащитному вправе давать в присутствии следователя краткие консультации, задавать с разрешения следователя вопросы допрашиваемым лицам, делать замечания по поводу правильности и полноты записей в протоколе следственных действий и т.д. Таким образом, из содержания данной нормы следует, что защитник вправе присутствовать и оказывать юридическую помощь своему подзащитному не только во время допроса, но и при производстве иных следственных действий.

В ч. 11 ст. 182 УПК РФ содержится правило производства обыска, согласно которому при осуществлении данного следственного действия участвует лицо, в помещении которого производится обыск, либо совершеннолетний член семьи. Далее указывается, что при производстве обыска вправе присутствовать защитник, а также адвокат того лица, в помещении которого производится обыск. Обращает на себя внимание соблюдение именно этих положений, т.к. в практике нередки случаи их нарушения, особенно если обыск проводится не по судебному решению, а по поста-

новлению следователя в случаях, не терпящих отлагательств. Имеют место ситуации, когда лица, проводящие обыск, не всегда четко и понятно разъясняют право на защиту и тем более обеспечивают, возможность реализации данного права, тогда как именно на них законом возложена обязанность предоставления защитника, если об этом будет заявлено ходатайство лица или участие защитника обязательно по закону.

Аналогичным образом ставится вопрос о соблюдении прав участников уголовного судопроизводства при производстве других следственных действий: выемки, получения образцов для сравнительного исследования и т.д. Актуальность данного тезиса состоит в том, что в силу указанного выше требования ст. 75 УПК РФ ставится под сомнение допустимость имеющихся в деле доказательств, поскольку они получены с нарушением требований уголовно-процессуального закона. В то же время при рассмотрении и разрешении уголовных дел суду приходится опираться именно на них. Представляется, что в таких случаях острое реагирование судами на нарушение прав участников процесса, а также другие нарушения закона путем вынесения в соответствии с ч. 4 ст. 29 УПК РФ частных определений и постановлений, послужит одной из гарантий соблюдения прав личности в российском уголовном процессе.

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 28 ноября 1996 г. № 19-П «По делу о проверке конституционности статьи 418 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Картаузского районного суда Красноярского края» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 50, ст. 5679; Постановление Конституционного Суда РФ от 20 апреля 1999 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 и 4 4.1 статьи 232, части 4 статьи 248 и 4.1 статьи 258 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 17, ст. 2205.

² См.: Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 7, ст. 366.

³ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений 4.1 статьи 47 и части 2 статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гр-на Маслова» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. № 27, ст. 2882.

О.А. Лакаев*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Практика применения Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), введенного в действие с 1 июля 2002 г., показала его безусловное преимущество перед ранее действовавшим административно-деликтным законодательством ввиду систематизации норм об административной ответственности и усиления гарантий прав и свобод человека и гражданина, законных интересов юридических лиц.

* Лакаев Олег Анатольевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и муниципального права ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия».

В нем нашли отражение и конкретизацию общепризнанные принципы и нормы международного права, с большей степенью детализации урегулированы процессуальные отношения, связанные с возбуждением, рассмотрением дел об административных правонарушениях, применением мер административной ответственности, пересмотром вынесенных постановлений и решений, а также исполнением постановлений о назначении административных наказаний.

В то же время в практике применения КоАП РФ было выявлено значительное количество недостатков законодательного регулирования и юридических коллизий, в т.ч. и среди норм, регламентирующих следующие вопросы:

а) разграничение полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами, что вызывает существенные проблемы правового регулирования и правоприменения: несмотря на то, что законодателем введена ст. 1.3.1 КоАП РФ, определяющая компетенцию законодателя субъектов РФ, до настоящего времени судебной практикой выявляется проблема несоответствия региональных законов об административных правонарушениях федеральному законодательству;

б) подведомственность дел об административных правонарушениях и подсудности: четкая регламентация в законодательстве данного вопроса в значительной степени гарантирует слаженность в деятельности как органов правосудия, так и иных субъектов административной юрисдикции и, как следствие, своевременное и правильное рассмотрение дел об административных правонарушениях;

в) обжалование постановлений по делам об административных правонарушениях и решений по жалобам. В частности, лишь 14 октября 2014 г. были внесены дополнения в ч. 3 ст. 30.1 КоАП РФ, которыми было определено, в какой суд — арбитражный или общей юрисдикции — может быть обжаловано постановление по делу об административном правонарушении, вынесенного в отношении юридического лица или индивидуального предпринимателя, если деяние не связано с предпринимательской или иной экономической деятельностью. Законодатель решил этот вопрос в пользу судов общей юрисдикции, хотя проблема существовала в течение всего периода действия КоАП РФ.

Все эти и многие другие проблемы требуют принятия соответствующих изменений и дополнений как в КоАП РФ, так и в иные нормативные правовые акты, регулирующие отдельные вопросы применения административной ответственности.

По многим вопросам правоприменения принят ряд постановлений Пленума Верховного Суда РФ. Кроме того, его позиция отражена в обзорах практики, в т.ч. практики по делам об административных правонарушениях. Однако следует обратить особое внимание на вопрос, который актуализировался за последние два года. Это вопрос о применении административного наказания ниже низшего предела.

До 2013 г. существовала однозначная позиция Верховного Суда РФ, которая в значительной мере актуальна до сих пор и отражена в Постановлении Пленума от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса РФ об административных правонарушениях»¹. В нем указано следующее: при решении вопроса о назначении вида и размера административного наказания судье необходимо учитывать, что законодатель допускает возможность назначения административного наказания лишь в пределах санкций, установленных законом, предусматривающим ответственность за данное административное правонарушение с учетом характера совершенного правонарушения, личности виновного, имущественного положения правонарушителя — физического лица, финансового положения юридического лица, привлекаемого к административной ответственности, обстоятельств, смягчающих и отягчающих административную ответственность. Поэтому судья не вправе назначить наказание ниже низшего предела, установленного санкцией соответствующей статьи. Те же самые требования по аналогии распространяются и на других субъектов административной юрисдикции.

Однако материалы практики Конституционного Суда РФ отражают его позицию по поводу внесения необходимых изменений в законодательство, определяющих возможность назначения административного штрафа ниже низшего предела в целях защиты прав и законных интересов физических и юридических лиц.

Постановлением Конституционного Суда РФ от 25 февраля 2014 г. № 4-П² положения ряда норм Особенной части КоАП РФ, устанавливающих минимальные размеры административных штрафов, применяемых в отношении юридических лиц, признаны не соответствующими Конституции РФ в той мере, в какой не допускают назначения административного штрафа ниже низшего предела, указанного в соответствующей санкции, и тем самым не позволяют надлежащим образом учесть характер и последствия совершенного административного правонарушения, степень вины привлекаемого к административной ответственности юридического лица, его имущественное и финансовое положение, а также иные имеющие существенное значение для индивидуализации административной ответственности обстоятельства и, соответственно, обеспечить назначение справедливого и соразмерного административного наказания.

В данном Постановлении Конституционный Суд РФ указал, что впредь до внесения в КоАП РФ надлежащих изменений размер административного штрафа, назначаемого юридическим лицам, совершившим перечисленные в этом Постановлении административные правонарушения, а равно за совершение других административных правонарушений, минимальный размер административного штрафа за которые установлен в сумме 100 тыс. руб. и более, может быть снижен, если его наложение в установленных соответствующей санкцией пределах не отвечает целям административной

ответственности и с очевидностью влечет избыточное ограничение прав юридического лица.

Аналогичная правовая позиция Конституционного Суда РФ выражена в Постановлении от 17 января 2013 г. № 1-П³. Его резолютивная часть касается только ч. 5 ст. 19.8 КоАП РФ.

Кроме того, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 14 февраля 2013 г. № 4-П⁴ была отражена его позиция о возможности назначения административного штрафа ниже низшего предела и физическим лицам за совершение административных правонарушений, посягающих на установленный порядок организации и проведения публичных мероприятий.

Следует отметить, что резолютивная часть постановлений Конституционного Суда РФ затрагивает либо отдельные нормы КоАП РФ, либо случаи, когда минимальный размер административного штрафа для юридических лиц составляет 100 тыс. руб. и более. При этом правовая позиция, выраженная в названных постановлениях, теоретически может распространяться и на иные случаи, о чем свидетельствует характер аргументации, содержащейся в данных актах. Конституционным Судом РФ фактически рассматривалась возможность назначения административного наказания ниже низшего предела не только применительно к отдельным составам административных правонарушений, но и в иных ситуациях. Об этом свидетельствуют изложенные в этих постановлениях критерии, на основе которых правоприменитель в каждом конкретном случае вправе назначить наказание ниже низшего предела. Речь идет о тех случаях, когда значительный минимальный размер административного штрафа не позволяет в полной мере учесть характер и последствия совершенного административного правонарушения, степень вины правонарушителя, имущественное и финансовое положение физического или юридического лица, а также иные имеющие значение для дела существенные обстоятельства и обеспечить назначение справедливого и соразмерного административного наказания, отвечающего целям административной ответственности и не влекущего избыточность карательного воздействия. Несмотря на то, что окончательный вывод сформулирован Конституционным Судом РФ в отношении санкций отдельных норм, его аргументация может быть актуальна и для других составов административных правонарушений.

В итоге сложилась двоякая судебная практика. Во-первых, появились случаи, когда судьи в своих постановлениях на основе анализа постановлений Конституционного Суда РФ назначают административный штраф ниже низшего предела как физическим, так и юридическим лицам.

С другой стороны, иная практика, как правило, имеет место в вышестоящих инстанциях. Вышестоящие суды, пересматривая вынесенные постановления, указывают, что, снижая размер административного штрафа ниже низшего предела, предусмотренного санкциями различных норм КоАП РФ, суды первой инстанции неправильно применяют нормы матери-

ального права, поскольку изложенная в постановления Конституционного Суда РФ правовая позиция сформирована в результате правового анализа положений конкретных норм КоАП РФ и не содержит указаний на возможность ее распространения на составы иных административных правонарушений.

Таким образом, текущее состояние судебной практики позволяет говорить о сохранении традиционного подхода, состоящего в невозможности назначения административного наказания ниже низшего предела (кроме тех составов, по которым имеется иная позиция Конституционного Суда РФ). Однако это порождает состояние своеобразного «вакуума» между минимальным пределом административного штрафа и малозначительностью деяния. И этот «вакуум» имеет тенденцию к расширению, поскольку законодатель в последние годы ужесточает административную ответственность, увеличивая размеры административного штрафа. Постоянно расширяется перечень исключений из правила о минимальном размере административного штрафа для граждан и должностных лиц.

Последствие данного «вакуума» состоит в следующем: у судьи, органа, должностного лица, рассматривающего дело об административном правонарушении и полагающего, что назначение высокого минимального размера административного штрафа не отвечает целям административной ответственности, может возникнуть соблазн освободить делинквента от административной ответственности ввиду малозначительности деяния в ситуации фактического отсутствия малозначительности. Однако это также не будет отвечать целям административной ответственности.

Учитывая вышеизложенное, полагаем, что федеральным законодателем должны быть учтены выводы Конституционного Суда РФ и в ст. 4.1 КоАП РФ установлено правило о возможности назначения административного наказания ниже низшего предела с учетом критериев, о которых было упомянуто выше. Кроме того, практика названной судебной инстанции показывает рост числа обращений по поводу определения соответствия Конституции РФ отдельных норм Особенной части КоАП РФ в условиях, исключающих назначение административного штрафа ниже низшего предела. Тем самым законодательное решение данного вопроса одновременно избавит Конституционный Суд РФ в каждом конкретном случае многократно излагать однообразную позицию по изложенной проблеме.

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 6.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 10, ст. 1087.

³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 4, ст. 304.

⁴ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 8, ст. 868.

Е.А. Сухова*

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЗЕМЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Одной из актуальных проблем в практике применения земельного законодательства является рассмотрение земельных споров. Это обусловлено повсеместным возникновением конфликтов между субъектами земельных отношений, разрешение которых осуществляется чаще всего в судебном порядке.

Общеизвестно, что защита нарушенных прав человека судом наиболее эффективна и цивилизована¹. Согласно ст. 46 Конституции РФ каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. Решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд. Гарантия судебной защиты означает возможность любого лица обратиться в соответствующий суд за защитой нарушенного или оспариваемого права и одновременно обязанность суда принять законное и обоснованное решение. В то же время обзоры судебной практики показывают, что в земельном законодательстве еще сохраняются в течение многих лет нерешенные вопросы, не позволяющие судам единообразно применять земельно-правовые нормы. Так, значительную часть судебной практики практически каждого субъекта РФ составляют земельные споры, связанные с предоставлением прав на земельные участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности. Основные проблемы применения земельного законодательства в данной сфере обусловлены тем, что в настоящее время нормативное правовое регулирование порядка предоставления земельных участков наиболее противоречиво и имеет множество пробелов, что создает условия для злоупотреблений со стороны органов государственной власти и местного самоуправления.

Наиболее типичными нарушениями земельного законодательства, обжалуемыми в судах, в данной сфере являются: предоставление земельных участков с нарушением установленного законом порядка; неправомерное распоряжение земельными участками, находящимися в публичной собственности; превышение компетенции при принятии органами власти решений о предоставлении земельных участков; нарушение сроков рассмотрения заявлений о предоставлении земельных участков и др. При этом сложившаяся ситуация предопределяется следующими негативными факторами: отсутствие в законодательстве условий открытости и прозрачности процедур предоставления земельных участков из земель публичной собственности; административное усмотрение при принятии решений; не-

* Сухова Елена Александровна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры земельного и экологического права ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия».

сколько возможных вариантов принятия решений без точного определения условий такого принятия и др.

Кроме того, из года в год растет количество земельных споров, связанных с оспариванием кадастровой стоимости земельных участков. Основная проблема состоит в том, что кадастровая стоимость земельного участка служит базой для исчисления земельного налога, однако на практике она может намного превышать его рыночную стоимость. Следует отметить, что до 2011 г. судебная практика в данной сфере была противоречива и часто складывалась не в пользу землепользователей.

Федеральным законом от 22 июля 2010 г. № 167-ФЗ в Земельный кодекс РФ (далее — ЗК РФ) была включена прямая норма, запрещающая превышение кадастровой стоимости над рыночной (п. 3 ст. 66), а в Федеральный закон от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации»² норма, устанавливающая право физических и юридических лиц оспорить результаты определения кадастровой стоимости земельного участка в суде или комиссии по рассмотрению споров о результатах определения кадастровой стоимости на основании отчета об определении рыночной стоимости данного земельного участка по состоянию на дату, на которую определена его кадастровая стоимость (ст. 24.19).

В дальнейшем Конституционный Суд РФ в определениях от 1 марта 2011 г. и Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ в Постановлении от 28 июня 2011 г. № 913/11 по делу № А27-4849/2010 дали разъяснения по ключевым юридическим аспектам оспаривания результатов кадастровой оценки. Однако вопрос о возможности пересмотра налоговой базы по земельному налогу в случае определения судом «новой» кадастровой стоимости земельного участка за предыдущий период оставался открытым. Например, Федеральный арбитражный суд Западно-Сибирского округа придерживался позиции об отсутствии запрета в исчислении налогоплательщиком налога с учетом кадастровой стоимости, рассчитанной за соответствующий период исходя из кадастровой стоимости земельного участка, установленной судебным актом, вступившим в законную силу (постановление Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 18 июня 2014 г. по делу № А27-12625/2013). Другие же суды подчеркивали, что «новую» кадастровую стоимость можно применять только с момента внесения ее в Государственный кадастр недвижимости (далее — ГКН), а на правоотношения, возникшие до этого, она распространяться не может. Так, по мнению Федерального арбитражного суда Московского округа, рыночная стоимость объекта недвижимости доказывается заявителем и устанавливается решением суда на дату, по состоянию на которую была установлена кадастровая стоимость, однако не влияет на определение момента, с которого установленная вступившим в законную силу судебным актом рыночная стоимость применяется в качестве кадастровой стоимости. Таким образом рыночная стоимость определяется на дату проведения государственной кадастровой оценки, но применяется с момента

внесения оспариваемой кадастровой стоимости в ГКН (а не с даты, по состоянию на которую проводилась оценка). Соответствующие изменения в ГКН вносятся с момента вступления судебного акта в законную силу³.

Конституционный Суд РФ также не внес ясность в разрешение данного вопроса, однако «не исключил возможности совершенствования законодательного регулирования государственной кадастровой оценки в части процедур и сроков установления кадастровой стоимости земельного участка исходя из его рыночной стоимости»⁴.

Наконец, с проблемами применения земельного законодательства суды до настоящего времени сталкивались и при разрешении споров, связанных с разрешенным использованием земельных участков. В силу подп. 8 п. 1 ст. 1 ЗК РФ правовой режим земель определяется исходя из их принадлежности к той или иной категории и разрешенного использования в соответствии с зонированием территорий и требованиями законодательства. Виды разрешенного использования земельных участков определяются в соответствии с классификатором, утвержденным федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере земельных отношений (абз. 3 п. 2 ст. 7 ЗК РФ).

Вопросы определения, установления и изменения видов разрешенного использования всегда связаны со значительными финансовыми потоками, поэтому часто являются предметом самых разнообразных споров. Однако до настоящего времени классификатор видов разрешенного использования земельных участков не был утвержден, органы местного самоуправления определяли их произвольно. В связи с этим судами неоднократно подчеркивалось, что «правовая основа для однозначного наименования видов разрешенного использования земельных участков в законодательстве отсутствует»⁵.

Таким образом, проблемы применения земельного законодательства обозначили необходимость его реформирования. Среди наиболее значимых изменений хотелось бы отметить следующие. 22 июля 2014 г. вступил в силу Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 225-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об оценочной деятельности в Российской Федерации”»⁶, направленный на совершенствование правового регулирования оценочной деятельности в Российской Федерации. Среди положительных нововведений, касающихся государственной кадастровой оценки земель, следует отметить требование, в соответствии с которым государственная кадастровая оценка проводится теперь не чаще чем один раз в течение трех лет (в городах федерального значения — не чаще чем один раз в течение двух лет), но не реже чем один раз в течение пяти лет с даты, по состоянию на которую была проведена государственная кадастровая оценка. Что же касается вопроса применения «новой» кадастровой стоимости, законодатель закрепил следующее правило: в случае изменения кадастровой стоимости по решению комиссии или суда сведения о кадастровой стоимости, установленной решением комиссии или суда, применяются для целей,

предусмотренных законодательством РФ, с 1 января календарного года, в котором подано соответствующее заявление о пересмотре кадастровой стоимости, но не ранее даты внесения в государственный кадастр недвижимости кадастровой стоимости, которая являлась предметом оспаривания. Таким образом, проблема переплаты земельного налога за прошлые года решилась не в пользу налогоплательщика.

23 декабря 2014 г. вступит в силу Приказ Минэкономразвития России от 1 сентября 2014 г. № 540 «Об утверждении классификатора видов разрешенного использования земельных участков»⁷, который подразделяет все земельные участки на 12 групп и устанавливает 81 вид их разрешенного использования, названия которых теперь станут единообразными. На основании классификатора будут определяться виды разрешенного использования земельных участков, устанавливаемые после вступления Приказа в силу (п. 2).

Также 1 марта 2015 г. вступит в силу новый Федеральный закон от 23 июня 2014 г. № 171-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁸ (далее — Закон № 171-ФЗ). Следует подчеркнуть, что нововведения данного Закона многие эксперты уже назвали крупнейшей реформой в сфере земельных отношений за последние 14 лет. В пояснительной записке к законопроекту, впоследствии ставшему Законом № 171-ФЗ, указано, что его принятие позволит устранить многочисленные пробелы и противоречия законодательства, создать необходимые условия для эффективной работы органов государственной власти и местного самоуправления, исключить излишние административные барьеры при взаимодействии с лицами, заинтересованными в предоставлении земельных участков.

Самые важные изменения, вносимые в ЗК РФ, касаются порядка предоставления гражданам и юридическим лицам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности. В частности, определяются особенности приобретения указанными лицами земельных участков на торгах и без проведения торгов, а также за плату и бесплатно. Отдельно регулируются отношения в области установления сервитутов, перераспределения земель, передачи земельных участков, находящихся в федеральной собственности, в муниципальную собственность или в собственность субъектов РФ.

Таким образом, основная цель Закона № 171-ФЗ — совершенствование правового регулирования градостроительной деятельности и улучшение предпринимательского климата в сфере строительства. Для ее реализации поставлены следующие задачи: повысить оборот земельных участков; максимально упростить процедуру их предоставления, сделать ее прозрачной; сократить сроки предоставления земельных участков.

В целом обозначенные изменения колоссальны. Несомненно, многие из них вполне обоснованы: в действующее законодательство вводятся современные правовые конструкции; нормы ЗК РФ согласовываются с нор-

мами иных действующих законодательных актов. Однако, как известно, любые нововведения должны пройти проверку временем. Отправной точкой, безусловно, является закон, однако его применение при разрешении земельных споров — это функция судов и в первую очередь судебная практика позволит нам судить о его положительном векторе.

¹ См.: Жуйков В.М. Судебная защита прав человека: Некоторые вопросы судебной защиты прав человека (по материалам практики применения судами нового законодательства). М., 1993. С. 3.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31, ст. 3813.

³ См.: Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 24 июня 2014 г. № Ф05-5024/2014 по делу № А41-23001/13, постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 21 апреля 2014 г. № Ф05-2845/14 по делу № А41-23739/13. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 3 июля 2014 г. № 1555-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Производственная компания «Возрождение» на нарушение конституционных прав и свобод положением пункта 1 статьи 391 Налогового кодекса Российской Федерации». Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Постановление Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 15 августа 2013 г. по делу № А19-19112/2012. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 30, ч. 1, ст. 4226.

⁷ См.: Российская газета. 2014. 24 сент.

⁸ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 26, ч. 1, ст. 3377.

И.П. Кожокарь*

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ЕДИНСТВА СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Современный этап развития российского общества характеризуется сложными и противоречивыми процессами. Трансформация Российского государства в правовое сопровождается многочисленными конфликтами в социально-экономической, политической, национальной, законодательной сферах и т.д. Такое положение во многом связано с коренными преобразованиями общественных отношений, расширением области правового регулирования.

Социальное расслоение общества, межнациональные столкновения, вынужденная миграция, высокий уровень безработицы, терроризм, обесценивание моральных и духовных ценностей, коррупция — основные предпосылки противостояния личности, общества и государства в наши дни. Негативную роль в действующем законодательстве играют также противоречия и коллизии. Ослабление связей между его отраслями, излишняя множественность законов при регулировании одних общественных отношений и в то же время их недостаточность при регулировании других, несбалансированность законодательного процесса на федеральном и

* Кожокарь Игорь Петрович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и международного частного права ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия».

региональном уровнях, многочисленные нарушения конституционной процедуры принятия законов и правил законодательной техники — далеко не полный перечень негативных тенденций.

В подобных условиях огромную роль играет эффективная работа судебной системы.

Современное российское общество остро нуждается в эффективном справедливом арбитраже, деятельность которого основана исключительно на законе, а не на политической, экономической или иной целесообразности.

Реализация конституционного принципа равенства всех перед законом и судом возможна только путем единообразного применения права. Единообразный подход к реализации правовых стандартов в правоприменительной практике необходим для воплощения идей верховенства права, предсказуемого и справедливого правосудия. Именно этим объясняется наличие в процессуальном законодательстве такого основания для коррекции судебных актов в процедуре вышестоящего пересмотра, как нарушение единства судебного правоприменения.

Единство судебной практики — важнейший принцип российского законодательства. Более того, в соответствии со ст. 391.9 ГПК РФ одним из оснований для отмены или изменения судебных постановлений в порядке надзора служит нарушение единообразия в толковании и применении судами норм права. При этом следует отличать практику от прецедента. Судебная практика — это определенная тенденция разрешения судами отдельных категорий дел с учетом вступивших в законную силу решений судов, прежде всего, высшей инстанции. Она способствует единообразию в применении законов судами, т.е. это некоторый сложившийся опыт в решении однотипных судебных дел. Судебный прецедент (от лат. предшествующий) — решение определенного суда по конкретному делу, имеющее силу источника права (т.е. устанавливающее, изменяющее или отменяющее правовые нормы). Прецедентом являются решения, вынесенные по аналогичному делу, разрешенному в рамках аналогичного судопроизводства. Прецедент — случай или событие, которое имело место в прошлом и служит примером или основанием для аналогичных действий в настоящем. Судебный прецедент — решение высшего судебного органа по определенному делу, которое в дальнейшем является обязательным для судов при разрешении аналогичных дел. Итак, судебная практика — неоднократное вынесение подобных решений по однотипным делам, не имеющее силы источника права. Судебный прецедент — единственное решение по конкретному делу, имеющее силу источника права.

Однако суды не принимают во внимание практику, на которую ссылаются стороны в обосновании своей позиции, указывая на то, что в России не прецедентное право.

При этом на практике нередки случаи прямого противоречия судебных актов друг другу по одной категории дел. Очевидно, что фактические об-

стоятельства каждого дела уникальны по своему содержанию, но толкование норм, регулирующих данные отношения, должно быть единым.

Например, нарушение единообразия практики имеет место при рассмотрении вопроса о необходимости изготовления проекта специализированной организацией при исполнении решения суда о сносе самовольной постройки. Так, районным судом рассматривалось дело по заявлению физического лица об оспаривании постановления судебного пристава-исполнителя о взыскании расходов по совершению исполнительских действий. Указанные расходы были понесены взыскателем по исполнительному производству в связи с оплатой услуг специалиста по составлению проекта сноса здания.

Апелляционная инстанция, отменяя решение районного суда, удовлетворившего заявленные требования, указала на ошибочность вывода суда первой инстанции о том, что к расходам по совершению исполнительских действий могут быть отнесены только затраты по непосредственному проведению работ по сносу самовольной постройки.

В подтверждение суд привел норму п. 7 ч. 12 ст. 48 Градостроительного кодекса РФ, в соответствии с положениями которой снос капитального объекта невозможен без обязательного составления проекта организации работ по сносу или демонтажу объектов капитального строительства, их частей.

Цитата из апелляционного определения: «Изготовление проектной документации является неотъемлемой частью процедуры сноса объектов капитального строительства». Коллегия справедливо указала, что расходы по совершению исполнительских действий по исполнению требований неимущественного характера включают в себя не только снос самовольно возведенных строений, но и разработку проектно-сметной документации.

Немногим позже апелляционная инстанция преимущественно в том же составе кардинально поменяла свою позицию, оставив в силе решение районного суда о признании незаконными действий судебного пристава-исполнителя по сносу объекта капитального строительства в отсутствие согласованного с компетентными органами проекта организации работ по сносу нежилого здания.

Цитата из решения: «Суд находит доводы о незаконности действий судебного пристава-исполнителя, производящего исполнение решения суда без соответствующего проекта сноса строения, несостоятельными, не основанными на законе, поскольку в резолютивной части решения суда, а также в исполнительном документе, на основании которого возбуждено исполнительное производство и производятся исполнительные действия, отсутствует указание на необходимость сноса указанного строения с привлечением специализированной организации и разработки проекта сноса». С указанным выводом согласился областной суд.

Недопустимым данный вывод судов представляется не только потому, что в течение менее чем полгода областной суд высказался по аналогич-

ным вопросам по-разному, но и потому, что, оказывается, всю процедуру исполнения решения суда необходимо обязательно указывать в резолютивной его части. При этом действующее градостроительное законодательство прямо предусматривает составление проекта при сносе капитальных строений (норма ст. 48 Градостроительного кодекса РФ).

Подобного рода неопределенность в правоприменении приводит к дисбалансу в работе органов, исполняющих судебные акты. Особую опасность в этой связи представляют различия в толковании процессуальных норм (распределение бремени доказывания между сторонами, вопросы подведомственности и др.).

В современных условиях основная цель развития судебной системы состоит в том, чтобы сделать количество противоречий минимальным, с одной стороны, а с другой — чтобы был создан механизм, который будет служить обеспечению реального единства судебной практики. Этот организационный механизм крайне важен. И здесь огромную роль играют позиции вышестоящих судов, которые должны формировать единое понимание по конкретным вопросам в процессе правореализации. В частности, одним из таких направлений может служить подготовка различных обобщений судебной практики, более интенсивная работа над судебными актами, в которых формируется единая для всей системы позиция. Она должна приниматься во внимание всеми нижестоящими судами при рассмотрении конкретных дел. Это базовый аспект обеспечения единства судебной практики, когда практика гармонизируется в целом по категориям дел.

Ввиду этого конституционно оправданной и единообразной следует признавать лишь такую практику, которая формирует модель разрешения споров исключительно на основе правовых принципов и законов, служит эффективной защитой прав и свобод человека и гражданина. Единообразная практика необходима лишь в том случае, если она действительно позволяет исключить судебский произвол и возможность вынесения правонарушающих судебных актов. Единство судебного правоприменения не должно рассматриваться как формализованная политика судебных органов по реализации норм действующего законодательства.

Истинно единая практика формируется на уровне Верховного Суда РФ, поскольку речь идет о втором аспекте единства — об обеспечении единства процессуальными мерами.

Немаловажное значение для эффективной реализации данного принципа имеет открытость судебной власти, доступность судебных решений, что способствует снижению негативных тенденций. В этих целях необходимо увеличивать объем информации, которая размещена в открытых источниках и доступна для всех.

Обеспечение гармонизации судебной практики арбитражных судов и судов общей юрисдикции — вопрос, который в настоящее время остается актуальным. Бесспорно, объединение высших судебных инстанций должно способствовать преодолению подобных противоречий.

АННОТАЦИИ (SUMMARY)

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА HISTORY OF STATE AND LAW

Чилькина К.В.

*Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры истории государства и права ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»;
e-mail: BaryshkovaK@rambler.ru*

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ПРИНЦИПОВ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ГЕРМАНИИ В XIX ВЕКЕ

В статье раскрываются особенности развития принципов трудового законодательства в Пруссии в XIX в. Обращается внимание на содержание отдельных нормативно-правовых актов, подробно регламентирующих отношения между работодателем и работником. Выделяются факторы, способствующие развитию трудового законодательства в Германии в XIX в.

Ключевые слова: история трудового законодательства Германии, Промышленный Устав 1869 г., правовой принцип свободы промыслов, производственная демократия.

Chilkina K.V.

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of Department of History of State and Law of Saratov State Law Academy; e-mail: BaryshkovaK@rambler.ru

HISTORY OF DEVELOPMENT OF LABOUR LEGISLATION PRINCIPLES IN GERMANY IN THE XIX TH CENTURY

The article exposes the features of development of labour legislation principles in Prussia in the XIX th century. The author pays attention to some separate regulatory legal acts, which regulate relations between an employer and a worker. The author reveals the factors that develop labour legislation in Germany in XIX th century.

Keywords: history of labour legislation of Germany, Industrial Charter of 1869, legal principle of trade freedom, productive democracy.

Дородонова Н.В.

*Кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»;
e-mail: ndorodonova@sgap.ru*

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СЕМЕЙНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

В статье рассматривается значение международных договоров, внутригосударственного законодательства, судебной практики в сфере правового регулирования семейных отношений на примере бельгийского семейного права.

Ключевые слова: семейное право Бельгии, правовое регулирование, национальное законодательство, судебная практика.

Dorodonova N.V.

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of History of State and Law of Saratov State Law Academy; e-mail: ndorodonova@sgap.ru

SOME QUESTIONS OF LEGAL REGULATION OF FAMILY RELATIONS

The article is dedicated to the value of international treaties, domestic legislation, and legal precedents in the sphere of legal regulation of family relations in terms of Belgian family law.

Keywords: family law of Belgium, legal regulation, domestic legislation, legal precedents.

Полуда О.Н.

*Кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права
ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»;
e-mail: poluda77@gmail.com*

ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА СУДЕБНЫХ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Статья посвящена исследованию особенностей реализации прав и обязанностей судебных следователей во второй половине XIX в. Анализируются уголовно-процессуальное законодательство и материалы правоприменительной практики.

Ключевые слова: следователь, уголовный процесс, предварительное следствие, процессуальное положение судебного следователя

Poluda O.N.

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of Department of History of State and Law of Saratov State Law Academy; e-mail: poluda77@gmail.com

PROBLEMS OF FUNCTIONING OF COURT INVESTIGATOR INSTITUTION IN RUSSIA IN THE SECOND HALF OF 19 TH CENTURY: HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS

The article is devoted to the study of features of practical realization of court investigator institution in the post-reform Russia. In the article the criminal procedure legislation and legal precedents are analyzed.

Keywords: investigator, principles of preliminary investigation, guarantee of providing judicial power.

Николаев В.Е.

*Кандидат юридических наук,
научный сотрудник научно-исследовательского отдела
ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»;
e-mail: nivlev@list.ru*

ПРЕМИИ ОБЩЕСТВА РУССКИХ ДРАМАТИЧЕСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И ОПЕРНЫХ КОМПОЗИТОРОВ

Статья посвящена истории присуждения премий за лучшее драматическое сочинение Обществом драматических писателей и оперных композиторов. Исследуются вопросы их организационно-правового обеспечения, соблюдения авторских прав, экспертизы представляемых на конкурс пьес и некоторые другие аспекты.

Ключевые слова: премия, драматургия, история авторского права.

Nikolaev V.E.

Candidate of Legal Sciences, Research Assistant of the Research Department of Saratov State Law Academy; e-mail: nivlev@list.ru

THE AWARDS OF THE RUSSIAN DRAMA WRITER SOCIETY

The article is devoted to the history of the awards for the best dramatic work of the Russian Drama Writer Society. The author explores the issues of their legal security, copyright compliance, examination of the submitted pieces and some other aspects.

Keywords: award, drama, history of copyright.

ГРАЖДАНСКОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО CIVIL AND INTERNATIONAL PRIVATE LAW

Шмелева М.В.

Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского и международного частного права, научный сотрудник Научно-образовательного центра фундаментальных исследований ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»; e-mail: civil2012@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА КАК ГАРАНТИЯ НЕУКЛОННОГО СОБЛЮДЕНИЯ ВСЕМИ СУБЪЕКТАМИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПОЛОЖЕНИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

В статье рассматривается значение международно-правовой политики в обеспечении верховенства международного права путем запрета на произвольное толкование и применение такого права. Формулируется вывод, что международно-правовая политика должна обязывать всех субъектов международных отношений прилагать активные усилия по развитию и укреплению международного права, в т.ч. путем неуклонного следования многосторонним соглашениям, закладывающим основу международной безопасности.

Ключевые слова: международно-правовая политика, международное право, международный договор, субъекты международных отношений, приоритеты.

Shmeleva M.V.

Candidate of Legal Sciences, Senior lecturer of the Department of the Civil and International Private Law, Research assistant of the Scientific-educational center of fundamental research of Saratov State Law Academy; e-mail: civil2012@mail.ru

INTERNATIONAL LAW POLICY AS A GUARANTEE OF STEADFAST OBSERVATION OF THE INTERNATIONAL LAW DISPOSITIONS BY EACH SUBJECT OF THE INTERNATIONAL RELATIONS

The author considers the value of international law policy in ensuring the supremacy of the international law by prohibiting a violent interpretation and an application of such law. The author concludes that international law policy must oblige each subject of international relation to develop and consolidate the international law, by following multilateral agreements as the way for an international security.

Keywords: international law policy, international law, international treaty, the subjects of international relations, priorities.

Волос А.А.

*Аспирант кафедры гражданского и международного частного права
ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»;
e-mail: volos_alexey@zakon.ru*

**ПРИНЦИПЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ КРЕДИТОРА И ЗАЩИТЫ ДОЛЖНИКА
В РОССИЙСКОМ ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННОМ ПРАВЕ:
ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ**

В статье рассматриваются принципы защиты прав кредитора и защиты должника. Обосновывается, что названные категории являются принципами обязательственного права. В подтверждение данного вывода приводятся конкретные нормы ГК РФ, иных актов, материалы судебной практики.

Ключевые слова: принципы гражданского права, принципы обязательственного права, защита кредитора, защита должника.

Volos A.A.

*Postgraduate student of Department of Civil and International Private Law
of Saratov State Law Academy; e-mail: volos_alexey@zakon.ru*

**PRINCIPLES OF THE CREDITOR'S RIGHTS PROTECTION
AND THE DEBTOR'S PROTECTION IN THE RUSSIAN LIABILITY LAW:
AN INVITATION TO DISCUSSION**

This article deals with the principles of protection of the creditor rights and debtor protection. It is argued that these categories are the obligation law principles. In confirmation of this conclusion the author cites specific roles of the Russian Federation Civil Code, other acts and court materials.

Keywords: the civil law principle, the obligations law principles, creditor protection, debtor protection.

Новиков М.В.

*Аспирант кафедры гражданского и семейного права
ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»;
e-mail: latasar@mail.ru*

СТРУКТУРА КОНКУРЕНТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье рассматриваются элементы конкурентных отношений. Обосновывается авторская позиция, согласно которой конкурентные отношения представляют собой абсолютно многосторонние, безобъектные и общецелевые отношения. Формулируется вывод, что конкурентное право является подотраслью гражданского права.

Ключевые слова: конкурентные отношения; правоотношение; субъект конкурентных отношений, объект конкурентных отношений, содержание конкурентных отношений.

Novikov M.V.

*Postgraduate student of the Department of Civil and Family Law
of Saratov State Law Academy; e-mail: latasar@mail.ru*

STRUCTURE OF COMPETITIVE RELATIONS

The article deals with the elements of competitive relations. According to the author's point of view, competitive relations are absolutely-multilateral, objectless and general-purpose. The author concludes that competitive law is a sub-branch of the civil law.

Keywords: competitive relations; legal relationship; subject of competitive relations; object of competitive relations; maintenance of competitive relations.

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО FINANCIAL LAW

Королев С.Ю.

*Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры земельного
и экологического права
ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»;
e-mail: skorolev1976@mail.ru*

Швецова И.В.

*Аспирант кафедры финансового, банковского и таможенного права
ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»;
e-mail: Shvetsovalrina@yandex.ru*

ЗЕМЕЛЬНЫЙ НАЛОГ КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ БЮДЖЕТОВ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

В статье анализируется действующее налоговое законодательство и перспектива дальнейшего развития земельного налога и налога на имущество. Исследуются вопросы практики формирования налоговой системы в органах местного самоуправления; обосновывается целесообразность применения данной схемы на территории Российской Федерации.

Ключевые слова: земельный налог, налог на имущество физических лиц, единый налог на недвижимость, плата за пользование природными ресурсами.

Korolev S.Yu.

*Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of Department of Land
and Ecological Law of Saratov State Law Academy; e-mail: skorolev1976@mail.ru*

Shvetsova I.V.

*Graduate student of Department of the Financial, Banking and Customs Law
of Saratov State Law Academy; e-mail: Shvetsovalrina@yandex.ru*

LAND TAX AS A SOURCE OF MUNICIPAL BUDGETS FORMATION

The article examines the issues related to the analysis of the current tax legislation and the prospect of a further development of the land tax and property tax. The author studies the questions of practice of the tax system formation in local governments, and grounds the point of its using in the Russian Federation.

Keywords: land tax, tax on a personal property, a single tax on real estate, fee for use of natural resources.

Гугнюк И.Г.

*Аспирант кафедры финансового, банковского и таможенного права
ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»;
e-mail: i.gugnyuk@yandex.ru*

РОЛЬ КРЕДИТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В РАЗВИТИИ РАСЧЕТНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье исследуется роль кредитной организации в развитии расчетных правоотношений. Выделяется новый вид расчетов, рассматривается взаимосвязь между развитием национальной платежной системы и доступностью банковских услуг.

Ключевые слова: банковское право, кредитная организация, расчетные правоотношения, виды платежей, доступность банковских услуг.

Gugnyuk I.G.

*Postgraduate student of Department of Financial, Banking and Customs Law
of Saratov State Law Academy; e-mail: i.gugnyuk@yandex.ru*

THE ROLE OF CREDIT ORGANIZATION IN THE DEVELOPMENT OF CALCULATED LEGAL RELATIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article examines the role of the credit institution in the development of calculated legal settlement. The author points out the new kind of calculations, investigates the relationship between the development of the national payment system and the availability of banking services.

Keywords: banking law, a credit institution, the estimated relationship, methods of payment, availability of banking services.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС CRIMINAL LAW AND CRIMINAL PROCEDURE

Манова Н.С.

*Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса
ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»;
e-mail: n.manova@mail.ru*

Шестерикова А.И.

*Аспирант кафедры уголовного процесса
ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»*

О СООТНОШЕНИИ ОСНОВАНИЙ И ЦЕЛЕЙ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье рассматривается сущность фактических оснований для применения мер пресечения, проводится их разграничение с целями применения данных мер процессуального принуждения. На основе анализа положений действующего УПК РФ и суждений, высказанных в доктрине уголовного процесса о сущности оснований производства процессуальных действий, предлагается иная формулировка нормы, регламентирующей основания применения мер пресечения.

Ключевые слова: меры пресечения, основания применения мер пресечения, цели применения мер пресечения.

Manova N.S.

*Doctor of Legal Sciences, Professor of Department of Criminal Procedure
of Saratov State Law Academy; e-mail: n.manova@mail.ru*

Shesterikova A.I.

*Postgraduate student of Department of Criminal Procedure
of Saratov State Law Academy*

ON THE RELATION BETWEEN REASON AND THE PURPOSE OF THE APPLICATION OF PREVENTIVE MEASURES IN THE RUSSIAN CRIMINAL TRIAL

The article deals with the essence of a factual basis for the application of preventive measures; the distinction between them is carried out with the purpose of application of these measures for procedural coercion. The authors propose different formulation of the rules of application of preventive measures on the basis of the analysis of the provisions of the current Code of Criminal Procedure and the views expressed in the doctrine of criminal proceedings on the grounds of procedural nature of the actions.

Keywords: a preventive measure, the base application of preventive measures, the purpose of use of preventive measures.

Зароченцева Н.В.

*Помощник прокурора Измалковского района Липецкой области,
аспирант кафедры уголовного процесса
ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»;
e-mail: belokurova606@yandex.ru*

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРА ПО ПРИМЕНЕНИЮ СОГЛАСИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР: СОЦИАЛЬНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

В статье анализируются права и обязанности прокурора как участника согласительных процедур. Раскрывается функциональное назначение осуществляемой им деятельности и процессуальное положение в современном отечественном уголовном судопроизводстве, а также социальное назначение, направление деятельности и полномочия в той или иной согласительной процедуре.

Ключевые слова: согласительные процедуры, полномочия прокурора, виды согласительных процедур, социальное назначение, уголовное преследование, надзор за законностью.

Zarochentseva N.V.

*Postgraduate student of Department of Criminal Procedure of Saratov State Law
Academy; e-mail: belokurova606@yandex.ru*

FUNCTIONAL CHARACTERISTIC FOR ACTIVITY OF A PUBLIC PROSECUTOR IN CONCILIATION PROCEDURES APPLICATION: SOCIAL PURPOSE AND GUIDELINES

The article deals with analysis of rights and obligations of a public prosecutor as a participant of conciliation procedure. The functional purpose of the activity performed and procedural position in modern domestic criminal proceeding as well as social purpose, area of activity and powers in various conciliation procedures are being concerned.

Keywords: conciliation procedures, powers of a public prosecutor, conciliation types, social purpose, criminal proceedings, legal supervision.

Спесивов Н.В.

*Аспирант кафедры уголовного процесса
ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»;
e-mail: nikita_spesivov@bk.ru*

РЕАЛИЗАЦИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СТАНДАРТА О ПРАВЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ НА ПОЛУЧЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ

В статье рассматривается реализация в российском уголовном судопроизводстве международного стандарта о праве на справедливое судебное разбирательство, а именно таких его составляющих, как право на получение квалифицированной юридической и психологической помощи; проблемы участия законных представителей несовершеннолетних и создания специализированных «детских» адвокатур; выдвигается ряд предложений, в т.ч. новые редакции некоторых статей УПК РФ.

Ключевые слова: международные стандарты уголовного судопроизводства, право на справедливое судебное разбирательство, несовершеннолетние, законные представители, право несовершеннолетних на получение квалифицированной юридической помощи.

Spesivov N.V.

*Postgraduate Student of Department of Criminal Procedure
of Saratov State Law Academy; e-mail: nikita_spesivov@bk.ru*

IMPLEMENTATION OF THE INTERNATIONAL STANDARDS ON THE MINOR'S RIGHTS TO LEGAL AND PSYCHOLOGICAL ASSISTANCE IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE

The article discusses the implementation of the international standard on the right to fair trial in the Russian criminal procedure, and its components, such as the right to qualified legal and psychological assistance. The author also dwells on the problems of the participation of the lawful guardians and the establishment of specialized "child's" advocacy. After analyzing the existing legislation and practice in terms of their compliance with international standards, the author puts forward a number of proposals, including the new versions of some articles of the Criminal Procedure Code.

Keywords: international standards of criminal procedure, the right to fair trial, minors, lawful guardians, the right of minors to qualified legal assistance.

Гордеев Н.С.

*Аспирант кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»;
e-mail: nikita-rus73@mail.ru*

ОСОБЕННОСТИ ИДЕОЛОГИИ НЕОЯЗЫЧЕСКИХ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

В статье рассмотрены особенности идеологии неоязыческих экстремистских организаций как специфической разновидности экстремистской идеологии. Формулируется вывод о том, что современное неоязычество представляет собой «квазирелигию», основанную на национализме и ксенофобии, и содержит в себе, таким образом, огромный конфликтогенный потенциал, активно используемый экстремистскими организациями.

Ключевые слова: религиозный экстремизм, экстремистская идеология, неоязычество, экстремистские организации.

Gordeev N.S.

*Graduate Student of Department of Criminal and Penal Law
of Saratov State Law Academy; e-mail: nikita-rus73@mail.ru*

FEATURES OF THE NEOPAGAN IDEOLOGY OF THE EXTREMIST ORGANIZATIONS

The article describes the features of neo-pagan ideology of extremist organizations as the particular aspects of extremist ideology. The authors concludes that the modern neo-paganism is a «quasi-religion» that's based on nationalism and xenophobia; therefore it contains huge conflictogenic potential, actively used by extremist organizations.

Keywords: religious extremism, extremist ideology, neopaganism, extremist organizations.

ПО МАТЕРИАЛАМ

ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ 150-ЛЕТИЮ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ В РОССИИ RUSSIAN ACADEMIC AND RESEARCH CONFERENCE REVIEW ON THE 150TH ANNIVERSARY OF THE JUDICIAL REFORM IN RUSSIA

Ворошилова С.В.

*Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры истории государства
и права ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»;
e-mail: voroshilova-s-v@mail.ru*

СУДЕБНЫЕ УСТАВЫ 1864 ГОДА

В статье раскрываются причины проведения судебной реформы в России 1864 г., характеризуются основные принципы судостроительства и судопроизводства, закрепленные в Судебных уставах 1864 г.

Ключевые слова: Судебные уставы, Россия, судостроительство, судопроизводство, реформы Александра II.

Voroshilova S.V.

*Doctor of Legal Sciences, Associate Professor of Department of History
of State and Law of Saratov State Law Academy; e-mail: voroshilova-s-v@mail.ru*

JUDICIAL STATUTES OF 1864

The article describes the reasons of judicial reform in Russia of 1864, characterized by the basic principles of the judicial system and legal proceedings, enshrined in the Judicial statutes of 1864.

Keywords: Judicial statutes, Russia, judicial system, judicial procedure, the reforms of Alexander II.

Лядащева-Ильичева М.Н.

*Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры истории государства и права ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»;
e-mail: ljad-il@yandex.ru*

**УСТАВ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ:
К 150-ЛЕТИЮ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 ГОДА**

В статье рассматривается вопрос об изменениях Устава гражданского судопроизводства в ходе Судебной реформы 1864 г. и постепенных преобразованиях гражданского законодательства в России.

Ключевые слова: судебная реформа, история законодательства, материальное гражданское право, гражданское судопроизводство.

Lyadascheva-Ilicheva M.N.

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of Department of History of State and Law of Saratov State Law Academy; e-mail: ljad-il@yandex.ru

**CIVIL PROCEDURE STATUTE IN RUSSIA: TO THE 150TH ANNIVERSARY
OF THE JUDICIAL REFORM OF 1864**

The article discusses the changes of civil procedure statute during the Judicial reform of 1864, and gradual transformation of civil legislation.

Keywords: judicial reform, legislative history, substantive civil law, civil procedure.

Воронин А.В.

*Кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»;
e-mail: voroninsergeeva@mail.ru*

**РЕАЛИЗАЦИЯ ОГРАНИЧИТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ПРАВА
В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ОБ ОТБОРЕ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ
(СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

В статье проводится сравнительный анализ форм и методов правового регулирования суда присяжных по законодательству дореволюционной и современной России. Формулируется вывод о возможностях применения сравнительного метода при решении вопроса об использовании опыта прошлого в современном законодательстве.

Ключевые слова: суд присяжных, уголовный процесс РФ, история государства и права России, сравнительно-исторический метод в правоведении.

Voronin A.V.

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of History of State and Law of Saratov State Law Academy; e-mail: voroninsergeeva@mail.ru

**IMPLEMENTATION OF RESTRICTIVE FUNCTIONS OF LAW
IN THE RUSSIAN LEGISLATION RELATING TO SELECTION
OF JURORS (COMPARATIVE-HISTORICAL ASPECT)**

In the present paper a comparative analysis of the forms and methods of legal regulation of the jury on the law of pre-revolutionary and modern Russia is given. The author makes a conclusion about the possible applications of the comparative method when deciding about the use of past experience in contemporary law.

Keywords: trial by jury, a criminal procedure of the Russian Federation, history of state and law of Russia, comparative-historical method in jurisprudence.

Стребкова Е.Г.

*Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного и международного права
ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»;
e-mail: strebkowa.lena@yandex.ru*

ТРАНСПАРЕНТНОСТЬ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ ЕЕ РАЗВИТИЯ

Статья посвящена анализу такого современного явления, охватывающего все ветви власти современного государства, как транспарентность. Исследуется транспарентность судебной власти в свете проводимого реформирования судебной системы.

Ключевые слова: судебная власть, информация, транспарентность, суды.

Strebkova E.G.

*Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor of Department of Constitutional and International Law of Saratov State Law Academy;
e-mail: strebkowa.lena@yandex.ru*

TRANSPARENCY OF THE JUDICIARY AS ONE OF ITS DEVELOPMENT TREND

The article analyzes such modern phenomenon that covers all branches of the modern state as a transparency. The paper investigates the transparency of the judiciary within in the judiciary reform.

Keywords: judiciary, information transparency, courts.

Селезнева Н.М.

*Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры прокурорского надзора и организации правоохранительной деятельности
ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»;
e-mail: natsel2@mail.ru*

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ В ЗЕРКАЛЕ РЕФОРМ

В статье делается акцент на преемственности судебных преобразований 1864 г. и современной судебной реформы. Рассматриваются проблемные аспекты функционирования и реформирования судебной системы в современной России.

Ключевые слова: судебная власть, судебная реформа, развитие судебной системы, объединение судов.

Selezneva N.M.

*Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of Department of Prosecutorial Supervision and Enforcement Activity of Saratov State Law Academy;
e-mail: e-mail: natsel2@mail.ru*

THE JUDICIARY AS A REFLECTION OF THE REFORM

The article focuses on the continuity of judicial reforms of 1864 and a modern judicial reform. The author examines the problematic aspects of the functioning and reforming of the judiciary in Russia.

Keywords: judiciary, judicial reform, development of the judiciary.

Разгильдиев Б.Т.

*Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного
и уголовно-исполнительного права
ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»,
заслуженный деятель науки Российской Федерации;
e-mail: tkuzina@sgar.ru*

**СОЦИАЛЬНАЯ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ
УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ И ЕЕ ВИДЫ**

В статье дается понимание социальной результативности «работы» уголовного законодательства России; определяются уголовно-правовые виды ее обеспечения.

Ключевые слова: социальная результативность, наказание, задачи уголовного законодательства, виды уголовно-правового обеспечения.

Razgildiev B. T.

*Doctor of Legal Sciences, Professor of Department of Criminal and Penal Law
of Saratov State Law Academy; e-mail: tkuzina@sgar.ru*

**SOCIAL EFFECTIVENESS OF THE CRIMINAL LEGISLATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION AND ITS TYPES**

The article covers the issues of social effectiveness of the Russian criminal legislation. The types of its criminal legal groundwork are proposed.

Keywords: social effectiveness, penalty, purposes of criminal legislation, types of criminal legal groundwork.

Абалдуев В.А.

*Кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой трудового права
ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»;
e-mail: vabalduев@sgar.ru*

**СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА КАК НЕНОРМАТИВНЫЙ РЕГУЛЯТОР ОТНОШЕНИЙ
В СФЕРЕ ТРУДА: СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ**

В статье рассматриваются понятие и значение судебной практики как правового явления, оказывающего влияние на регулирование отношений в сфере труда. Анализируются общие и частные проблемы современной практики по трудовым делам.

Ключевые слова: труд, трудовые отношения, судебная практика, единство правового регулирования.

Abalduев V. A.

*Candidate of Legal Sciences, Head the Department of Labour Law
of Saratov State Law Academy; e-mail: vabalduев@sgar.ru*

**JUDICIAL PRACTICE AS NON-NORMATIVE REGULATOR RELATIONS AT WORK:
STATUS AND PROBLEMS**

The article discusses the concept and importance of judicial practice as a legal phenomenon that affects the regulation of relations in the workplace. The general and specific problems of the modern practice of labor affairs are shown.

Keywords: labor, labor relations, litigation, the unity of the legal regulation.

Афанасьев С.Ф.

*Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского процесса
ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»;
e-mail: af.73@mail.ru*

О СПЕЦИАЛИЗАЦИИ СУДОВ И СУДЕЙ: ОТ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА ДО СОВРЕМЕННОСТИ

В статье с учетом особенностей исторического развития России анализируется проблема специализации судов и судей. Рассматриваются различные допустимые критерии специализации, прежде всего, предметный и субъектный, исходя из чего доказывается целесообразность дальнейшего внедрения специализации судей в рамках существующей реформированной судебной системы.

Ключевые слова: судебная реформа, специализация судов и судей, предметный и субъектный критерий (признак), гражданское судопроизводство, административная юстиция.

Afanasiev S.F.

*Doctor of Legal Sciences, Associate Professor of Department of Civil Procedure
of Saratov State Law Academy; e-mail: af.73@mail.ru*

ON THE SPECIALIZATION OF COURTS AND JUDGES: FROM THE JUDICIAL REFORM IN THE MIDDLE OF THE XIX TH CENTURY TO THE PRESENT DAY

The author considers the various specialty criteria, first of all, objective and subjective, on account of which he proves the use of a further implementation of judge specialization within the existing court system. This article analyzes the problem of specialty of courts and judges, taking into account the peculiarities of historical development of Russia.

Key words: judicial reform, specialization of courts and judges, subject and object criteria, civil procedure, administrative justice.

Белюсов С.А.

*Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права
ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»;
e-mail: sbelousov@sgap.ru*

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РФ КАК СРЕДСТВО ПРЕОДОЛЕНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ДИСБАЛАНСА

В статье исследуется роль актов толкования правовых норм — постановлений Пленума Верховного суда РФ в преодолении законодательного дисбаланса, существующего в российской правовой системе. На примере конкретных ситуаций рассматриваются характер и специфика актов высшей судебной инстанции при устранении различных форм законодательного дисбаланса, делается вывод об их значении при решении различных проблем правоприменения.

Ключевые слова: законодательный дисбаланс, Пленум Верховного Суда РФ, правотворчество, судебное толкование.

Belousov S.A.

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of Department of Theory of State and Law of Saratov State Law Academy; e-mail: sbelousov@sgap.ru

**ACTS OF THE PLENUM OF THE SUPREME COURT
OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A MEANS OF OVERCOMING
THE VARIOUS FORMS OF LEGISLATIVE DISBALANCE**

The article investigates a role of acts of interpretation of legal rules, acts of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, in a overcoming of a legislative disbalance in the Russian legal framework. The nature and specific character of supreme judicial authority acts in overcoming of a legal disbalance are regarded. The conclusion of its significance in law enforcement is made.

Keywords: legislative imbalance, the Plenum of the Supreme Court, law-making, judicial interpretation.

Соловьева Т.В.

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»; e-mail: s80t@rambler.ru

**ПОСТАНОВЛЕНИЯ ВЫСШИХ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ
В НОВОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ**

В статье рассматривается значение постановлений Верховного Суда РФ, Конституционного Суда РФ, Европейского суда по правам человека в гражданском процессе. Формулируется вывод о необходимости закрепления обязательного значения указанных актов для судов.

Ключевые слова: постановление, Верховный Суд РФ, Конституционный Суд РФ, Европейский суд по правам человека, гражданский процесс, судопроизводство.

Solovieva T.V.

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of Department of Civil Procedure of Saratov State Law Academy; e-mail: s80t@rambler.ru

**THE JUDGMENTS OF THE SUPREME JUDICIAL AUTHORITIES
IN THE NEW CIVIL PROCEDURE LAW**

The article is devoted to consideration of the value judgments of the Supreme Court of the Russian Federation, the Constitutional Court of the Russian Federation, the European Court of Human Rights in civil proceedings. The conclusion about the necessity of fixing of obligatory value of the specified acts for courts is drawn.

Keywords: the decision, the Supreme court of the Russian Federation, the Constitutional Court of the Russian Federation, the European Court of Human Rights, civil procedure, legal proceeding.

Ефимова И.В.

Кандидат юридических наук, судья Саратовского областного суда

**ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ ГРАЖДАНСКИХ ДЕЛ
В АПЕЛЛЯЦИОННОМ ПОРЯДКЕ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

В статье рассматривается развитие института обжалования судебных актов в Российской империи, его специфика на различных исторических этапах; проводится сравнительный анализ действовавшего в Российской империи и закрепленного в ныне действующем законодательстве механизма апелляционного обжалования.

Ключевые слова: апелляция, обжалование судебных актов, история гражданского судопроизводства.

Efimova I.V.

Candidate of Legal Sciences, Saratov regional court judge

PECULIARITIES OF CIVIL CASES APPEAL: HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS

The article considers the development of institution of judicial act appeal in the Russian Empire, its specific characters in the different historical periods. The author analyses the appeal mechanism that was in the Russian Empire and in the present legislation.

Keywords: appeal, judicial act appeal, history of civil proceeding.

Царенко П.П.

Кандидат юридических наук, судья Саратовского областного суда

СТАНОВЛЕНИЕ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В УСЛОВИЯХ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 ГОДА

В статье рассматривается процесс становления и развития судебных установлений на территории Саратовского региона. Обращается внимание не только на различные аспекты деятельности различных элементов судебной системы, но и на персональный состав.

Ключевые слова: Судебная реформа 1864 г., Саратовская губерния, история судебной системы.

Tsarenko P.P.

Candidate of Legal Sciences, Saratov Regional court judge

FORMATION OF THE COURT SYSTEM IN THE SARATOV PROVINCE ACCORDING TO THE JUDICIAL REFORM OF 1864

The article is devoted to a process of formation and development of judicial institutions in the Saratov province. The author pays attention to different aspects of court activity and its personnel.

Keywords: judicial reform in 1864, Saratov province, the history of the court system.

Царев Ю.Н.

*Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса
ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»*

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ НЕКОТОРЫХ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПРИ РАССМОТРЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

В статье рассматривается вопрос о проблемах реализации принципов состязательности и права на защиту на стадии рассмотрения уголовного дела судом. При этом обращается внимание на имеющуюся недостаточную урегулированность некоторых теоретических положений, которые сказываются на эффективности судебного разбирательства и в конечном счёте влияют на возможность реализации своих прав участниками уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: принципы уголовного процесса, судебное разбирательство.

Tsarev Ju.N.

*Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of Department of Criminal Procedure
of Saratov State Law Academy*

THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS OF IMPLEMENTATION OF SOME PRINCIPLES OF CRIMINAL PROCEDURE AT CRIMINAL TRIAL

This article discusses the problems of implementing of the principles of adversarial system and the right to protection during the criminal trial. At the same time the author draws attention to the lack of an existing regulatedness of some theoretical positions that affect on the trial efficiency trial and ultimately on the ability of exercising the parties rights in the criminal trial proceedings.

Keywords: principles of criminal procedure, trial.

Лакаев О.А.

*Кандидат юридических наук, доцент кафедры административного
и муниципального права
ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»;
e-mail: olegoleg81@mail.ru*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

В статье анализируются вопросы применения законодательства об административных правонарушениях. Особое внимание обращается на установленную Конституционным Судом РФ возможность в определённых случаях назначать административное наказание ниже низшего предела.

Ключевые слова: административное правонарушение, административная ответственность, административное наказание.

Lakaev O.A.

*Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of Department of Administrative
and Municipal Law of Saratov State Law Academy; e-mail: olegoleg81@mail.ru*

ACTUAL PROBLEMS OF MANUFACTURE ON AFFAIRS ABOUT ADMINISTRATIVE OFFENCES

The work analyzes the application of the legislation on administrative offences. The author pays a special attention to the ability in certain cases to appoint an administrative penalty below the lower limites that established Constitutional Court of the Russian Federation.

Keywords: administrative offence, administrative responsibility, administrative punishment.

Сухова Е.А.

*Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры земельного
и экологического права
ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»*

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЗЕМЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье исследуются земельные споры, разрешение которых наиболее часто вызывает проблемы в судебной практике. Отмечаются изменения земельного законодательства в ближайшей перспективе, призванные коренным образом совершенствовать правовое регулирование.

Ключевые слова: земельное законодательство, предоставление земель, кадастровая стоимость, разрешенное использование земельного участка, суд, судебная практика, земельные споры, земельная реформа.

Suhova E.A.

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of Department of Land and Ecological Law of Saratov State Law Academy

PROBLEMS OF APPLICATION AND PROSPECT OF DEVELOPMENT OF THE LAND LEGISLATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

In the present article land disputes that arise most problems in court practice are investigated. The changes of the prochain land legislation urged to improve radically legal regulation are noted.

Keywords: land legislation, land grant, cadastral value, permitted use of the land plot, court, court practice, land disputes, land reform.

Кожокаръ И.П.

*кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой гражданского и международного частного права
ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»;
e-mail: 89272234877@mail.ru*

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ЕДИНСТВА СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В статье анализируются соотношение понятий судебная практика и судебный прецедент, проблемные аспекты, связанные с реализацией принципа единства судебной практики в современных условиях; судебная практика по различным категориям дел. Указывается на существенные расхождения в толковании норм.

Ключевые слова: судебная практика, судебный прецедент, принцип единства, дефект.

Kozhokar I.P.

*Candidate of Legal Sciences, Head of the Department of Civil and Private International Law of Saratov State Law Academy;
e-mail: 89272234877@mail.ru*

THE PROBLEMS OF REALIZATION OF THE PRINCIPLE OF UNIFORMITY OF COURT PRACTICE IN THE MODERN CONDITIONS

In this article the ratio of concepts such as court practice and judicial precedent, are analyzed as well as the problem aspects of the realization of the principle of uniformity of court practice in the modern conditions. The author analyzes the court practice on various categories of law cases pointing out the essential divergences in interpretation of rules of law.

Keywords: court practice, judicial precedent, the principle of the uniformity, defect.